

Наталья Тимошенко

ИСЧЕЗАЮЩИЕ
В ТЕМНОТЕ

Annotation

Автомобильная авария разделила жизнь Марка на до и после. Он был талантливым художником, а стал сомнительным медиумом, не расстающимся с тростью. Он слышит и видит призраков, и они не дают ему покоя. Ему нужна помощь девушки, которая однажды уже спасла его. Рита живет с бабушкой, ищет работу мечты и остро нуждается в деньгах. Подработка в салоне магии не похожа на мечту, но за нее обещали прилично заплатить. И работать придется в паре с обаятельным, хоть и немного сумасшедшим медиумом. Кто же знал, что эта подработка изменит ее представление не только о мире вокруг, но и о себе самой?

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Эпилог](#)

Глава 1

В кабинете стояла невероятная духота. Открытое настежь окно не приносило прохлады, зато прямые солнечные лучи, попадая внутрь помещения, нагревали воздух до состояния раскаленного железа. Кадровичка — полная женщина лет сорока с высокой прической «халой», затянутая в слишком узкое цветастое платье, подчеркивавшее все складки кожи и делавшее ее похожей на сардельку из университетской столовой — то и дело обмахивала себя исписанным с двух сторон листом А4, пока читала резюме. Ее брови, сошедшиеся у переносицы, как только она взяла в руки распечатанный листок, так и не разошлись обратно, и Рите казалось, что они склеились намертво липкими капельками пота, постоянно выступавшими в кожной складке. «Сарделька» периодически вытирала их толстыми пальцами, украшенными несколькими кольцами с крупными камнями, но они быстро появлялись снова.

— А почему вы не остались работать в Александровской, где проходили интернатуру? — наконец лениво спросила она, не отрывая взгляда от напечатанных строк.

Рита вздрогнула и машинально села прямее. Кадровичка читала ее небольшое резюме, уместившееся на одну страничку, так долго, что она почти успела уснуть.

— У них не было вакансий, — четко ответила она, словно находилась на экзамене.

— Па-а-анятна, — протянула «сарделька».

И это «па-а-анятна» сказало Рите все. Очередной отказ. Она вздохнула и опустила взгляд в пол, даже спина сгорбилась сама собой, словно позвоночник устал поддерживать свою нерадивую хозяйку, которая вот уже больше месяца не могла найти работу.

— Мне нужно показать ваше резюме главврачу, а потом мы вам позвоним, — предсказуемо заявила «сарделька», откладывая лист бумаги в сторону.

— Спасибо большое.

Благодарность прозвучала фальшиво, но Рита и не пыталась придать ей искренности. Она поднялась, взяла в руки сумку и, попрощавшись, вышла за дверь. Отдел кадров Свято-Симеоновской больницы находился на первом этаже у самого выхода, и спустя уже полминуты она оказалась в больничном дворе. Здесь росли пышные деревья, дающие земле

спасительную тень, а потому выходить на широкий проспект под палящие лучи летнего солнца Рите не хотелось. Она села на ближайшую скамейку и даже вытащила из сумки телефон, чтобы позвонить бабушке, но передумала. Зачем расстраивать старушку прямо сейчас? Пусть надежда в ней проживет еще немного. Вместо этого Рита достала блокнот и вычеркнула в нем еще один пункт. Список больниц, куда она разослала резюме, стремительно уменьшался. Если сначала она пыталась устроиться куда-нибудь поближе к дому, то затем начала искать хоть что-нибудь. Эта, например, находилась в противоположном конце города, на самой окраине, далеко от метро. Чтобы приехать сюда, Рите понадобилось почти два часа.

Но и отсюда ей никто не позвонит. Из девяти мест, где она уже побывала на собеседовании, ей перезвонили только из одного, и то чтобы сообщить об отказе. Остальные не утруждали себя подобными звонками, полагая, что соискатели и сами обо всем догадаются.

Кадровиков и главврачей, казалось, отпугивало буквально все: и ее возраст, и отсутствие опыта, и даже красный диплом, будь он неладен! Зачем только она провела столько бессонных ночей ради него? Даже если у них была нехватка врачей, ей все равно отказывали.

Маргарита закончила медицинский колледж по специальности «фельдшер», когда ей уже исполнилось двадцать, и сразу же устроилась работать на «скорую помощь». Там-то сотрудники требовались постоянно. Огромная нагрузка и ответственность никак не соответствовали мизерной зарплате, потому текучка была большая. «Зеленого» фельдшера с отсутствием опыта взяли с превеликим удовольствием. Через год она решила, что нужно двигаться дальше. Бабуля поддержала это ее решение и, несмотря на то, что давно вышла на пенсию, взяла нескольких учеников. Это позволило им обоим продержаться то время, пока Рита училась в медицинском университете. И вот теперь у нее в кармане красный диплом по специальности «Неврология», а работы нет.

— В вашем возрасте врачи уже категории имеют, — сказали ей в одной из больниц, куда она пришла на собеседование. — А вам почти тридцать, но ни опыта, ни категории. А потом вообще замуж выйдете, детей нарожаете, и все.

На самом деле Рите было всего лишь двадцать восемь, но никакого значения это не имело. Ее однокурсники давно устроились, а она словно проклятая ходила по бесконечным собеседованиям.

Конечно, на «скорую» ее всегда с удовольствием примут обратно, но какой тогда смысл было тратить семь лет жизни на учебу?

Рита со вздохом спрятала блокнот и телефон обратно в сумку. Еще

парочка отказов — и придется идти на станцию «скорой помощи». Запас финансовых средств стремительно уменьшался, а поступлений не предвиделось. На одну бабушкину пенсию сильно не разгуляешься, не брать же старушке новых учеников, чтобы внучка имела еще немного времени на поиски работы своей мечты.

За всеми этими мыслями Рита не заметила, как в абсолютно пустом больничном дворе появился мужчина и медленно подошел к ней. Она обратила на него внимание лишь тогда, когда он опустил на скамейку рядом с ней. Она недовольно посмотрела в его сторону, мысленно поражаясь тем людям, которые умудряются подсесть к другим при наличии кучи свободных мест буквально везде, однако тут же устыдилась своей мысли: мужчина, несмотря на довольно молодой возраст, держал в руках трость. Если он тоже вышел из здания больницы, то ее скамейка оказалась ближайшей.

Заметив, что она наконец обратила на него внимание, незнакомец улыбнулся.

— Привет.

— Добрый день, — вежливо ответила Рита. Разговаривать ей не хотелось, но молча встать и уйти показалось грубостью.

— Опять отказ? — поинтересовался мужчина.

— Угу, — кивнула она и только потом спохватилась: — Откуда вы знаете, что я ищу работу?

— Я видел, как вы выходили из кабинета отдела кадров.

— Неправда, — Рита напряглась. — Коридор был пуст, во всей больнице тихий час, вы не могли меня видеть. Это во-первых, а во-вторых, мало ли по какой причине я туда заходила?

— Но ведь я же угадал? — Незнакомец сверлил ее взглядом темных глаз и по-прежнему улыбался.

— Что вам надо? — прямо спросила Рита, уже не стараясь казаться вежливой.

— Хочу предложить вам работу. — Мужчина пожал плечами, словно это было самое обычное заявление в мире.

— С какой стати вам помогать мне?

— Когда-то вы спасли мне жизнь.

— В самом деле?

Теперь Рита повернулась к нему всем корпусом, внимательно разглядывая и пытаясь вспомнить его. На вид ему было около тридцати, может, чуть больше, но не сильно. Светлые волосы падали на глаза и чуть-чуть прикрывали уши, как будто он давно не стригся, но специально их не

отращивал. Непонятно как на этом лице с такими же светлыми бровями и ресницами оказались темно-карие глаза, но они невероятно шли ему, и Рита подумала, что где-то уже видела это необычное сочетание. Вспомнить сейчас, где именно, она не могла. Небольшая светлая щетина выдавала то, что он не только давно не стригся, но и уже пару дней не брился. Тонкая футболка с коротким рукавом не скрывала хорошего телосложения, но вот трость в руках ясно говорила о том, что у него проблемы с ногами. Конечно, это не отменяло того факта, что он мог получить какую-то временную травму, но Рита почему-то была уверена, что это не так.

— Вы меня не помните, наверное, — правильно расценил ее изучающий взгляд незнакомец. — Мы встречались один раз восемь лет назад. Авария на Самсониевском проспекте, помните? Лобовое столкновение Мазды и Тойоты. Вы работали на «скорой», а я был за рулем Мазды.

Теперь Рита наконец вспомнила его. Точнее, вспомнила саму аварию, его она едва ли узнала бы, он тогда был весь в крови.

Увидев, что она припоминает его, незнакомец снова улыбнулся и протянул ей руку.

— Марк. Марк Гронский.

Рита улыбнулась ему в ответ, теперь уже тоже приветливо, без недоверия во взгляде, и пожала протянутую руку, которая оказалась теплой и отчего-то совершенно сухой, как будто на ее обладателя не действовало палящее солнце. Ей на мгновение стало неловко за свою наверняка вспотевшую ладонь.

— Маргарита Истомина.

— Очень приятно. Теперь я наконец-то могу сказать вам «спасибо».

Рита смутилась.

— Вам не меня нужно благодарить. Я была всего лишь фельдшером, а наша машина даже не была оборудована необходимым реанимационным набором. Вас спасли другие люди.

— Неправда.

Марк посмотрел ей в глаза, и Рита поежилась, словно по спине пробежал неприятный, неизвестно откуда взявшийся в этот жаркий день, холодок.

«Он знает», — промелькнула у нее в голове невероятная мысль.

— Это вы меня спасли, — уверенно заявил он. — Я помню.

— Вы были без сознания.

— Я был мертв.

Рита выдержала ладонь из его руки, только сейчас сообразив, что

забыла сделать это раньше. Она вскочила на ноги и взяла в руки сумку.

— Если бы вы были мертвы, то не сидели бы сейчас здесь, — заявила она, чувствуя, как дрожит голос.

— Я сижу здесь только благодаря вам, — спокойно произнес Марк, глядя на нее снизу вверх. Казалось, его совсем не смутила ее вспышка. — И хочу отблагодарить вас за это. Вам ведь нужны деньги.

— Вы ошибаетесь.

Рита перекинула тонкий ремешок через плечо и собралась уйти, но Марк поднялся следом.

— Пожалуйста, Маргарита, не заставляйте меня бежать за вами, вы же видите, мне это сложно!

Рита остановилась, несколько раз глубоко вдохнула и обернулась. Марк стоял возле скамейки, опираясь на трость, и в его глазах она внезапно увидела что-то, похожее на просьбу. Как будто он не предлагал ей работу, а просил о ней сам.

— Возьмите визитку. — Он протянул ей небольшой картонный прямоугольник. — Не отказывайтесь сразу, подумайте.

Рита еще раз вздохнула, вернулась к скамейке и взяла у него из рук визитку. На черной картонке золотыми буквами было написано:

Магический салон колдуньи Ксении
Поможем заглянуть в будущее,
поговорить с безвременно ушедшими,
завоевать любимого

— Вы надо мной издеваетесь? — воскликнула Рита, прочитав надпись и недоверчиво посмотрев на Марка.

— Вовсе нет, — тот обезоруживающе улыбнулся ей. — Наоборот, хочу помочь.

— Я до такого еще не докатилась. В крайнем случае, всегда смогу устроиться на «скорую».

— Кое-кому нужна ваша помощь. Вы же этого хотите, не так ли? Помогать людям.

— Чем? — Рита прищурила глаза, уже не скрывая раздражения в голосе. — Чем помогать? Разговаривать с умершими родственниками?

Марк внезапно рассмеялся.

— Ну уж нет, — заявил он. — Я не позволю вам отбирать у меня хлеб. В салоне Ксении с умершими разговариваю я.

Рита закатила глаза. Все это стало походить на какой-то театр абсурда,

но у нее не было ни времени, ни желания участвовать в постановке.

— Вы сумасшедший!

— Не больше, чем вы. — Марк развел руками, словно говоря, что знает все ее самые потаенные секреты. — Я предлагаю вам сделку: вы помогаете мне, а я щедро за это плачу.

— Чем это, интересно, я могу вам помочь?

— А вот это я скажу вам, только если вы согласитесь. — Марк кивнул на визитку, которую она так и сжимала в руке. Рита тоже перевела на нее взгляд.

— Тогда боюсь, я этого так и не узнаю, — бросила она и, резко развернувшись, зашагала в сторону выхода из больничного двора. Если он не может ее догнать, тем лучше для нее. Только сумасшедших ей не хватало, как будто без того мало проблем.

Рита уже успела добежать до остановки общественного транспорта и вскочить в первый попавшийся троллейбус, когда Марк только доковылял до ворот. Переломанные восемь лет назад ноги с самого утра немилосердно выкручивало, что несомненно означало приближающийся дождь. Его кости предсказывали изменения погоды точнее, чем гадальные карты Ксении.

Припаркованная неподалеку от входа в больничный двор ярко-красная небольшая машина тут же сдвинулась с места, подъехала к нему и остановилась. Марк открыл дверь и сел на переднее пассажирское сиденье, пытаясь устроить левую ногу, которой когда-то досталось особенно сильно, как можно удобнее. Темноволосая девушка в солнечных очках, сидевшая за рулем, со смесью жалости и тревоги следила за его бесполезными попытками. Они оба знали, что пока не пойдет дождь, удобного положения он не найдет.

— Ну что? — спросила она, когда Марк наконец перестал ерзать и закрыл за собой дверь.

— Отказалась.

— Я же говорила, что нужно не так действовать! — девушка раздраженно стукнула кулачком по рулю, попав в самое удачное место: машина тут же издала звуковой сигнал.

Шедшая по тротуару старушка подпрыгнула от неожиданности и зло уставилась на автомобиль, пытаясь разглядеть через тонированные стекла водителя.

— Вали отсюда, карга старая! — прошипела девушка. Благо в машине работал кондиционер, окна были закрыты, а потому старушка ничего не

услышала. Брюнетка снова повернулась к Марку. — Я бы могла ее заставить.

— Не стоит, — Марк покачал головой. — Она придет сама.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я знаю людей, Лер, — улыбнулся он. — И знаю Маргариту. Она придет.

Лера насупилась, включила передачу и медленно тронулась с места. Она не любила, когда ее очередной раз попрекали незнанием человеческой психологии. Откуда ей было это знать, если она почти не жила среди людей?

— Как все люди, она любопытна, — продолжал Марк, не заметив реакции спутницы. — Я подогрел ее любопытство. Она жаждет помогать людям. Я дал понять, что мне нужна ее помощь. Она придет.

— Откуда ты знаешь, что она хочет помогать? — Лера бросила на него непонимающий взгляд.

Марк улыбнулся, глядя исключительно на дорогу впереди.

— Я поговорил с ее родителями.

— Они мертвы?

— Уже больше двадцати лет.

— Не переживай, дорогая, — голос бабули по телефону звучал преувеличенно бодро, что как нельзя лучше выдавало ее расстройство очередным отказом, — ты обязательно найдешь что-нибудь подходящее.

— Угу, — Рита обреченно кивнула, подхватила за «ушко» чашку со свежеприготовленным чаем и медленно, чтобы не расплескать содержимое на старый паркет, направилась в гостиную. Бабуля всегда ругала ее за привычку наливать кипяток по самые края, а потому она позволяла себе это, только когда находилась дома одна.

— В крайнем случае, я возьму с сентября еще парочку учеников, — добавила Вера Никифоровна.

— Нет! — Рита даже остановилась, так и не дойдя до гостиной. — Об этом не может быть и речи. Тебе давно пора отдыхать и наслаждаться жизнью. Что я за человек такой, если и в тридцать лет буду сидеть у тебя на шее?

— Ну, не преувеличивай, — рассмеялась бабуля в трубку, — тебе еще даже до двадцати девяти больше двух месяцев. Уж до тридцати-то ты точно найдешь работу своей мечты.

Рита вздохнула, разглядывая свое отражение в огромном зеркале в

старой деревянной оправе. Хоть ты замуж выходи, чтобы решить вопрос с деньгами да отправить наконец бабушку на Рождество в ее обожаемую Вену. Старушка не была там почти восемь лет. Так и помрет, не увидев больше любимый город. Одна беда: замуж ее тоже никто не зовет.

Поговорив с Верой Никифоровной еще несколько минут, Рита выключила телефон и наконец уселась на диван, чтобы выпить чай и посмотреть какой-нибудь сериал, но так и не включила телевизор, глядя в его темный экран. В их квартире все еще не было модной плазмы, на тумбочке по-прежнему красовался старенький лупоглазый ящик, ловивший не больше десяти каналов, но она любила этот телевизор, как и всю квартиру в целом, обставленную старой, но еще добротной мебелью.

В бабушкину квартиру Рита переехала сразу после гибели родителей в автоаварии, когда ей едва исполнилось семь лет. Бабушка быстро оформила опеку, и из больницы Рита вернулась уже сюда. Здесь они и прожили вдвоем больше двадцати лет. Рита знала каждую царапинку на мебели, каждую скрипящую досочку на полу, любила по выходным натирать паркет и раскладывать по столам накрахмаленные салфетки.

Бабушка — преподаватель немецкого языка — вышла на пенсию, когда Рита закончила школу, на сэкономленные деньги купила небольшую дачу в сотне километров от Санкт-Петербурга, но продолжала иногда заниматься репетиторством, ездила несколько раз в год в путешествия, и в общем им было хорошо вдвоем.

Когда Рита пошла учиться сначала в колледж, а затем и в университет, с деньгами стало несколько сложнее. Ей продолжали платить пенсию как сироте, и она даже получала стипендию, но расходы теперь значительно увеличились: нужно было оплачивать учебники, методички, проезд в общественном транспорте. Бабушка уже не могла путешествовать так, как раньше.

— Ерунда, дорогая, — говорила она, когда в очередной раз не получалось навестить любимые страны и увидаться с дорогими друзьями, которыми Вера Никифоровна обзавелась за свою жизнь в достаточном количестве. — Вот закончишь учиться, тогда и наверстаем.

И вот Рита закончила, а воз и ныне там. Бабушка сидит на даче все лето вместо того, чтобы поехать к морю.

Рита вытащила из сумки блокнот, в который всегда записывала важные номера телефонов, не доверяя памяти электронных гаджетов. Сколько раз однокурсники и просто знакомые плакались, когда по какой-то причине теряли все номера, записанные только в память телефона.

Нужно позвонить Геннадию Михайловичу Терентьеву, главврачу

станции «скорой помощи», где она работала, и спросить, нужны ли им врачи. Когда Рита семь лет назад увольнялась оттуда, он обещал с радостью принять ее обратно, только уже в качестве не фельдшера, а врача.

Перелистывая страницы блокнота, она неожиданно наткнулась на черную визитку с золотыми буквами. Откуда она здесь? Рита попыталась вспомнить, выбрасывала ли ее, но так и не смогла. Вполне возможно, сбегаая от сумасшедшего Марка, она машинально сунула ее в сумку. В голову тут же пришло воспоминание о том случае восемь лет назад.

Была поздняя осень. Мрачная, темная, промозглая, как всегда в Санкт-Петербурге. Уже несколько дней шел дождь, небо было плотно затянуто тучами, а солнце уехало в отпуск в более везучие города. Они возвращались с очередного бесцельного вызова: она, водитель и санитар. В тот раз с ними не было не то что врача, а даже второго фельдшера. Так, конечно, не полагается, но где взять этих врачей и фельдшеров, если нет их? А те, что есть, и так работают на износ. Один фельдшер есть — и то радость. Температуру собьет и давление померяет, а если что-то серьезнее, отвезет в больницу.

Ветер швырял дождевую воду в лобовое стекло, из приемника лилась какая-то заунывная песня, и Рита, дежурившая уже почти сутки, начала проваливаться в сон. Что произошло дальше, она запомнила плохо. Просто в какой-то момент внедорожник, обогнавший их справа, поскользнулся на мокрой дороге, заметался из стороны в сторону, вылетел на встречную полосу и столкнулся с другой машиной. Их водитель дал по тормозам, Риту бросило вперед, но привычка всегда застегивать ремень безопасности не дала повредить себе что-то.

— ... твою мать!!! — заорал водитель, останавливаясь.

Что-то кричал и санитар Петька, визжали чьи-то тормоза, водители других машин, как могли, уходили от столкновения. Большой внедорожник протацил темную небольшую Мазду несколько метров и остановился.

Рита выскочила из машины и сама не помнила, как ноги донесли ее до груды металлолома, бывшей когда-то аккуратным седаном. Она рванула на себя водительскую дверцу, и та неожиданно легко поддалась. Мужчина за рулем был весь в крови, в красный цвет окрасилась и подушка безопасности. Рита не помнила, кто и как убрал ее, она видела перед собой только окровавленное лицо молодого водителя со стремительно угасающей жизнью в карих глазах. Кажется, он уже ни разу не вдохнул.

— Ты не умрешь, — прошептала ему Рита, сама не понимая, откуда в ней взялась эта уверенность и какое вообще ей было дело именно до этого мужчины.

Тысячи людей ежедневно гибнут в автомобильных авариях, а их машина «скорой помощи» не была оборудована необходимым для спасения набором. Она слышала, как Петька вызывал реанимационную бригаду, но понимала, что те не успеют. И все же она не могла позволить парню умереть лишь потому, что он оказался не в том месте не в то время, а в их карете нет ни врача, ни реанимационного набора.

Не до конца понимая, что делает, она взяла в ладони лицо мужчины и посмотрела ему в глаза. Какая-то неведомая сила, которая спала в ней всю ее жизнь, проснувшись лишь однажды, снова подняла голову. Она, эта сила, а вовсе не Рита, смотрела теперь в безжизненные карие глаза.

Время словно остановилось. Вокруг бегали люди, что-то кричали, кому-то звонили. Кажется, кто-то даже трогал ее за плечо, но Рита лишь смотрела и смотрела в карие глаза. А потом мужчина вдруг дернулся, резко вдохнул, выгнулся дугой, словно она пустила в него разряд электрического тока. Рита мгновенно отдернула руки от его головы. Он снова обмяк, но теперь дышал и даже тихо-тихо сквозь сжатые судорогой челюсти стонал от боли. Только тогда она увидела переломанные, перемешанные с влетевшим в салон двигателем ноги в темных окровавленных джинсах.

Она совсем не помнила следующие два дня. Ей дали пару выходных, хотя такая роскошь уже давно не снилась никому на станции. Работать приходилось по выходным и праздникам. А затем встречали с почестями, как героиню, и даже выдали премию. Главврач сказал, что парня довезли до больницы, он сейчас в реанимации и должен выкарабкаться. Реаниматологи передали, что девчонка, спасшая его, невероятная молодец. Оказала всю необходимую помощь в меру своих сил и даже больше. И никто не знал, как именно Рита его спасла. Она помнила, что на автомате накладывала жгут, останавливала кровь, делала что-то еще, но все это было уже не так важно. Главное она сделала чуть раньше. Последствия общения с таинственной силой она чувствовала еще несколько дней: страшно кружилась голова и немного подташнивало. С той премии она купила себе новые туфли и сумку бабушке.

Рита взяла телефон и решительно набрала номер с визитки. Она даже не представляла, какую работу ей мог предложить Марк, но кто сказал, что не может это выяснить?

Марк не отвечал долго. В какой-то момент Рите показалось, что никто уже и не ответит. Номер телефона на визитке принадлежал, скорее всего, самой колдунье Ксении, а вовсе не Марку. Или же телефон вообще находился в салоне, где в половине десятого вечера никто уже может и не работать. Она собралась сбросить звонок, как в трубке наконец

послышалось глухое «Алло?».

— Марк? — на всякий случай уточнила она, хотя голос определенно был его. — Добрый вечер, это Маргарита.

— Маргарита... — повторил он, как будто силился вспомнить, кто это. — Очень рад, что вы позвонили.

Его голос звучал странно: тяжело, словно во рту у него лежал кусок ваты, смоченный в клее, который он никак не мог прожевать. Рита снова взглянула на часы, убеждаясь, что не так уж и поздно для звонка. Впрочем, это не отменяет того, что он мог спать.

— Я подумала, что мне стоит узнать подробнее о вашем предложении, — сказала она.

Марк некоторое время молчал. Рита уже успела пожалеть о том, что позвонила. Все это вдруг снова показалось глупостью.

— Я очень рад, — наконец повторил Марк, и по его голосу она поняла, что он улыбается. — Жду вас завтра в двенадцать. Адрес есть на обратной стороне визитки.

Рита перевернула картонку. Обратная сторона неожиданно оказалась белой, и на ней обычными черными буквами было написано: «Апраксин переулок, д. 5. Вход со двора»

— Хорошо, я буду, — пообещала она.

— Прекрасно, — Марк снова улыбнулся. — Тогда до встречи.

— До встречи.

Рита выключила телефон и покачала головой, мысленно обзывая себя великовозрастной дурочкой. Бабушка будет долго смеяться, когда она приедет к ней на дачу и расскажет, как ходила в ведьмин салон на собеседование.

Глава 2

Следующее утро неожиданно выдалось мрачным и дождливым, хотя еще вчера ничто не указывало на такую резкую перемену погоды. Впрочем, в этом городе погода часто менялась в течение получаса, что уж говорить о целых сутках. Рита с трудом смогла продрать глаза только в десять часов. Голова кружилась, и ее немного тошнило. То ли от волнения, то ли оттого, что на вчерашний день выпало слишком много воспоминаний о примененной ею семь лет назад силе, как она сама втайне ее называла. По крайней мере, симптомы были такими же, и Рита думала, что ее состояние объясняется именно этим. Не могла же она в самом деле волноваться из-за собеседования в салоне магии! И не могли же ей на полном серьезе предложить работу в виде воскрешения мертвых, а ничего другого в голову ей пока не приходило.

Приняв душ и наспех позавтракав, она начала собираться. Ехать предстояло далеко: она жила на окраине, а Апраксин переулок находился в самом центре города. Бабушка с детства привила ей пунктуальность, потому опаздывать она не любила.

Однако сегодня звезды благоволили ей. Почему-то это выражение особенно забавляло ее, если учесть, куда и зачем она ехала. Трамвай долго ждать не пришлось, в метро было почти пусто, так что ей даже удалось сесть. К тому моменту, как она снова вышла на улицу, дождь прекратился и только тяжелые свинцовые тучи, висевшие низко над землей, портили этот летний день, не пропуская к земле лучи солнца. Впрочем, Рита была этому даже рада: такую удушающую жару, как вчера, она переносила с трудом.

Домом № 5 оказалось шестиэтажное старое строение грязно-розового цвета. Рита прошла вдоль него, рассматривая вывески, но так и не нашла ничего, что могло бы указывать на магический салон. Здесь находились только продуктовый магазин, салон красоты и ремонт обуви. Видимо, не зря на визитке было отдельно указано, что вход находится во дворе. В таких старых домах мелкие магазинчики и салоны часто располагались внутри двора, поэтому она подошла к железным воротам и толкнула калитку. Та легко поддавалась, и спустя несколько секунд Рита уже стояла посреди старого двора, оглядываясь по сторонам. Недалеко отсюда находился Апраксин рынок, в народе пренебрежительно прозванный Апрашкой: не самое благополучное место в городе. Поэтому она чувствовала себя неуютно и постаралась как можно скорее найти

необходимый ей вход. Наконец в самом дальнем углу она заметила коричневую дверь, на которой висела небольшая табличка: «Колдунья Ксения. Прием по предварительной записи». Рита дернула за ручку двери, и та тоже оказалась не заперта.

Она вошла внутрь и, как только за ней захлопнулась дверь, мгновенно оказалась в полной темноте и тишине. Здесь не было окон, а стены, видимо, специально обили черной тканью, не отражающей свет. Коротко чертыхнувшись, Рита вытащила из сумки телефон и включила в нем фонарик. Узкий коридор, в котором она оказалась, уходил далеко вперед и на первый взгляд не имел ни боковых ответвлений, ни входа в другие помещения, хотя в темноте нельзя было сказать наверняка.

— Эй? — осторожно позвала Рита, но в ответ не донеслось ни звука.

Ей пришло в голову, что Марк мог бы и встретить ее, чтобы она не плутала по этим дворам и коридорам. Впрочем, наверное, для этого ей следовало позвонить, она же приехала почти на двадцать минут раньше.

Рита осторожно прошла вперед и уперлась в единственную дверь, которая опять-таки оказалась не заперта. Похоже, колдунья не боялась ни воров, ни бомжей. Дверь, конечно же, тоже была черной, потому она и не увидела ее сначала.

Комната, куда она попала, оказалась небольшой. Стены здесь уже предсказуемо были выкрашены в черный цвет, мебель имела этот же оттенок, столь любимый колдунами и магами. На всех горизонтальных поверхностях в большом количестве стояли толстые свечи, но горела только небольшая часть из них. На стенах висели зеркала, отражающиеся друг в друге и создающие тем самым мистические коридоры и галереи. Посреди комнаты стоял письменный стол, укрытый черной тканью с бахромой. На нем лежал большой хрустальный шар, в котором причудливым образом отражался свет от пламени, колода каких-то карт, по размеру несколько больше обычных игральные, и стояла пара горящих свечей. В кресле рядом со столом, закинув на него ноги, сидела девушка. Видимо, та самая колдунья Ксения. Правда, она оказалась гораздо моложе, чем Рита могла себе представить. На вид ей было лет двадцать, может, чуточку больше. Длинные черные волосы водопадом спадали по обе стороны лица, челка закрывала глаза, придавая колдунье совсем детский вид. Несмотря на полумрак, глаза Ксении дополнительно прятались за большими темными очками. Пожалуй, единственным ярким пятном на лице оказались только кроваво-красные пухлые губы. Одета Ксения была совсем не по-колдунски: обычные синие джинсы с потертостями на коленях, футболка с ярким принтом, изображающая томную девицу с

большой сумочкой, и светлые балетки.

— Принимаем с часу, — не слишком вежливо заявила Ксения, заметив гостью на пороге и даже не думая снимать ноги со стола.

«Поразительное пренебрежение к предметам магии», — хмыкнула про себя Рита.

— Я к Марку, — вслух ответила она, решив тоже не тратить время на приветствия.

Колдунья тут же подхватила с места и с интересом уставилась на Риту, хотя та не представляла, как она может что-то видеть сквозь темные очки.

— О, так ты Рита, — улыбнулась она. — Я тебя не узнала. Я — Лера. — Девушка протянула ей руку.

Если Риту и покорило такое бесцеремонное обращение на «ты» со стороны, как оказалось, вовсе и не колдуньи Ксении, то она не стала заострять на этом внимания, молча пожав протянутую руку, и вежливо улыбнулась.

— Я думала, ты и есть Ксения, — ответила она, тоже переходя на «ты».

— Ну что ты, — Лера рассмеялась, обнажив два ряда безупречно ровных и белых, как жемчуг, зубов. — Я всего лишь ее помощница. Пойдем, Марк уже здесь.

Лера поманила ее за занавеску на задней стене, которую Рита сначала и не заметила: цветом она полностью сливалась со стенами.

За занавеской оказался абсолютно другой мир: мир самой обычной старой квартиры с высокими потолками, современным ремонтом и красивой мебелью. Лера привела Риту в большую светлую гостиную и заговорщицки улыбнулась.

— Подожди здесь, я его сейчас позову. Он, наверное, опять уснул. Ты пришла немного рановато.

Рита кивнула, провожая взглядом стремительно убегающую Леру. Хорош сумасшедший, спать до обеда. Она с интересом огляделась. Эта комната не имела ничего общего с магическим миром. Если бы она попала сразу сюда, в жизни бы не подумала, что квартира принадлежит женщине, называющей себя колдуньей. На выкрашенных в светло-бежевый цвет стенах даже висели картины. Она сразу поняла, что это не какие-то массовые реплики, которые можно купить в любом сувенирном магазине, а оригиналы, написанные талантливым художником. Бабушка была большой любительницей живописи, поэтому дома у них хранились альбомы с картинами, и она часто таскала внучку по всяким выставкам. Рита все это

искусство не сильно любила, но считала, что раз уж куда-то пришла, то нужно уметь наслаждаться происходящим.

Она подошла ближе, разглядывая пейзаж с изображением маленьких белых домов с синими крышами и такими же ставнями в окнах. Она без труда узнала типичную греческую деревушку, хоть никогда и не была в Греции. Внизу картины оказался и автограф художника. Рита наклонилась ближе, не веря собственным глазам: «М. Гронский». Все мгновенно встало на свои места. Так вот почему его лицо показалось ей знакомым! Вовсе даже не из-за аварии она его запомнила, тогда его трудно было узнать.

Когда она еще училась в колледже, на последнем курсе у нее случился страстный роман с одним из соседских мальчишек. Парень оказался романтиком, на свидания звал ее не в бары и кино, а в музеи и на выставки, считая, что она это любит, раз часто посещает с бабушкой. Об этом увлечении Веры Никифоровны знал весь двор. Одной из таких выставок и была выставка молодого талантливого художника Марка Гронского. Среди картин — в основном классических пейзажей, что у современных художников встречалось все реже — висела и его большая фотография. Рита как сейчас помнила светловолосого красавчика с карими глазами и широкой улыбкой. Надо же...

— Привет, — прервал ее мысли уже знакомый голос. — Рад, что ты пришла.

Рита обернулась, мысленно подивившись, как быстро в этих стенах все переходят на «ты». Марк доковылял до ближайшего кресла, хромая гораздо сильнее, чем вчера, и опустился в него. Судя по его виду, Лера была права, когда сказала, что он уснул. Всклоченные волосы, покрасневшие глаза и мятая рубашка говорили о том, что минуту назад он действительно спал.

«Интересно, чем он по ночам занимается, если днем спит?» — подумала Рита, но тут же одернула себя. Какое ей дело? Уж явно не на дискотеке пляшет. Может, они своей странной компашкой кошек на кладбищах в жертву дьяволу приносят, она бы не удивилась. Другой вопрос: что она здесь в таком случае делает?

— Может быть, чаю? — гостеприимно предложила Лера. — Ксения сказала, что минут через десять уже подойдет, тогда и сможем рассказать тебе, зачем мы тебя позвали.

— Да, это интересует меня больше всего, — кивнула Рита, без приглашения занимая кресло напротив Марка и стараясь напустить на себя немного недовольный и занятой вид. Как будто у нее была сегодня куча дел, и она пришла исключительно в виде одолжения. Скользнувшая по

губам Марка улыбка дала ей понять, что он разгадал ее маневр.

— Три чашки с мятой, — заключила Лера, переглянувшись с Марком. Темные очки она так и не сняла, а потому Рита не смогла понять, что такого эти двое сказали друг другу глазами.

— Значит, ты рисуешь, — полуутвердительно сказала она, когда Лера скрылась за дверью и где-то в глубине квартиры послышалось звяканье чашек, а молчание в гостиной, на ее взгляд, неприлично затянулось. Точнее, обычное молчание ее никогда не напрягало, она не относилась к той категории людей, которые стремятся непременно вести беседу, особенно с малознакомыми людьми. Ее напрягал взгляд, которым Марк, не стесняясь, ее разглядывал. Рита считала, что обладает вполне заурядной внешностью: обычные темно-русые волосы, которые могли бы быть и погуще, обычное лицо, которое могло бы иметь более выразительные черты, обычная фигура, которая тоже могла бы быть чуть тоньше. Ничего такого, на что стоило бы обращать внимание. Однако Марк разглядывал ее, как будто на ней диковинные узоры, и Рите подсознательно хотелось отвлечь его.

— Иногда, — кивнул он, посмотрев на нее уже так, как смотрят друг на друга обычные собеседники.

— Я была как-то на твоей выставке.

Марк рассмеялся. Почему-то сегодня он совсем не походил на того сумасшедшего, каким она запомнила его вчера. Сегодня он выглядел уставшим и каким-то... разбитым.

— Это было очень давно.

— Лет десять назад.

— Почти. У меня была всего одна выставка, но с тех пор многое изменилось.

Рита хотела спросить, что именно изменилось, ведь даже если он ходит с тростью после аварии, то на руки это едва ли повлияло, и он все еще может держать в них кисть, а значит, и писать картины, но в этот момент как маленький ураганчик в гостиную ворвалась Лера с подносом.

— Между прочим, я готовлю лучший во Вселенной чай с мятой, — громко объявила она. — Весь секрет в том, чтобы заваривать листики наикрутейшим кипятком.

Она поставила поднос на маленький столик между двумя креслами, где сидели Марк и Рита, и подвинула еще одно для себя.

— Может быть, ты хочешь есть? — спросила она у Риты. — У нас на кухне наверняка завалялось что-нибудь вкусное. Марк страшный сладкоежка.

— Нет, спасибо, хватит чая, — отказалась та, аккуратно беря в руки маленькую чашку с нарисованными на ней птицами.

В присутствии Леры ей начало казаться, что вся эта вежливость и желание угодить неспроста. Марк даже не поправил ее, когда она спросила, рисует ли он. Как говорит ее бабуля, рисуют дети на асфальте, а художники пишут картины. Ее как будто обхаживали, желая получить что-то взамен. Грешным делом она даже порадовалась, что не взяла с собой крупную сумму наличными и не надела подаренные бабушкой сережки с изумрудами, но тут же устыдилась этой мысли, поймав на себе очередной взгляд Марка. А вдруг он, уверенный в том, что однажды она вернула его из мертвых, надеется теперь, что она исцелит и его ноги? Целительницей Рита не была.

Лера о чем-то болтала и болтала, не умолкая ни на секунду и не давая никому вставить ни слова, Марк все так же рассматривал ее поверх чашки, но Рите теперь все это казалось каким-то неестественным. Она то и дело бросала взгляды на Марка, пытаясь понять, кем они с Лерой приходятся друг другу, кто им эта пока еще неизвестная Ксения и чего они все хотят от нее.

Когда чай был выпит почти наполовину, в коридоре громко хлопнула дверь. Гораздо ближе, чем та, через которую вошла получасом ранее Рита, и она догадалась, что в квартире есть еще один вход. Наверное, чтобы разделять жилую площадь и приемную колдуньи.

Ксения оказалась высокой худощавой женщиной чуть за сорок, чем-то напоминающей Леру. У нее были такие же черные волосы, но гораздо короче и сильно всклоченные, как будто их хозяйка забыла расчесаться, тонкие черты лица и пухлые губы. Только, в отличие от Леры, она не носила очки — ни темные, ни какие бы то ни было другие — и совсем не улыбалась. Чуть опущенные вниз уголки губ выдавали строгий, возможно, даже немного склочный характер.

— Собрались уже, — резюмировала она, оглядев пьющую чай троицу взглядом, каким обычно завучи школы смотрят на главных хулиганов, застигнутых за углом с сигаретой. У нее оказался низкий, как будто прокуренный, голос с легкой хрипотцой. — Сейчас я переоденусь и начнем. На улице снова этот проклятый дождь.

— Что начнем? — испуганно спросила Рита, когда Ксения исчезла за дверью. — Я еще ни на что не подписывалась!

Марк и Лера переглянулись. И если она не могла видеть глаз Леры, то

взгляд Марка ей не понравился.

— Не волнуйся, тебя никто не будет заставлять ничего делать, — сказал он, но в этот раз Рита почему-то не поверила ему. — Мы просто расскажем тебе, чем занимаемся. Если ты захочешь, то останешься, если нет — уйдешь.

Рите до боли в груди захотелось сказать, что она уйдет прямо сейчас, но что-то заставило ее промолчать. Пока ей не сделали ничего плохого, не сбегать же, раз уж пришла, что о ней подумают? Внутренний голос некстати заметил, что с этого обычно и начинаются все неприятности, но Рита отмахнулась от него.

Ксения вернулась очень быстро. Если она и переоделась, то Рита этого не заметила: черные джинсы и блузка были точно такими же, в каких она приходила раньше. Если только у нее весь гардероб не состоял из подобных вещей.

Ксения подтянула к столу еще одно кресло, налила себе в новую чашку уже остывшего чаю, залпом выпила его, а затем закурила. Сигарета у нее была необычная: темно-коричневая, с удушающе сладким ароматом, она вставлялась в длинный деревянный мундштук и курилась через него.

— Тебе уже рассказали, что от тебя требуется? — поинтересовалась Ксения, выпустив в воздух струйку сизого дыма.

Рита качнула головой, почему-то завороченно следя за этой струйкой, которая поднялась чуть выше головы колдуньи и словно застыла, не растворяясь и не исчезая.

— Мы еще не успели, — ответил вместо нее Марк.

Ксения бросила на него странный взгляд, показавшийся Рите насмешливым и немного презрительным, а затем снова посмотрела на нее.

— Как всегда, вся грязная работа мне, — вздохнула она. — Для начала кратко о том, кто мы. Этот салон я открыла год назад. Я раскладываю карты Таро, предсказываю по ним судьбу. Умею гадать по хрустальному шару, разбираюсь в хиромантии, кое-что понимаю в приворотах и отворотах. Марк может разговаривать с умершими людьми, как лично, так и письменно. Спиритической доской не пользуется принципиально, да ему это и не нужно, духи и так приходят по первому его требованию.

От Риты не укрылось, как при этом исказилось лицо самого Марка, словно эти слова причинили ему боль, хотя вчера он и сам говорил ей об этом.

— А Лера? — не удержалась она.

Лера вопросительно взглянула на Ксению, и та молча кивнула, словно дав разрешение на что-то. Тогда девушка впервые за все время сняла

темные очки и повернулась к Рите. Ту словно окатило раскаленным воздухом, и уже в следующее мгновение она стояла на асфальте среди белых домиков с голубыми окнами. Яркое греческое солнце ласкало обнаженную кожу плеч, жар от асфальта поднимался вверх по ногам, забираясь под легкий белых сарафан. Где-то далеко слышался шум прибоя и крики чаек. Рита с удивлением обернулась вокруг своей оси, понимая, что находится в том самом месте, которое Марк изобразил на своей картине.

— Что это такое? — шепотом спросила она, понимая, что это какой-то фокус.

В то же мгновение волна жара снова накрыла ее с головой, и она опять оказалась в просторной гостиной, только больше не сидела в кресле, а стояла посреди комнаты, испуганно озираясь по сторонам. Она совсем не помнила, когда успела встать. Лера поспешно вернула очки на место.

— Что это было? — повторила Рита, стараясь унять бешено колотящееся сердце и опасаясь еще раз посмотреть на Леру, хоть та уже и спрятала глаза за темными стеклами.

— Лера — своего рода телепат, — пояснила Ксения таким тоном, словно говорила о том, что Лера брюнетка. — Она умеет показывать другим образы из своей головы.

— Проблема в том, что я не умею это контролировать, — добавила Лера. — То есть стоит кому-то посмотреть мне в глаза, как он видит все, что творится у меня в голове.

— Поэтому ты все время носишь темные очки? — догадалась Рита, медленно приблизившись к креслу и снова опустившись в него.

— Поверь, образы в моей голове не всегда такие миролюбивые, как видела ты.

Марк при этом поперхнулся чаем и закашлялся. Рита с тревогой посмотрела на него.

— Лера показывает нашим гостям образы их родственников, с которыми они приходят пообщаться, — пояснила тем временем Ксения. — Многие салоны предлагают общение с мертвыми, но никто не может помочь с ними встретиться. В этом мы уникальны.

— Откуда она знает, как они выглядят? — не поняла Рита.

— Так ведь мы просим гостей принести фотографии.

Вся троица дружно рассмеялась. Рита только покачала головой. Теперь она была почти уверена, что они предложат ей место целителя в их теплой компании. Конечно, всяких гадалок и медиумов пруд пруди, открой любую газету — найдешь сотни объявлений, а хороших целителей днем с огнем не сыщешь. То есть их, конечно, так же много, как и гадалок, но разоблачить

их гораздо проще. Изобразить предсказание или общение с мертвым дедушкой намного легче, чем вылечить болезнь. Рите доводилось видеть последствия лечения таких «целителей». Люди попадали в больницу, когда врачи уже ничего не могли исправить.

— Может быть, ты хочешь поговорить с кем-то из своих родственников? — предложила Ксения, затягиваясь сигаретой и сквозь сизый удушливый дым поглядывая на нее. — Чтобы убедиться в том, что мы тебе не лжем.

Перед глазами Риты возникли образы ее родителей. Она почти не помнила их лиц, только по фотографиям. В ее собственных воспоминаниях она всегда видела их лишь со спины — как и в последний раз в жизни.

— Нет! — заявила она. Настроение мгновенно испортилось, и все это больше не походило на веселую шутку и демонстрацию фокусов. — И денег у меня нет вам заплатить.

— Нужны нам твои деньги, — фыркнула Лера, переставая изображать из себя приветливую дурочку. — Своих девать некуда.

— Лера, — спокойно осадил ее Ксения, а затем вновь посмотрела на Риту. — Это бесплатно.

— И бесплатно не надо.

Рита снова поднялась с кресла и направилась к двери, давая понять, что больше не собирается тратить на них свое время, но ее остановил Марк:

— Они хотят поговорить с тобой.

Она остановилась, но так и не обернулась.

— Не смейте. Приплетать. Моих. Родителей, — отдельно повторила она сквозь зубы.

— Они все время следят за тобой, — продолжил Марк, словно не слыша ее слов. — Говорят, что ты выросла красавицей и умницей. Они тобой гордятся. И хотят, чтобы ты поехала в этом году с бабушкой в Вену.

Возможно, если бы он не сказал последнюю фразу, Рита бы все-таки ушла. Но слова про Вену остановили ее. Марку неоткуда было об этом знать. Если до этого он говорил только общие фразы, которые подошли бы в девяносто девяти процентах случаев, то про Вену он знать не мог, если только не пил чай вместе с ее бабулей на даче, но бабуля рассказала бы ей об этом.

— Откуда ты знаешь про Вену? — глухо спросила она, так и не обернувшись.

— А еще они говорят, ты не должна винить себя в том, что не смогла их спасти, — вдруг сказал он.

И вот теперь Рита обернулась. Марк сидел в кресле очень прямо и смотрел куда-то в сторону окна, как будто видел там кого-то. Рита проследила за его взглядом, но предсказуемо ничего не увидела. Он попал в самое больное место. Рита чувствовала свою вину. И больше всего на свете боялась, что они тоже винули бы ее, если бы могли. Она старательно отмахивалась от этих мыслей всю жизнь, ведь она тогда была совсем крошкой, но теперь эти страхи снова ожили.

— Ты была ребенком и уже то, что смогла спасти бабушку, — большое чудо, — закончил Марк.

Рита поставила сумку на пол и вернулась в кресло, не сводя с него взгляда.

— Они здесь? — спросила она.

Марк кивнул.

— Если хочешь убедиться наверняка, что я тебя не обманываю, ты можешь поговорить с ними письменно, — предложил он. — Ты задаешь вопросы, я записываю их на бумагу, а они отвечают тебе.

Рита молча кивнула. Тут же на столе вместо подноса с чашками появился белый лист и простой карандаш. Она даже не увидела, кто их положил: Лера или Ксения. Марк ободряюще улыбнулся ей, взял карандаш и вдруг вздрогнул так сильно, как будто кто-то ударил его. Карандаш выпал из рук, а сам он прижал ладони к ушам и согнулся пополам, спрятав лицо в коленях. Рита услышала то ли стон, то ли тихое рычание.

— Марк? — испугалась она.

— Марк! — повторила Лера.

Рита обернулась к ней, безмолвно спрашивая, что происходит, но в то же мгновение Марк отпустил голову и снова выпрямился.

— Простите, — улыбнулся он так, словно ничего не произошло. — Призраки иногда любят пугать. Ну что, начнем?

Рита медленно кивнула, все еще растерянная и напуганная. Марк снова взял карандаш и размашисто написал на листке:

«Вы здесь?»

Он оторвал грифель от бумаги, но на ней само собой появилось одно короткое слово:

«Да».

— Что ты хочешь спросить у них? — этот вопрос он адресовал Рите.

Та растерялась, не представляя, что можно спросить. Когда она была маленькой, она сотни раз представляла себе встречу с родителями. Перед сном она придумывала, как они встречаются здесь, на земле, или уже на небесах, вела с ними длительные беседы, рассказывала всю свою жизнь,

делилась секретами. Но с тех пор прошло много времени, за которое она успела убедить себя, что невозможно встретиться с тем, кто уже умер, и теперь никак не могла придумать, что же сказать.

— Спроси, хорошо ли им там, — предложила Лера. — Обычно все начинают с этого.

Марк вопросительно посмотрел на Риту и, дождавшись слабого кивка, быстро написал вопрос. Некоторое время ничего не происходило, но затем одна за одной на белом листе снова проявились буквы:

«Все в порядке. Мы смотрим за тобой. Мы хотим, чтобы ты была счастлива. Ты выросла такой красавицей. Мы рады за тебя...»

Рита вдруг поняла, что больше не может сдерживать слезы. Они поднялись внутри огромной волной и остановились в районе груди, перекрывая дыхание. Она быстро вытерла лицо рукой, а затем подскочила на ноги и бегом бросилась к выходу из гостиной, на ходу бормоча какие-то извинения.

Глава 3

Едва Рита выскочила из гостиной, Лера тут же вернула очки на нос и подбежала к Марку, который так и сидел, согнувшись пополам и закрывая ладонями уши. Она опустилась рядом с ним на колени и заботливо погладила по руке.

— Марк, ты слышишь меня? — прошептала она, стараясь заглянуть ему в лицо и отнять ладони от ушей. — Как ты?

Марк кивнул, но так и не посмотрел на нее, зато она почувствовала, как ослабли его пальцы, сжимающие собственную голову. И тут же кто-то схватил ее за волосы и с силой дернул назад, заставив почти опрокинуться навзничь.

— Ты что творишь, паршивка? — прошипела Ксения, наклонившись к самому ее лицу.

Лера стиснула зубы, вцепившись руками в пальцы Ксении и пытаясь разжать их. Она как никогда жалела, что глаза скрыты очками. Уж она бы сейчас показала обидчице все круги ада!

— Отпусти! — прохрипела она, по одному разжимая держащие ее пальцы. — Марк не мог, понимаешь? Я просто сделала то, что и так сделал бы он!

— Я перестал их слышать, — с трудом выдавил из себя Марк, даже не собираясь влезать в женские разборки, к которым давно привык. Не было ничего хуже, чем Лера, пытающаяся «спасти положение», но ни ему, ни Ксении так и не удалось отучить ее вмешиваться без разрешения. — Он опять все заглушил.

Ксения как будто не слышала их обоих.

— «В порядке»?! «Красавецей»?! — прошипела она. — Ты у меня, дрянь такая, орфографический словарь наизусть выучишь, поняла? Поняла?! — Ксения еще сильнее дернула Леру за волосы, отчего с лица той слетели темные очки, и она радостно оскалилась.

Уже в следующую секунду пальцы Ксении наконец разжались, а на лице отразился смертельный ужас. Она стремительно отступала назад, глядя в одну ей видимую точку, и беззвучно что-то шептала.

— Нет, пожалуйста, — наконец услышали Марк и Лера. — Лера, Лерочка, пожалуйста! Прекрати! Прошу тебя!

Лера медленно поднялась на ноги, продолжая сверлить Ксению взглядом и мучить ее кошмаром.

— Лера, пожалуйста, — вслед за Ксенией повторил Марк, тронув девушку за руку, — перестань. Лера...

Ксения уже уперлась спиной в стену, когда Лера наконец опустила взгляд и надела очки.

— Еще раз так сделаешь, пожалеешь, — пообещала она, тяжело дыша.

— Это ты пожалеешь, если еще раз напустишь на меня свои кошмары, — осадила ее Ксения, выпрямляясь и поправляя блузку. — Давно из психушки вышла? Снова туда захотелось?

— Ты не посмеешь! — Лера мгновенно растеряла половину запала.

— Еще как посмею.

— Ну хватит, обе! — не выдержал Марк. — Испугайте девчонку окончательно, чтобы она уже точно не вернулась.

— Это подружка твоя может сделать так, чтобы она уже точно не вернулась, — язвительно заметила Ксения. — Рита — девка умная, не в пример этой, — она кивнула в сторону Леры, но смотреть на нее все еще опасалась, — если заметила ошибки, мигом поймет, что мы ее пытались надурить. Ни одно взрослое существо, закончившее школу, так не напишет, а ее родители были людьми грамотными. И тогда мы уже ничего не сможем ей объяснить.

При этих словах Лера только сильнее сжала кулаки, но ничего не ответила. Марк же понял, что ему, как всегда, придется все исправлять. Рита не могла уйти далеко, ее сумка так и осталась лежать на полу, а значит, она все еще где-то рядом. Если она зашла сюда через приемную колдуньи, то и вышла, скорее всего, там же, а потому Марк решил, что правильнее всего будет искать ее во дворе.

Так и оказалось. В середине буднего дня здесь было совсем пусто, только со стороны ворот доносился шум машин и голоса людей. Рита сидела на скамейке у стены и нервно ломала пальцы, вырисовывая на грязном разбитом асфальте носком туфли замысловатые узоры, видимые только ей одной. Марк мог бы поклясться, что ни одну из ошибок Леры она не заметила.

Он подошел к ней и без спроса сел рядом. Рита только искоса взглянула на него, но ничего не сказала. Марк тоже молчал, давая ей возможность сформулировать и задать все интересующие ее вопросы.

— И много у вас клиентов? — как он и предполагал, не выдержала она спустя минуту молчания.

— Хватает, — он усмехнулся. — Люди падки до всего, чего не понимают. А уж когда ты даешь им возможность пообщаться с умершими родственниками, так тем более.

Рита снова надолго замолчала, но складка между ее бровями выдавала, что она просто думает.

— Не понимаю, — наконец призналась она. — Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем людям это? Что такого они хотят услышать от того, кого уже нет?

— По-разному, — Марк пожал плечами. — Не обязательно услышать. Кто-то хочет сам сказать то, что не успел. Таким образом люди успокаивают собственную совесть. Не говорили при жизни, что любят, ругались, пилили друг друга, а потом — раз! — и все. Поняли, что все это было неважно, что нужно было говорить о любви, а не о невымытой тарелке. Да только поздно уже, некому сказать. Вот и приходят. Умершим, на самом деле, уже все равно, зато живые свою совесть успокоили. А спокойная совесть — залог душевного равновесия. Жаль только, — Марк вздохнул, — что ничему это людей не учит, и с живыми они продолжают ругаться.

Рита заинтересованно посмотрела на него, но прежде, чем она успела что-то спросить, он добавил:

— Но ты права, иногда приходят, чтобы спросить, — он взглянул на нее и лукаво улыбнулся. — Пару месяцев назад к нам приходил парень, чтобы узнать у своей почившей бабули, куда она спрятала фамильное серебро.

Рита удивленно приподняла брови и кончики ее губ дрогнули, готовые расплыться в ответной улыбке.

— И что? Она сказала?

Марк выразительно закатил глаза.

— Слышала бы ты, какими словами и куда она посылала своего любимого внука. Я даже порадовался, что решил общаться с ней сам, а не письменно. Внуку передавал уже только тщательно откорректированные послания.

Рита рассмеялась, а Марк едва заметно выдохнул. Кажется, ему удалось завоевать ее расположение. Не потерять бы его теперь, слишком сильно она ему нужна. Без нее он точно сойдет с ума в ближайшее время, а то, о чем он собирается ее попросить, просто так чужому человеку не предложишь. Хорошо было бы заручиться ее симпатией, как и настаивала Ксения, но у него не было на это времени. Будь его воля, он провернул бы все уже прямо сегодня, не откладывая в долгий ящик, но, конечно, это было невозможно.

— Марк, можно спросить? — прервала его мысли Рита.

— Конечно, — с готовностью откликнулся он.

— Это после той аварии?.. Я имею в виду, ты начал общаться с мертвыми после аварии? Или так было всегда?

— После аварии. Точнее, мне кажется, после того, как ты вытащила меня самого из мира мертвых. — Он внимательно посмотрел на нее, следя за реакцией. Она покраснела и немного смутилась, но в этот раз отрицать ничего не стала. — Я помню, как стоял рядом с машиной, — продолжил он, не дождавшись от нее возражений. — Не было ни больно, ни страшно. Просто стоял и смотрел на свое тело в разбитой машине, а потом подбежала ты. Что-то говорила, трогала меня, проверяла пульс. Если честно, мне было даже смешно. Во-первых, от бесполезности твоих попыток, а во-вторых, от осознания того, что все эти люди, утверждавшие про свет в конце туннеля, оказались неправы. Не было никакого света. Может, конечно, потом он бы и был, но я не дождался. Ты положила мне руки на голову и дальше вдруг стало очень больно. Мне кажется, я даже закричал, но в этом не уверен. А затем проснулся уже через три недели в реанимации.

— Бабушка тоже говорила, что света не было, — вдруг призналась Рита.

— Бабушка?

Она смутилась, но все же продолжила, как будто только и ждала повода поделиться с кем-то:

— Мне было семь. Была зима, и мы с родителями и бабушкой ехали за город на день рождения к дяде. Родители сидели спереди, а мы с бабушкой сзади. На скользкой дороге папа не справился с управлением, и мы вылетели в кювет, несколько раз перевернулись. Когда я пришла в себя, мы все еще находились в машине. Дорога была пуста, нас не сразу заметили. Никто не отзывался на мой зов, а я смогла дотянуться только до бабушки. Она не дышала, я точно помню. Тогда я чисто интуитивно, даже не думая, что делаю, положила ей руки на голову, чувствуя в себе какую-то странную силу. Как будто внутри, — Рита прижала кулак к груди, — завязывается какой-то странный, щекочущий узел из серебристых ниточек. А потом эти ниточки заскользили внутри моего тела к кончикам пальцев на руках и перешли в бабушку. Тогда же она и открыла глаза. Мы никогда не обсуждали с ней этого, только однажды, восемь лет назад. Когда я вернулась домой со смены и рассказала про твою аварию. Это был единственный раз, когда мы говорили о нашей аварии.

Марк протянул руку и сжал ладонь Риты, улыбнувшись ей уголками губ. Попытаться очаровать ее казалось не таким уж сложным делом. Она

была весьма симпатичной девушкой с приятными чертами лица и выразительными темно-серыми глазами, которые подчеркивали забранные в «конский» хвост русые волосы, загорелой кожей и длинными ногами — как раз тот типаж, который ему всегда нравился. Пожалуй, впервые он всерьез задумался над тем, что Ксения могла быть права: сначала ему следовало влюбить Риту в себя, а уж потом просить об одолжении. Однако сейчас уже поздно было думать об этом. После того, как Рита призналась, что он был не первым спасенным ею человеком, он понял, что его шансы в игре значительно увеличились, и ждать больше не мог.

— Значит, твои родители правы, когда говорят мне, что тебе не в чем себя винить, — сказал он, сжимая ее пальцы. — Ты и так сделала гораздо больше, чем сделал бы другой семилетний ребенок в твоей ситуации.

Рита кивнула, вновь низко опустив голову и принявшись ковырять носком туфли землю.

— Так зачем вам все-таки я? — вдруг спросила она.

Марк выпрямился и выпустил ее руку из своей ладони.

— Пойдем в дом, — внезапно предложил он. — Мне бы не хотелось обсуждать это на улице, тем более дождь, кажется, усиливается.

Рита подняла голову вверх, как будто только сейчас замечая, что с неба действительно льется вода, а волосы намочили уже до такой степени, что с них потихоньку стекают мелкие капли, разбиваясь об асфальт.

— Да, конечно, пойдем, — согласилась она.

В квартире стояла такая тишина, как будто Ксения и Лера куда-то ушли. Марк провел Риту в гостиную.

— Посиди здесь, я посмотрю, возможно, пришел клиент.

Рита послушно кивнула, опускаясь на диван.

Марк точно знал, что никакого клиента нет. Они специально отменили на сегодня все ритуалы магии, зная, что придет Рита. Как он и ожидал, Ксения и Лера нашлись на кухне. Они вдвоем пили чай, как будто и не поругались двадцатью минутами раньше. Они всегда так делали, но Марк давно признал, что с Лерой по-другому нельзя. Она зачастую не видит границ и ради своей цели может идти по головам, не продумывая план заранее и не предполагая, чем могут обернуться ее действия. Впрочем, наверное, нельзя ожидать другого от девочки, выросшей в интернате, где ее все боялись и старались лишний раз на нее даже не смотреть, не то что воспитывать и обучать азам поведения в обществе. Ксения тоже это понимала и обычно старалась держать себя в руках, но иногда вспыхивала. Благо, Лера не была злопамятной.

— Ну что, ушла? — разочарованно спросила Лера, увидев Марка на

пороге.

— Я же говорила, что действовать надо не так, — раздраженно бросила Ксения. — Познакомился бы с ней, повстречался немного, чтобы девка в тебя без памяти влюбилась, а потом смог бы просить о чем угодно, она бы на все согласилась. Так вам же невтерпеж...

— Она здесь, — перебил ее Марк. — И я как раз пришел вас просить нам не мешать. Сам ей все расскажу. Кажется, мне удалось завоевать ее симпатию.

— Наш пострел везде поспел, — восхищенно прокомментировала Ксения. — Двух суток не знакомы...

Лера, как всегда, поговорки не поняла. Марк видел это по ее лицу, хоть она привычно прятала глаза за темными очками. Она мало читала, а по телевизору предпочитала смотреть только программы про тряпки и косметику, но в этот раз не стала ничего спрашивать, очевидно, опасаясь насмешек со стороны Ксении.

Домой Рита пришла промокшая с ног до головы, замерзшая и отчего-то страшно уставшая, как будто полдня разгружала вагоны с углем, а не мило беседовала с компанией двинутых на всю голову людей. Ощущение какого-то сюрра, в который она по неосторожности вляпалась вчера, заговорив в больничном дворе с симпатичным незнакомцем, становилось только сильнее. Выйдя из метро, она от нервного напряжения даже не стала ждать трамвай и пошла домой пешком, несмотря на по-прежнему капающий с неба дождь. Она не прошла и половины пути, когда мелкая морось превратилась в настоящий летний ливень. Не думать о том, что предложил ей Марк, никак не получилось, хотя она искренне старалась.

Он вернулся в гостиную буквально через несколько минут после того, как попросил ее подождать, но на этот раз принес не чай, а две чашки вкуснейшего горячего шоколада.

— Ты промокла, это согреет, — участливо сказал он, присаживаясь в кресло рядом с ней.

Рита улыбнулась ему в ответ, чувствуя, что он ей нравится с каждой минутой все больше, и она бы не отказалась выпить в его компании что-нибудь посерьезнее горячего шоколада. Теперь, вспоминая об этих мыслях, она разозлилась на себя, что заставило ее швырнуть кроссовок в стену, стянув его второй ногой. Бабуля пришла бы в ужас, увидев это.

— И все же, раскрой мне наконец секрет, что вам от меня нужно? — не выдержала Рита, когда шоколад остыл достаточно для того, чтобы его

можно было пить.

— Боюсь, тогда ты сочтешь меня сумасшедшим, — с лукавой улыбкой ответил Марк, поглядывая на нее.

— Больше, чем сейчас? — Рита рассмеялась, совсем забывая, где она находится.

Марк несколько долгих секунд смотрел ей в глаза, а потом вдруг тихо сказал:

— Мне нужно, чтобы ты повторила то, что сделала восемь лет назад.

Рита непонимающе нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Марк медленно поставил чашку на стол и сел чуть прямее, незаметно потирая колено левой ноги.

— Понимаешь, духи, которых я слышу, не всегда приходят на мой зов, — осторожно начал он. — Иногда их невозможно дозваться, невозможно заставить что-то сказать, даже когда я точно знаю, что они здесь. Но иногда... — Он ненадолго замолчал, снова глядя на нее своими невероятно-карими глазами, напоминающими тот самый шоколад, который они сейчас пили, как будто пытался загипнотизировать. Рита чувствовала, как от этого взгляда легко-легко кружится голова. — Иногда они приходят сами. Говорят. Говорят много и долго, их невозможно заткнуть. Единственный шанс избавиться от них — это выполнить их просьбу.

— Просьбу? — переспросила она. Мысли в голове начали путаться, словно она пила вино, а не шоколад, и ей стоило некоторого усилия сосредоточиться на его словах.

— Призраки, которые приходят сами, всегда чего-то хотят. Их просьбы бывают разными, дело не в этом. Главное, что от них можно избавиться. Но вот уже около месяца ко мне приходит дух мужчины... Точнее, мне кажется, что это молодой парень. Я ни разу не видел его, что уже само по себе странно, но по голосу мне кажется, что он еще достаточно молод, хоть и не ребенок. Я никак не могу понять, что он хочет, он все время бормочет какую-то ерунду.

— Какую? — Рита ни на секунду не сомневалась в том, что Марк говорит правду, хотя еще вчера считала его сумасшедшим.

— Просит помочь. Все время повторяет только одно слово: «помоги». Сначала он просто говорил, но теперь он как будто кричит мне в ухо. — Марк поморщился, вспоминая. — Как будто стоит рядом и орет во всю глотку, не переставая ни на секунду. Иногда это длится несколько минут, иногда часами. Я схожу с ума от этого, но заставить его замолчать не могу. Даже если закрыть уши, его голос тише не становится. И он заглушает все

вокруг, я не слышу ни людей, ни других духов, ни самого себя, понимаешь?

Рита медленно кивнула, хотя слабо себе это представляла. Одно она знала точно: на его месте она пошла бы на что угодно, чтобы избавиться от этого голоса. Правда, не понимала, чем может помочь она.

— За этот месяц мы испробовали все, что могли, — продолжал Марк. — Остался только один способ, но для этого нужна ты.

— Я не понимаю...

— Видишь ли, — Марк снова проникновенно посмотрел ей в глаза, — я думаю, что этот парень по какой-то причине не может полноценно явиться в наш мир. То ли не понимает, как это сделать, то ли ему что-то не позволяет. Он не знает, слышу ли я его, а потому не может рассказать, что от меня требуется, он только зовет меня. И раз он не может прийти ко мне, я должен прийти к нему, понимаешь?

Рита снова кивнула, и на этот раз понимание действительно шевельнулось где-то глубоко внутри нее, но оно оказалось таким страшным, что она никак не могла сформулировать его словами.

— Я должен попасть в его мир. Это мой единственный шанс нормально поговорить с ним, выяснить, что ему нужно и избавиться от него. Пока он на самом деле не свел меня с ума. Поверь, до этого осталось уже недолго. Но поскольку умирать окончательно я все же не планирую, мне нужна ты. Чтобы вернуть обратно, как ты это однажды уже сделала.

Рита медленно качнула головой, словно не веря в то, что он сказал. Потом еще раз, уже активнее.

— Нет... Нет, Марк, ты что?.. Убить, чтобы потом воскресить?

— Тебе не придется меня убивать, — заметил Марк таким тоном, словно речь шла о неприятном, но безопасном походе в магазин. — Только воскресить. Как убить безболезненно и легко, мы с Ксенией уже давно придумали.

— Вы с Ксенией больные на голову, — прошептала Рита, вставая с кресла.

Волна какого-то первобытного испуга медленно поднималась в ней, грозя затопить с головой. Она даже оглянулась по сторонам, словно убеждаясь, что ей дадут выйти, никто не станет держать ее здесь насильно.

— Я не хочу в этом участвовать.

— Рита, ты должна... — начал Марк и, к ее удивлению, теперь в его голосе не было просьбы, только требование.

— Я ничего вам не должна, — медленно произнесла она, пятясь к двери и по дороге подбирая свою сумку, которая так и стояла на полу.

— Мы хорошо заплатим, — продолжал Марк, поднимаясь за ней

следом и тяжело опираясь на трость. — Ты не пожалеешь.

— Не нужны мне ваши деньги.

Нащупав ручку двери, она почти бегом кинулась к выходу, словно кто-то преследовал ее. Добежав до станции метро, она нырнула внутрь и побежала вниз по эскалатору, хотя никогда так не делала раньше и не понимала вечно спешащих куда-то людей. Она знала, что Марк при всем своем желании не сможет догнать ее, да и едва ли станет это делать, однако все равно постаралась как можно скорее уехать, вскочив в уже закрывающиеся двери электрички.

И только оказавшись дома и закрывшись на все замки, Рита смогла наконец-то перевести дыхание. Пожалуй, ей стоит уехать на несколько дней к бабушке на дачу, если вдруг этим сумасшедшим взбредет в голову явиться к ней домой. Она отчего-то считала, что просто так в покое ее не оставят.

Глава 4

До озера они добрались уже в темноте, что в это время года означало далеко за полночь. Чуть не пропустив нужный поворот, Лера резко вывернула руль влево, и большой внедорожник едва не опрокинулся на бок. Она скосила глаза на пассажирское сиденье, но Марк как будто ничего и не заметил. Он смотрел в лобовое стекло и никак не отреагировал на ее опасный маневр, хотя обычно страшно ругался за такое.

Лера не любила водить его машину. Огромный неповоротливый джип с трудом отзывался на желания водителя, в отличие от ее юркой маленькой машинки. Хотя Лера не могла не признать, что не любит этот автомобиль и за кое-что другое. Он был подарком Марку от его родителей. Когда Марк рассказал об этом, ей хотелось выцарапать этим странным людям глаза, что она непременно и сделала бы, если бы могла покинуть стены психиатрической клиники, где тогда находилась. Как можно дарить машину сыну, который едва ходит?! Да, она с автоматической коробкой передач, а правая нога у него восстановилась почти полностью, но Лера прекрасно знала, что после той аварии Марк ни разу за руль не садился, хотя его вины в ней не было. А может, именно поэтому и не садился. Страшно, когда твоя жизнь висит на волоске по твоей глупости. Еще страшнее, когда это случается по глупости чужой. Будь ты хоть сто раз осторожен, кто сказал, что это защитит тебя? Вот этот джип и проводил большую часть времени в гараже, ездила на нем только Лера и только на озеро, потому что на другой машине к нему было не проехать.

Она не имела ни малейшего представления, как называется озеро, сколько здесь обычно народу днем в хорошую погоду и открыто ли оно вообще для посещения. К своему любимому месту, которое Марк показал ей прошлым летом, когда учил жить в этом мире, им приходилось добираться через лес по полному бездорожью. Беспроblemно проехать здесь можно было только летом в сухую погоду, либо зимой, когда земля достаточно промерзала, чтобы колеса не застревали в жидкой грязи. После дождя, как сегодня, Лера предпочла бы остаться в городе, но Марк настаивал отправиться на озеро. Похоже, этот призрак его совсем достал, а отказ Риты только усугубил и без того плохое настроение, в котором он пребывал весь последний месяц.

Еще через несколько километров дороги, а точнее, бездорожья, они наконец выехали к берегу лесного озера. Дождь давно прекратился, даже

тучи почти рассеялись, и выглянула полная луна, отражавшаяся в спокойных водах озера, а потому здесь было намного светлее, чем в лесу. Даже в темных очках Лера умудрялась различать дорогу.

Озеро было небольшим по размеру, но очень глубоким и холодным. По крайней мере, так говорил Марк, когда иногда окунался в него. Лера плавать не умела, даже воды боялась, поэтому не рисковала заходить дальше метра от берега, где вода уже доходила ей до пояса. Здесь почти не было песчаного пляжа, лес подходил к самой кромке воды, но в одном месте все же пролежала узкая полоска песка, где они обычно и разбивали палатку, если ночь обещала быть дождливой.

Не успела Лера заглушить двигатель, как Марк тут же стащил с себя кроссовки и носки, подкатал штанины джинсов, прихватил заранее запасенную бутылку виски и вылез наружу, оставив трость в машине. Пока он медленно ковылял к воде, зарываясь босыми ногами в песок, Лера вытащила из багажника палатку и несколько теплых одеял. Ставить палатку она научилась давно, да это и не требовало особых умений, поскольку они брали самую простую и легкую, которая могла защитить разве что от дождя и ветра. Согревали их обычно другие вещи: теплые одеяла, занятия любовью и алкоголь. Они никогда не приезжали сюда без бутылки хорошего виски. Марк слишком сильно уставал от общения с мертвыми, и в последнее время их визиты на озеро участились.

Расправившись с насущными делами, Лера тоже сняла кроссовки и села рядом с Марком. К этому времени бутылка была пуста уже на треть.

— Ничего себе ты пьешь, — проворчала Лера. Впрочем, без осуждения в голосе. Затем взяла у него из рук бутылку и сделала глоток. Виски обжег горло и тяжелым камнем упал в желудок. Она не любила вкус крепкого алкоголя, но любила его действие на организм: мысли начинали путаться в голове, не складываясь в привычные устрашающие картинки, зато фантазии городов и морей наливались красками, становились ярче и насыщеннее.

— Чем раньше я напьюсь, тем быстрее он заткнется, — мрачно отозвался Марк, рассматривая лунную дорожку на поверхности озера.

Лера с тревогой посмотрела на него.

— Ты слышишь его даже здесь?

— Я слышу его везде. — Марк забрал у нее бутылку и снова отпил из нее. — Вчера вечером как начал орать, так не затывается. То громче, то тише, но почти без перерыва.

Лера понимающе кивнула, зябко поежившись от холода: небольшие волны озерной воды добежали до них, смачивая босые ступни. Ей с самого

утра показалось, что Марк прилично надрался на ночь, поскольку даже к приходу Риты никак не мог проснуться. Жалела она только, что сделал он это без нее. Она никогда не бросала его в желании напиться, избавляясь от собственных демонов.

— И что он говорит?

— Да все то же, — Марк поморщился и сделал еще один глоток. — «Помоги». И больше ничего. Как заведенная игрушка.

— Надо заставить Риту помочь нам, — уверенно заявила Лера.

Марк нетерпеливо покачал головой, поскольку сразу ответить не смог, очередной раз приложившись к горлышку бутылки.

— Пошла она, — ответил он, наконец проглотив виски. — И все они. И она, и Ксения, и этот призрак. Надоели. Не хочу сегодня о них думать. — Он повернулся к Лере, протянул ей бутылку и улыбнулся. — Знаешь что? Хочу в Рим! Прямо сейчас. Но пустой, без людей. Только вековые камни, солнце, я и ты.

Лера рассмеялась, отпила немного, чтобы затуманить голову еще больше и не населить случайно свой Рим чудовищами, разрывающими ее мозг, а затем поднялась на ноги и протянула Марку руку.

— Тогда за мной, отважный путешественник!

Марк с удовольствием принял ее помощь, стоя на ногах несколько нетвердо, потому что ел в последний раз еще утром, а почти полбутылки виски на голодный желудок уже ощутимо подействовали не только на голову, но и ноги. Он протянул руку, аккуратно снял с лица Леры темные очки, и его тут же окатило горячей волной ее дара. Он давно привык к этому ощущению, поэтому даже не пошатнулся.

Мгновение спустя мир изменился: больше не было ни леса, ни озера, ни полной луны в темном небе. Они стояли посреди огромного моста, босиком на раскаленном асфальте, яркое солнце нещадно палило сверху, и вокруг не было ни души. Марку было даже плевать на то, что Лера перепутала Рим с Нью-Йорком, он был согласен и на него. Главное, что здесь не было ни Риты, ни Ксении, ни невидимой души, заглушающей его мысли. Даже нога, казалось, болела чуть меньше. Марк притянул Леру к себе и коснулся ее губ, тоже имеющих привкус виски. Отзываясь на его желание, она прильнула к нему, и над мостом, жестоко разрывая тишину, грянула какая-то музыка, которую Марк не смог распознать: скорее всего, это было смешение нескольких композиций. Лера, на которую за последний год свалилось слишком много новой информации, часто путала музыку и делала из нее своеобразные миксы.

Она оторвалась от его губ и побежала к центру моста, раскинув руки в

стороны и кружась в танце. Ее никогда не учили танцевать, но ей казалось, что это и неважно. Главное двигаться в такт музыке и получать удовольствие. Тем более в этом мире не было ни единого человека, кроме Марка, кто мог бы ее увидеть, а его она не стеснялась. Танцевать она обожала, но ей редко доводилось это делать: в клубы Ксения ее одну не отпускала, а Марк предпочитал озеро.

Голова кружилась от выпитого, и даже ее вечные монстры притихли. Судя по широкой улыбке Марка, который сидел прямо на асфальте, прислонившись спиной к ограждению, и наблюдал за ней, заткнулся и его призрак.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем закончились силы, и музыка снова стихла. Она сама не заметила, как оказалась рядом с Марком на асфальте, чувствовала только его горячее дыхание на своем лице, пальцы на своей коже. Ее фантазия, разгоряченная алкоголем, смогла в полной мере наполнить реальность, и асфальт казался таким горячим и мягким, что его комфортно было касаться обнаженной спиной, хотя на самом деле он был холодным песком на берегу лесного озера.

Лера не помнила, зачем вообще ей пришлось в голову открыть глаза, ведь она могла поддерживать эту выдуманную реальность, наслаждаясь происходящим, и с закрытыми глазами, но стоило ей это сделать, как она увидела по другую сторону моста темную фигуру. Человек стоял далеко, и она не могла рассмотреть его лица, лишь длинный черный балахон, но этого хватило, чтобы испугаться. Здесь не должно быть людей, она была в этом уверена. Она снова зажмурилась, но, когда открыла глаза, фигура так и не исчезла. Она не была одним из ее монстров, это Лера тоже знала. Какая-то сторонняя сущность в созданном ею мире. Никогда раньше такого не случалось, и это пугало ее. Марк ничего не видел, и она не стала ни говорить ему, ни останавливать его. Лишь какое-то время спустя нащупала рукой лежащие рядом очки и надела их на нос, возвращая обоих на пустынный берег озера.

— Зачем? — обессиленно спросил Марк, приоткрыв один глаз и с досадой посмотрев на нее. — Мне нравилось там, мы могли бы остаться еще ненадолго.

— Потом. Мы вернемся. Сейчас мне надо немного протрезветь, я не могла удерживать видение, — солгала Лера, но Марку хватило этого объяснения.

Она быстро натянула на себя одежду, заставила его перейти в палатку, укрыла одеялом, но сама вернулась на улицу. Странный незнакомец не давал ей покоя. Оставшись одна, она позволила себе снять очки и

внимательно оглядеться вокруг. И мост, и берег озера выглядели пустынными, как всегда. За все время, что они приезжали сюда, они ни разу не видели не то что людей, но даже следов их пребывания. Как будто никто не знал об этом месте или не мог сюда добраться. Лера нашла свои кроссовки, прихватила из машины фонарь и решительно направилась в сторону от палатки. Марк уже будет спать до утра, его теперь пушкой не разбудишь. А ей нужно обойти озеро по периметру и найти того, кто наблюдал за ними. Потому что если она никого не найдет, значит, незнакомец присутствовал только в выдуманном мире. А это очень, очень пугало.

Звонок в дверь раздался как раз в тот момент, когда Рита упаковала в рюкзак запасной свитер и принялась застегивать вечно заедающую молнию, чертыхаясь и обещая себе с первой же зарплаты купить новый рюкзак.

Провалявшись ночь без сна, она твердо решила все же поехать на дачу к бабушке, благо впереди маячили выходные, и ни на какое собеседование в ближайшие дни ее точно не позовут, так что упустить приличную работу она не опасалась. Ей просто необходим был свежий воздух и несколько дней в тишине, чтобы привести мысли в порядок и восстановить душевное равновесие. Надо было уехать еще вчера, но она не решилась показываться на глаза слишком проницательной бабушке в таком раздрае.

Она знала, что поступила правильно, отказавшись участвовать в авантюре этих ненормальных магов-колдунов. Придумать же такое: убить, а затем воскресить человека! И тем не менее что-то внутри нее никак не могло успокоиться, нашептывая, что она отняла у человека последнюю надежду. Она помнила глаза Марка, когда он смотрел на нее и просил о помощи, и понимала, что для него это очень важно. Это казалось ненормальным, противоестественным с ее точки зрения, но необходимым — с его. И она хотела убежать от этого.

Услышав звонок в дверь, Рита поставила рюкзак на пол и посмотрела в сторону выхода из гостиной. Она не ждала никого в гости. С бабушкой разговаривала несколько часов назад, предупреждала, что приедет, немногочисленные подруги не являлись в гости без звонка, а соседи в основном находились на работе.

К ее огромному удивлению, на пороге стояла Лера собственной персоной. Футболку с принтом в связи с резким похолоданием сменила теплая толстовка с капюшоном, накинутым на голову. Черные волосы по-

прежнему свисали по краям лица, челка падала на глаза, скрытые за темными очками. В тусклом свете парадной Рите показалось, что лицо Леры выглядит несколько помятым, как будто девушка всю ночь не спала или много пила. Откуда ей было знать, что и то, и другое является правдой?

— Лера? — удивилась она, так и стоя на пороге.

— Угу, — буркнула та. — Пройти дашь?

— Я ухожу уже.

— Уйдешь позже.

Рита не сдвинулась с места, только сложила руки на груди и упрямо нахмурилась, демонстрируя, что не собирается уступать назойливой гостье.

— Нам не о чем говорить, я Марку вчера все сказала.

— Не вынуждай меня применять силу.

Рита ничего не успела ответить хамке, как распахнулась дверь соседней квартиры, и из нее вышел сосед Витя: парень лет двадцати пяти, который, насколько Рита знала, работал где-то в автосервисе. Он относился к той категории людей, с которыми она предпочла бы не встречаться в темной подворотне, даже прожив много лет на одной лестничной площадке, а потому избегала и обычного общения. Завидев Леру, Витя остановился, окинул ее оценивающим взглядом с ног до головы, прислонился плечом к стене и восхищенно присвистнул.

— Вот это подружки у тебя, Ритка. Познакомишь?

— Отвали, — велела Лера, бросив на него презрительный взгляд.

— А че дерзкая такая? — тут же встал в позу сосед. — Хамить старшим кто научил?

Рите показалось, что Лера едва слышно вздохнула, а затем коснулась рукой оправы очков и на несколько секунд опустила их с глаз. Витя в то же мгновение отпрянул от нее, не удержался на ногах и шлепнулся на задницу, испуганно закрывшись руками. Лера тут же вернула очки на место.

— Я же сказала: отвали, — спокойно повторила она как ни в чем не бывало.

— Ты че творишь?! — завизжал Витя каким-то чужим, по-женски звонким голосом. — Я на тебя сейчас ментов вызову!

Лера громко рассмеялась.

— Ну давай. Будешь рассказывать — не упусти подробности.

Рита схватила ее за руку и быстро втащила в квартиру, захлопнув дверь.

— Вот так бы сразу, — ухмыльнулась Лера, сбрасывая балетки и без разрешения проходя в гостиную.

Рите ничего не оставалось, как последовать за ней. По всей

видимости, на ближайшую электричку она опоздает, придется ехать следующей, а потом еще несколько километров шагать пешком через лесополосу к деревне, потому что на автобус она уже не успеет.

— А у тебя тут миленько, — заявила Лера, с интересом оглядываясь по сторонам.

Рита испытала глухое раздражение и даже как будто неловкость за старую мебель, салфетки на столах и чайные сервизы за стеклом серванта, но тут же разозлилась на себя за это чувство. Это их с бабушкой дом, и он выглядит так, как им обеим нравится.

Она присела на краешек дивана, как будто в любой момент готовилась снова встать, и коротко спросила:

— Что ты хочешь?

— Это же очевидно, — Лера широко улыбнулась. — Чтобы ты помогла Марку.

— Убила его?

— Наоборот.

Рита упрямо замотала головой.

— Я не собираюсь в этом участвовать.

— Почему?

— Это уголовно наказуемо.

— Наказуемо убивать, а тебе нужно лишь воскресить.

— А вдруг у меня не получится?

— Мы готовы пойти на риск.

— Я не готова.

И тут Лера сделала то, чего Рита никак от нее не ожидала: она присела рядом с ней на пол, взяла в ладони ее руки, до этого лежавшие на коленях, и заглянула в глаза, напоминая маленькую собачку, брошенную на морозе, которая с надеждой смотрит на каждого, кто ныряет в спасительно-теплые парадные. Сквозь темные очки Рите удалось разглядеть ее глаза, и реальность мгновенно начала уплывать, поэтому она поспешно отвела взгляд.

— Рита, пожалуйста. Помоги ему.

Рита вздохнула. Бабушка всегда говорила, что ей нужно научиться отказывать людям, если их просьбы ей не нравятся, но у нее почти никогда не получалось.

— Но почему я?

— Потому что никто другой этого сделать не может. Только ты обладаешь таким даром, мы многих проверили. Ксения может попробовать оживить его всякими этими фибрилляторами, но это слишком опасно, ты

же понимаешь. Поверь, — Лера сильнее сжала ее руки, — если бы это могла сделать я, я бы сделала, не прося никого другого.

— Ты не похожа на человека, жаждущего помогать другим, — только и сказала Рита.

— Потому что я и не такой человек, в отличие от тебя. Но если есть среди людей кто-то, достойный моей помощи, то это Марк. Только ради него я в лепешку расшибусь.

Рита с удивлением посмотрела на нее и не сдержала любопытства:

— Почему он?

Лера отпустила ее руки и пересела на диван рядом с ней.

— Я покажу тебе.

Она сняла очки, и гостиная в ту же секунду исчезла. Рита увидела просторный холл, чем-то напоминающий больничный. Стены здесь были выкрашены светлой краской, через огромное окно падал солнечный свет, придавая помещению уютный вид. Мягкие диваны и кресла располагались напротив большого телевизора, а рядом с ними росли растения в деревянных кадках. У стены стояло несколько больших столов, застеленных накрахмаленными скатертями. На них лежали альбомы, цветные карандаши, краски, спицы, нитки для вязания и прочие принадлежности для несложного рукоделия. В холле находились и несколько человек — мужчины и женщины разного возраста. Все они были одеты в милые домашние костюмы ярких цветов. Рита заметила и троих крупных мужчин в форменной одежде медработников. Это еще больше убедило ее в том, что она видит больницу. Наличие крепких санитаров, приглядывающих за порядком, и решетка за огромным окном давали понять, что больница эта психиатрическая.

Однако не это привлекало ее внимание. В самом дальнем углу, скрытом от посторонних глаз большой пальмой, сидела девочка. В отличие от остальных, она была одета в длинную ночную сорочку. Темные, чисто вымытые, но не расчесанные волосы свисали по бокам бледного лица, а глаза были завязаны плотной тканью. Она сидела на полу, прижав колени к груди и натянув на них сорочку. На вид ей было лет семнадцать, но она держала в руках тряпичную куклу, принимаясь иногда выкручивать ей руки и ноги. В субтильной фигурке Рита без труда узнала Леру. Даже со стороны было видно, что остальные пациенты и санитары старались держаться подальше, иногда бросая на нее испуганные взгляды и тут же поспешно отворачиваясь.

Затем картинка сменилась. Точнее, разницы Рита почти не увидела: все те же стены, пациенты в ярких костюмах, Лера в углу, только за большим

окном пушистыми хлопьями падал снег, а в центре холла стояла высокая разноцветная елка. Видимо, время приближалось к Новому году. Спустя несколько минут к сидящей на полу Лере медленно подошел светловолосый мужчина в темно-сером спортивном костюме с тростью в одной руке и большой папкой в другой. Марк. Он присел рядом с Лерой и коснулся ее пальцев, лежащих поверх сорочки. Она тут же отдернула руку, сжавшись в комок и спрятав лицо в коленях, как будто пыталась закрыться от него еще больше. Марк посидел немного рядом, возможно, что-то говорил — звуков Рита не слышала — а затем положил папку на пол рядом с Лерой, поднялся на ноги и ушел.

В следующей показанной Рите картинке Лера сидела одна на кровати в маленькой одноместной палате без окон. Глаза ее больше не были завязаны, а в руках она держала ту самую папку, которую дал ей Марк. В папке оказались рисунки. Наверное, его. На больших белых листах то яркими красками были нарисованы леса и поля, то обычным простым карандашом сделаны наброски улиц и домов. Лера жадно рассматривала каждый рисунок, иногда наклоняясь так близко, словно пыталась почувствовать его аромат, трогала пальцами, повторяя контуры изображений.

И снова больничный холл. Все тот же угол. Марк рядом с Лерой, только теперь она уже не сторонится его, а даже несмело улыбается в ответ на какие-то его слова. Марк протягивает руки и осторожно, как будто опасаясь разбить хрупкое стекло, снимает с ее головы повязку. Ее глаза крепко зажмурены, а пальцы нервно сминают ткань сорочки. Марк вытаскивает из кармана большие темные очки и аккуратно надевает их Лере. Несколько секунд они сидят молча, а затем начинают смеяться. Рита поняла, что именно Марк придумал этот фокус с очками, позволяя тем самым Лере не проецировать на других людей образы из головы.

И вот они уже снова сидят на кровати в тесной палате. Лера в темных очках листает большой яркий альбом с иллюстрациями разных городов. Марк периодически задерживает ее внимание на каком-нибудь из них, что-то говорит и показывает пальцем. Лера послушно кивает и широко улыбается.

Лера вернула очки на нос, и Рита снова оказалась в своей гостиной. Несколько секунд она молчала, разглядывая лицо сидящей рядом девушки и пытаясь разложить увиденное в голове.

— Что это было за место? — наконец спросила она. — Какая-то больница?

— Психиатрическая, — как ни в чем не бывало кивнула Лера. — Частная, жутко дорогая и элитная, но суть от этого не меняется.

— Ты лежала в ней?

— Я в ней жила. Родители сдали меня в приют, когда мне не было еще и трех, — при этих словах лицо Леры исказилось самой натуральной ненавистью. — Как только я научилась более или менее связно мыслить, я показывала окружающим картинки из своей головы. Вот они и испугались. Отказались от меня и никогда не навещали. Это же так просто: отказаться от одного ребенка и родить другого взамен бракованного.

Лера смотрела на нее, явно ожидая какой-то реакции, но Рита не знала, что сказать.

— Меня держали в отдельной комнате, не разрешали играть с другими детьми, — продолжила Лера. — Да и взрослые старались заходить поменьше. Я почти все время была одна, ни с кем не общалась. Я ненавидела их всех, поэтому ничего хорошего в моей голове не рождалось. И в те редкие минуты, когда кто-то встречался со мной взглядом, я в полной мере выплескивала на них свою ненависть. Меня боялись и ненавидели еще больше. А потом — мне было лет шесть или семь, я точно не помню — за мной пришли. Завязали глаза и перевезли в другое место. И вот там со мной общались! Много, долго, нудно. Цепляли к голове какие-то провода и датчики, заставляли что-то делать. Орали часто, иногда били. И я ненавидела их еще сильнее. И картинки в моей голове становились еще ужаснее. Так прошло еще несколько лет. Потом меня вернули обратно в приют. Опять держали взаперти и не разговаривали со мной, но теперь я была этому уже рада. Я тогда не понимала ничего, это уже потом Ксения мне сказала, что моим «даром» интересовались какие-то люди. Они пытались понять, как меня можно использовать, но так и не смогли мною управлять, поэтому вернули обратно. Хотя все еще периодически наблюдали и, наверное, надеялись, что во взрослом возрасте со мной будет проще договориться. Но не вышло. Когда мне исполнилось восемнадцать, из детского приюта меня перевели в ту клинику, что ты видела. Полагаю, мое пребывание там было оплачено теми же странными людьми. Там я и познакомилась с Марком и Ксенией. Ксения работала врачом, она ведь психиатр на самом деле, а не колдунья.

— Да уж об этом я догадалась, — усмехнулась Рита. — Значит, после того, как Марк придумал фокус с очками, тебя выпустили?

— Ну прям таки, — фыркнула Лера. — Разбегутся они. Та Валерия Меркулова умерла полтора года назад. Прыгнула с крыши, когда ее нечаянно оставили без присмотра, и разбилась насмерть. А я другая.

— Это Марк с Ксенией сделали?

— Ксения. Ей не улыбалось всю жизнь работать в психушке, хоть и

элитной, вот она и пронюхала, что с моими способностями сможет заработать. А заодно и Марка к себе привязала. На нем, знаешь ли, тоже можно клиентов привлечь. Разговор с духами в паре с видениями — прекрасный способ заработать.

— Погоди-погоди, — Рита прижала пальцы к вискам и на несколько секунд прикрыла глаза. Все это казалось каким-то бредом. Впрочем, уже третий ее день подряд походил на бредовый сон. — А Марк там как оказался?

Лера приподняла брови, как будто Рита спросила глупость.

— А ты сама подумай, — с легкой иронией в голосе предложила она. — Чувак попал в аварию, долго лежал в больнице, с травмой головы в том числе, а затем начал слышать голоса, которых больше никто не слышит. Где ему самое место после такого?

Рита понимающе кивнула.

— Его тоже отправили в эту вашу элитную психушку?

— Он сам пришел. В этом весь Марк. Он подумал, что болен, поставил себе диагноз и пришел лечиться. И знаешь, его ведь на самом деле лечили. Таблетки приглушали голоса, и на них он не слышал мертвых. Ему ставили ремиссию и выписывали. Потом он переставал пить лекарства, и все начиналось заново. Пока Ксения не разобралась, что это никакая не шизофрения. Но знаешь, — Лера вдруг мечтательно улыбнулась, — я обожала те месяцы, когда он был в клинике. Он единственный общался со мной. Даже после того, как я начала носить очки. Он показывал мне все эти альбомы, рисовал для меня картины, рассказывал о городах, в которых я никогда не была. Потом даже притащил для меня телевизор и показывал разные документальные фильмы. Он научил меня видеть в голове не только кошмары, понимаешь? Он не дал мне окончательно сойти с ума от ненависти. Вытащил меня из той ямы, в которую все так тщательно запихивали почти двадцать лет. И если кто-то в этом мире достоин помощи, то это он, потому что он лучший из людей.

Рита снова кивнула.

— Хорошо, — наконец сказала она, испытывая причудливый клубок из мыслей и чувств, — хорошо, я помогу ему.

Глава 5

Ощущения были странными. Марк плохо помнил, как чувствовал себя восемь лет назад, тогда все случилось слишком быстро, он даже не успел ничего понять. В этот раз все происходило гораздо медленнее, а потому он смог «насладиться» происходящим. Ксения ввела ему в вену какое-то лекарство, от которого страшно захотелось спать. Лера сидела рядом, глядя на него с любопытством, но в ее глазах он не увидел ни капли переживания, и это почему-то задело. Не то чтобы он был влюблен в нее или ждал чего-то подобного от нее, но все же у него были основания полагать, что они значат друг для друга достаточно, чтобы она волновалась. Впрочем, он бы не удивился, если бы узнал, что Лера просто не до конца понимает, чем ему грозит эта затея. Наверное, она одна в этой комнате не сомневалась в том, что все получится. Он был морально готов к любому исходу.

Зато Рита переживала за двоих. Сначала она вообще заявила, что не собирается при этом присутствовать, подождет за дверью, но затем решила остаться. Она стояла у окна, нервно кусая губы и глядя на него с такой неподдельной тревогой, что Марку вдруг стало невероятно любопытно, что она будет делать, если у нее ничего не получится. Конечно, они с Ксенией на всякий случай заготовили реанимационный набор, но все понимали, что надежды на него гораздо меньше, чем на ее дар.

И лишь когда сознание почти угасло, ему вдруг стало страшно. Страшно настолько, что захотелось немедленно потребовать все прекратить. Пусть он не сможет избавиться от досаждающего ему призрака, пусть тот продолжит орать ему на ухо, сводя с ума, зато он останется жить. В конце концов можно почаще ездить на озеро и напиваться до отключки. Тогда затихают все призраки мира. Марк вдруг понял, что он вовсе не готов к *любому* исходу. Однако ничего сказать он уже не смог.

Затем стало отчего-то холодно. Он открыл глаза и с удивлением обнаружил, что стоит рядом с Ритой у окна. На одно мгновение ему показалось, что она что-то почувствовала, потому что как-то странно вздрогнула и оглянулась по сторонам, однако ее взгляд скользнул по нему как по пустому месту, и он понял, что она его все же не видит.

Смотреть на свое тело и знать, что оно мертво, было неприятно, поэтому Марк поспешно отвернулся, запомнил только расположение

белого листа бумаги и карандаша на столе, который они оставили на случай необходимости общения. Рита дала ему три минуты, максимум — четыре. Если он справится раньше, то постарается написать об этом, если нет, то через четыре минуты она его возвращает. Даже если он ничего не успеет. И почему-то Марку сейчас казалось, что так и будет. Слишком мало времени.

Он быстро понял, что находится здесь один. Никакого намека на призрак или дух. На *еще один* призрак или дух, поскольку им же он был теперь сам.

— Какого черта? — вслух выругался Марк. — Когда тебя не просишь, ты здесь, а как нужен, так не явился.

Он огляделся по сторонам, пытаясь придумать, как позвать того, кто мешал ему жить. Он ведь даже имени его не знает. Черт, почему он не подумал об этом раньше?

— Эй, ну ты где? — Марк повернулся вокруг своей оси, разглядывая каждую тень по углам. Перед «сеансом» они задернули плотные шторы, а потому в комнате царил приятный полумрак. — Давай, я слушаю тебя. Говори!

Однако желающих говорить не нашлось. Даже Ксения, Лера и Рита напряженно молчали, глядя на бездыханное тело на диване. Марк зло выдохнул, только сейчас понимая, что все это время не дышал, и направился в сторону той части квартиры, где находилась приемная колдуньи. Возможно, там призраку будет проще связаться с ним? Пусть хрустальный шар и был бутафорией, купленной в магазинчике «Все для гадалки» на Невском, а ароматические свечи и черные стены лишь создавали антураж, но все же именно там он чаще всего по-настоящему общался с мертвыми, а Ксения раскладывала свои карты, которые редко вращали. Как бы то ни было, но именно та комната имела необходимую атмосферу.

В приемной, как всегда, было темно. Лишь на круглом столе горела толстая свеча, которая немедленно затрещала и заискрилась, стоило Марку войти в комнату. Он улыбнулся: не врал старый колдун, когда говорил, что свеча сделана по старинному рецепту и реагирует на появление призраков. Деда где-то нашла Ксения, ездила к нему, чтобы он поделился знаниями, но тот не захотел. Сказал, что уйдут они в могилу вместе с ним. Только вот десяток свечей и удалось у него выпросить, да и то за баснословные деньги. Впрочем, старый колдун и его свечи волновали сейчас Марка меньше всего, поскольку реагировала свеча на него, а не на посторонний призрак.

Он не заметил, как за его спиной от стены отделилась черная тень и

медленно приблизилась к нему сзади. Снова легонько затрепетала свеча, как будто по комнате прокатился сквозняк, но он решил, что это опять реакция на него. И лишь когда кто-то коснулся его волос на затылке, Марк резко обернулся, но не успел ничего сделать, как оказался на полу, прижатый к нему тенью. Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что призраки бесплотны, но он не успел ее обдумать. Да и какая разница, если что-то тяжелое навалилось на него сверху, не давая пошевелиться. На него дохнуло могильным холодом, и у самого уха он услышал знакомый голос:

— Помоги-и-и-и...

Марк попытался сбросить с себя тень, но та оказалась слишком тяжелой. Ощущения походили на то, как будто на нем лежал огромный пласт земли, а не тень, бывшая когда-то обычным человеком.

— Помоги-и-и-и, — хрипела она, — помоги-и-и-и...

— Да помог бы я тебе... — Марк собрал все силы, уперся руками в плечи потусторонней сущности и снова попытался сбросить ее с себя, но это было равносильно тому, что пытаться сдвинуть каменную глыбу. — Если бы ты сказал... как...

Тень на мгновение замолчала, и Марк вдруг увидел прямо перед собой ее лицо: огромное, уродливое, с большими мясистыми губами у самых его глаз. Он даже не смог определить, мужское это лицо или женское. Возможно, раньше ему по голосу казалось, что это подросток, потому что на самом деле это была женщина?

— Кто ты? — с трудом преодолевая отвращение, спросил Марк. — Как тебя зовут?

Губы шевельнулись, и он увидел два ряда кривых, желтых зубов.

— Сосн... сосно... сосн... — Призрак как будто пытался сказать что-то, но не мог, а потому завел привычную шарманку: — Помоги-и-и-и...

Возможно, Марку и удалось бы чего-то добиться от него, если бы комнату не начали заполнять другие призраки, словно открылась какая-то невидимая дверь. Марк не видел их, но чувствовал приближение, слышал их голоса.

— Забери его! — требовал визгливый старческий голос.

— Украли... — вторил ему еще один.

— Забери!

— Мешает...

— Мое...

Свеча на столе вспыхнула ярким взрывом почти до потолка, а затем резко погасла, погрузив комнату в полную темноту, в которой шевелились, не замолкая, многочисленные призрачные тени. Каждая кричала что-то

свое, и в какой-то момент Марку показалось, что голова сейчас взорвется. Он отпустил плечи призрака, который все еще лежал на нем сверху, зажал ладонями уши, но голоса тише не стали.

— Забери!

— Он мне мешает!

— Не отдам!

— Рита! — его голос утонул в какофонии посторонних звуков, так и не добравшись до белого листа бумаги на столе.

Металлический привкус во рту ясно давал понять, что пора перестать кусать губы, но Рита ничего не могла с собой поделать. Она то и дело смотрела на часы, но время как будто остановилось. Секундная стрелка с огромным трудом перетаскивала тело с одного деления на другое, то и дело грозя зависнуть между ними. С тех пор, как сердце Марка перестало биться, прошло ровно три минуты, а ей казалось, что как минимум три часа.

— Еще минута — и я его возвращаю, — тихо сказала она.

Ксения только нетерпеливо махнула рукой.

— Он напишет, когда будет можно, — голосом за нее ответила Лера.

Рита взглянула на нее, мысленно подивившись такой уверенности и спокойствию. Как будто не Лера вчера просила ее помочь Марку, говорила, что ради него сделает все, что в ее силах. Рите казалось, что между этими двумя что-то есть, но разве так ведут себя по отношению к человеку, которого любят? Она знала Марка всего два дня, никаких особенных чувств к нему не испытывала, но волновалась гораздо сильнее, чем Лера. Возможно, потому что именно от нее зависело, сможет ли он вернуться?

Лист бумаги оставался девственно пуст, а часы между тем отсчитали положенные шестьдесят секунд.

— Все, я его возвращаю, — не выдержала Рита, шагнув к дивану, но Ксения быстро остановила ее:

— Нет! Еще не все.

— Вы с ума сошли? — Рита недоуменно посмотрела на нее.

— Он напишет, — повторила Лера с ледяным спокойствием в голосе.

— А если нет? Если он не может написать? Призраки пишут ему, потому что он зовет их с этой стороны, но сейчас его звать некому.

— Он медиум, напишет сам, — уверенно заявила Ксения.

— Знаете что, я не собираюсь ждать, когда спасать будет уже некого! — Рита снова уверенно шагнула вперед, но Ксения резко

обернулась к ней, выставив руку вперед, и Рита замерла на месте, словно между ними возникла прозрачная стена. В руке у Ксении были зажаты ножницы с двумя длинными острыми лезвиями.

— Стой, где стоишь, — приказала она.

Рита с удивлением и испугом смотрела на ножницы.

— Вы... вы что?..

— Я сказала, не подходи.

Сердце стучало, как сумасшедшее, и Рита никак не могла понять, стучит оно так сильно от испуга или от осознания того, что на ее глазах умирает человек, а ей не позволяют спасти его. Часы тем временем отсчитали еще тридцать секунд. Четыре с половиной минуты.

— Вы же убьете его!

— Он уже мертв. Мы даем ему время разобраться.

— Вы сумасшедшие!

— Это мы уже слышали.

Пять минут.

— Нужно найти другой способ. Если этот не сработал, мы придумаем что-нибудь другое!

— Мы пытались. Другие способы не работают.

— Тогда чуть позже попробуем еще раз.

— Лучше дать ему время сейчас, чем заставлять снова переживать подобное. Это не в магазин лишний раз сбегать.

Пять с половиной.

Рита в отчаянии снова закусил губу, уже не обращая внимания на привкус крови.

— Вы же врач. Вы понимаете, что его мозг скоро умрет. И тогда бесполезно будет оживлять. Чем это лучше, чем попробовать еще раз? — Она повернулась к Лере. — Лера, он умрет. Окончательно и бесповоротно. Я не смогу его спасти.

— Он напишет, — как заведенная игрушка повторила Лера, но уже не так уверенно, как раньше.

Шесть минут. Теперь стрелка летела вперед по циферблату, словно сбросила с себя тяжкие оковы.

— А если нет? Если не напишет? Сколько еще времени вы будете ждать? Лера, он умрет, ты понимаешь это?!

Лера неуверенно взглянула на Ксению, но та была непоколебима.

Шесть с половиной.

— Еще десять секунд — и я не стану даже пытаться, — выдохнула Рита, наконец в полной мере осознавая, во что ввязалась. Интересно,

сколько дают за соучастие в убийстве?

Возможно, что-то такое было в ее голосе, что убедило и Ксению, и Леру в том, что она не шутит.

— Ксения, пожалуйста! — сказала Лера. — Позволь ей...

Та без лишних разговоров поднялась с дивана, уступая Рите место. Она тут же бросилась к Марку, приложила ладони к его вискам, ожидая пробуждения силы. Прошла секунда, две, три — но так ничего и не произошло. Рита не чувствовала в себе ничего особенного. Никакого завязывающегося внутри щекочущего узла из серебристых нитей, никакого покалывания в кончиках пальцев — ничего. Она закусил губу, отстраненно понимая, что вскоре от нее останется только кровавое месиво, оторвала ладони от Марка, потерла их друг от друга и снова приложила к его голове.

Ничего.

«Что ты натворила?! — некстати ожил внутренний голос. — Зачем ты на это согласилась? Ты не бог. Те два раза были случайностью, и ты решила, что можешь воскрешать людей? Ты убийца, Рита! Теперь ты убийца».

Краем глаза Рита видела, как Ксения набирает в шприц какое-то лекарство, а заранее проинструктированная Лера выдавливает на пластины дефибрилятора гель. Она знала, что это бесполезно. Прошло слишком много времени.

— Отойди! — велела ей Ксения, выпуская воздух из шприца.

Рита уже собралась уступить ей место, как вдруг что-то произошло: сила в ней проснулась так резко и так быстро, что она не успела ее остановить. Огромный серебристый клубок внутри взорвался миллиардами нитей, прошивших насквозь ее кожу. Риту швырнуло вперед, Марк под воздействием нитей приподнялся над диваном, и их лбы чуть не столкнулись. Он резко вдохнул, упал обратно на подушку, и лишь тогда Рита смогла оторвать от него руки и вскочить с дивана. Кожу на ладонях жгло огнем, как будто она сунула их в кипяток.

— Марк! — Лера тут же бросилась ему на шею, крепко сжимая в объятиях.

Тот осторожно обнял ее в ответ, глубоко и тяжело дыша, как будто только что вынырнул из воды. Он встретился взглядом с Ритой и с трудом выдавил из себя некое подобие улыбки.

— Больше я на такое не подпишусь.

— Я тоже, — согласно кивнула она, все еще чувствуя в себе отголоски взрыва: ноги дрожали от напряжения, голова кружилась и уже начинало

тошнить. Пожалуй, следующие несколько дней ей не стоит вставать с кровати.

Несколько минут Ксения и Лера хлопотали вокруг Марка: чем-то поили его, укутывали пледом, хотя в комнате было жарко. Рита смотрела на все это со стороны, позволив себе наконец присесть в кресло. Голова кружилась все сильнее, и она уже мысленно подсчитывала деньги в кошельке: домой ей лучше поехать на такси.

— Ну что, ты поговорил с ним? — спросила тем временем Ксения, решив, что заботы Марку оказали достаточно и можно переходить к делу.

Тот лишь поморщился в ответ.

— Ничего путного он так и не сказал. Опять это свое бесконечное «помоги». Еще говорил что-то типа «сосны» или «сосновое».

— Сосновое? — переспросила Лера. — Что это значит?

— А я знаю? Я спросил, как его зовут, а он начал говорить про сосны. Потом вообще набежала толпа призраков, я уже ничего не мог расслышать.

— Возможно, фамилия? Или указание местности? — предположила Ксения. — Название улицы? Деревни?

— Я боюсь представить, сколько даже в Ленобласти деревень с таким названием, — проворчал Марк.

— Сейчас проверим.

Лера поднялась с дивана, открыла лежавший на столе ноутбук и быстро застучала по клавишам.

— Сосновый бор, Сосны, Сосновка, Сосновое, Соснянка, Сосново... Шесть.

— Я за тобой еще перепроверю, — проворчала Ксения. — Не исключено, что ошибок наделала.

Лера надулась, но ничего не ответила.

— А сколько еще Сосновых улиц, — тихо добавила Рита. Ей было нехорошо не только от применения силы, но и от осознания того, что все было зря. Марк едва не умер ради крошечной информации, которой нельзя воспользоваться. — И кого искать на этих улицах?

— Я видел его, — добавил Марк. Он протянул руку и взял со стола лист бумаги и карандаш. — Могу нарисовать.

Его рисунок совсем не походил на фоторобот, который обычно составляют в полиции и показывают по телевизору в криминальных новостях или печатают в газетах. Скорее это был легкий набросок, какие иногда рисуют многочисленные художники на набережных и центральных улицах города, привлекая туристов. Широкий приплюснутый нос, маленькие скошенные к носу глаза, мясистые губы, сглаженные черты

лица, короткая шея. Только прическа пряталась под капюшоном.

— Вот это урод, — скривилась Лера, увидев портрет.

— Это не урод, — в один голос возразили Рита и Ксения. — Это человек с синдромом Дауна.

— Теперь я понимаю, почему он не мог сказать ничего внятного, — нахмурился Марк, тоже разглядывая собственный рисунок. — Не потому, что не мог достучаться до меня с того света. Он просто был болен при жизни.

— Зато мы теперь знаем, где и как его искать, — заявила Ксения и, поймав на себе недоуменные взгляды, пояснила: — Такие люди всегда состоят на диспансерном учете. Нам достаточно связаться с медицинскими учреждениями всех этих Сосновок, и мы получим список людей с синдромом.

— А почему вы решили, что он непременно из Ленобласти? — не поняла Рита. — Что если дальше?

Ксения, Марк и Лера переглянулись.

— Понимаешь, духи обычно связываются с теми, кто ближе, — осторожно пояснил Марк. — Это ведь не так-то просто на самом деле. Требуются определенные затраты энергии, которой сложно управлять. Особенно если нет медиума, который может помочь с другой стороны. Если бы этот человек жил где-то далеко, он пристал бы к кому-то, кто ближе, чем я. Я ведь не единственный медиум в мире. Нас не так и мало, просто не все осознают и могут управлять своим даром. Если не найдем его рядом, расширим круг поисков на ближайшие области.

Рите показалось это сомнительным объяснением, но она не стала спорить. Во-первых, во всей этой метафизике она понимала гораздо меньше, чем они, а во-вторых, ей не было до этого никакого дела. Она свою работу выполнила, остальное ее не касается.

Ксения, видимо, подумала так же, потому что поднялась с дивана, вытащила из-под сложенных на столе журналов конверт и протянула его Рите.

— Держи. Это оплата.

Та только головой качнула.

— Я не буду брать деньги.

— Почему?

— Потому что я это делала не ради них.

По губам Ксении скользнула презрительная усмешка.

— Бери, бери. Так мы изначально договаривались. Любая сделка должна быть оплачена — это главный закон Вселенной.

Рита перевела недоверчивый взгляд с нее на конверт, но прежде, чем она успела что-то ответить, Марк спросил:

— А то, может, ты хочешь продолжить с нами поиски этого человека?

Глава 6

Рита никогда не считала себя уверенным водителем. Она сдала на права сразу после колледжа, собираясь купить себе какую-нибудь подержанную машину, но эти мечты так и остались мечтами. Даже старые машины стоили немало. При желании, конечно, собрать на нее можно было, но желание у Риты оказалось не настолько сильным. Она прекрасно обходилась общественным транспортом, зато была избавлена от проблем с парковкой, заправкой, налогами и прочими вещами, на которые ей периодически жаловались приятели-автовладельцы. Однако Марк не захотел садиться за руль своей машины, поэтому пришлось это сделать ей.

С понедельника, сразу как закончились выходные, Ксения и Лера начали искать подходящих людей в городе, используя где медицинские связи Ксении, где дар Леры, а Рите и Марку достались деревни. Вчера они успели посетить три, находившиеся ближе всего к Санкт-Петербургу, но там не оказалось никого, кто подходил бы под их описание. Точнее, во второй жил один человек с синдромом Дауна, но, едва увидев его фотографию, Марк уверенно заявил, что это не он. Парнишке было всего тринадцать лет. Марк же утверждал, что его персональному призраку больше: лет восемнадцать-двадцать.

Сегодня они решили посетить еще две деревни, находившиеся в восточном направлении. Первая снова оказалась холостым выстрелом, но на нее они потратили непростительное количество времени, поскольку сначала не было на месте фельдшера, затем он долго не мог понять, что от него хотят. По запаху перегара, исходившему от него, Марк и Рита легко догадались о причинах такой «тормознутости».

В Соснянку, которая находилась еще в восьмидесяти километрах восточнее, они выехали уже после трех часов. Судя по сведениям из Интернета, эта деревня была меньше предыдущих, но свой ФАП имела, поэтому они надеялись там что-нибудь узнать.

— Сегодня ты неплохо ведешь, — с улыбкой заметил Марк, когда они отъехали на несколько километров от предыдущего поселка.

Рита скептически хмыкнула. На ее взгляд, она водила отвратительно: тащилась за медленными машинами, боялась обгонять, а когда все же решалась, делала это так резко, что пару раз получала недовольный сигнал от других водителей, которых невольно подрезала, неправильно рассчитав дистанцию в зеркале. Рабочий день еще не завершился, а потому сейчас

трасса была почти пустой, и она могла наконец немного расслабиться.

— Нужно было тебе ехать с Лерой, — сказала она, но без обиды в голосе.

— Ну уж нет, — Марк рассмеялся. — Каждый раз, садясь с ней в машину, я мысленно прощаюсь с жизнью. Я еле заставил ее выучить элементарные правила, но и те она игнорирует. Еще со мной ездит более или менее, видимо, щадя мою психику после той аварии, а что делает сама — мне страшно представить. Полагаю, все ее штрафы — это даже не половина того, что она вытворяет на дороге.

— И у нее еще не отобрали права? — удивилась Рита, внимательно следя за дорогой и выражая эмоции лишь слегка приподнятыми бровями. — Или она ездит без них?

— У нее их полный стол.

Рита все же не удержалась и бросила на него удивленный взгляд. Оказалось, на пустой дороге это не так и страшно: машина не стремится уйти в кювет сразу, как только водитель на мгновение отвлекается.

— Она ведь тебе говорила, что официально мертва? — Марк спросил это таким тоном, что Рита поняла: Лера ему рассказала об их разговоре. — Когда Ксения делала ей новые документы, сделала и права. И не одни. На самом деле Лера очень способная девочка. Бестолковая, взбалмошная, но способная. У нее прекрасная память, она быстро обучается. За год она освоила то, на что у других уходит много лет. Все остальное лишь пробелы в воспитании. Ее ведь никто не воспитывал, никто ничему не учил. Хорошо хоть не держали все время в изоляторе и еду под дверь не подсовывали. У нее нет представления о семье, об ответственности, нормах поведения в обществе. Шесть лет назад, когда я познакомился с ней, она была диким волчонком. То, что ты видишь сейчас, это уже огромный прогресс. Хотя, конечно, с ней еще работать и работать, прежде чем можно будет позволить жить самостоятельно.

Рита снова бросила на него короткий взгляд. На этот раз заинтересованный. Марк сжимал обеими руками трость и смотрел сквозь лобовое стекло, как ей казалось, прямо в прошлое.

— Почему ты решил помочь ей?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Мне стало ее жалко. Первый раз я лежал в больнице около месяца, но к ней не подходил, хотя видел ее каждый день. На тот момент меня больше волновало свое психическое здоровье, чем чужое. Санитары выводили ее утром уже с завязанными глазами на пару часов, которые она все время сидела в углу, ни с кем не разговаривая. Да и ее все боялись, иногда только дразнили. На обед ее

уводили в палату, затем вечером снова приводили. Однажды кто-то разозлил ее, она сорвала с себя повязку, и всех просто разметало по коридору. Ты себе не представляешь, какой ужас творился у нее в голове. Я даже не помню, чем закончился тот день. Ксения говорила, кто-то из санитаров смог доползти до нее и закрыть ей глаза. Нас всех собирали по всему отделению, кололи транквилизаторы. Ее на несколько недель посадили в изолятор. Когда выпустили — не знаю, я к тому времени уже выписался. Голоса в моей голове, как я тогда считал, под воздействием лекарств утихли, и я думать забыл о какой-то там девчонке. А когда через несколько месяцев организм оклемался, и духи снова явились ко мне, я пошел обратно. Лежал уже три месяца, вот тогда и обратил на нее внимание. Делать было все равно нечего. На самом деле, ничем помогать ей я не собирался, она меня просто заинтересовала своей необычностью и своим одиночеством. Сам не заметил, как привязался, честно, — он улыбнулся и состроил комичную рожицу.

Рита рассмеялась в ответ.

— По правде говоря, я страшно удивилась, когда Лера сказала, что ты сам пришел к врачу, — осторожно заметила она, давая ему шанс либо рассказать, либо перевести разговор на другую тему, однако Марк, видимо, был вовсе не против обсудить это с ней.

— А куда же мне еще было идти? — усмехнулся он, но Рите показалось, что на этот раз улыбка была несколько искусственной. — Я же не сразу понял, что эти голоса — не мое больное воображение.

— А как понял?

Марк некоторое время молчал, подбирая слова.

— Просто начал замечать, что иногда голоса дают реальные подсказки. Говорят что-то такое, чего я не могу знать, но могу проверить. И это оказывалось правдой. Рассказал Ксении. Она была и моим врачом тоже, но я не знал, что она умеет гадать и интересуется экстрасенсорикой. Пара экспериментов — и оказалось, что я просто-напросто медиум. А еще через год она придумала этот план: она увольняется, Лера «умирает», а я ухожу в полную ремиссию. Мы долго готовились, но зато все получилось. А потом открыли магический салон.

Рита нахмурилась.

— Зачем ей это?

— Ты просто не представляешь, какие деньги приносит «магия». Особенно когда в одном месте собираются три человека с экстрасенсорными способностями. Ксения никогда бы столько не заработала врачом даже в элитной психушке, а деньги она любит.

— А вы? Тоже ради денег?

— Можно и так сказать. — Марк опять улыбнулся. — Лера «отрабатывает долг». Я не знаю, в какую сумму Ксении обошлись история с ее самоубийством и новый пакет документов, но мне кажется, она уже все отработала. Просто ей идти некуда. И страшно. Она ведь никогда не жила одна.

Рита посмотрела на него, но он предугадал ее вопрос.

— А мне тоже идти некуда. У меня в анамнезе пять лет психического заболевания, с ним на приличную работу не устроишься. Плюс я инвалид, — Марк приподнял чуть выше трость. — Да и не хочу я работать с девяти до шести пять дней в неделю. Сидеть на шее у родителей в моем возрасте тоже как-то странно.

— А живопись? Ты ведь раньше ею зарабатывал?

— Я ее забросил, пока лечился. Рисовал только несложные картинки для Леры иногда. Под таблетками писать сложно, выходит сплошной авангардизм, а прослыть очередным шизофреником, пишущим кошмары из своей головы, я не хотел. За это время обо мне забыли, и я не готов заново зарабатывать себе имя.

— Медиумом быть проще? — не удержалась Рита.

— Намного, — подтвердил Марк, и в его голосе проскользнули ледяные нотки.

В салоне автомобиля повисла неловкая пауза. Марк угрюмо уставился в окно, Рита тоже предпочитала молчать: они уперлись в небольшую очередь из автомобилей, которые собрались за медленно движущимся грузовиком, а потому ей предстояло в скором времени пойти на обгон.

Когда же сложная ситуация на дороге осталась позади, Рита бросила несколько взглядов на Марка, решая, как бы исправить ситуацию, но в голову как назло ничего не приходило. В какой-то степени она была очарована им, она не собиралась скрывать это от самой себя. И даже его признание в том, что медиумом быть проще, чем заново зарабатывать себе имя в мире искусства, не омрачило тот романтический образ, который она себе уже нарисовала. Поэтому ей не хотелось снова задевать его необдуманными словами.

— Лера говорила, что ею интересовались какие-то люди, проводили опыты и все такое. Это правда? — спросила она, стараясь, чтобы вопрос прозвучал легко и непринужденно.

Наверное, ей это удалось, потому что Марк повернулся к ней с недоверчивой улыбкой и улетевшими под светлую челку бровями.

— Серьезно? Она так тебе и сказала?

Рита кивнула, вдруг почувствовав себя доверчивой идиоткой. По тону Марка она уже поняла, что это неправда.

— Лерка любит придумывать всякую ерунду, фантазия у нее работает прекрасно. Впрочем, я не могу знать наверняка. Когда мы познакомились, ей было уже девятнадцать. После совершеннолетия ее из интерната перевели в клинику, а что было раньше, я не знаю. По крайней мере, Ксения не упоминала ничего такого, и в ее документах нет записей о том, что она жила где-то вне интерната. Но мне, наверное, стоит расспросить тебя подробнее о том, что еще она тебе наговорила, — он зазорно улыбнулся, — чтобы избежать каких-нибудь недопониманий в будущем.

— Больше вроде бы ничего такого, — улыбнулась в ответ Рита. — Разве что еще только о своих родителях.

Марк мгновенно напрягся, это не укрылось от нее, хоть она и продолжала следить за дорогой.

— Что именно она говорила? — его голос тоже прозвучал напряженно, и в нем не было уже ни тени улыбки.

Рита задумалась, вспоминая.

— То, что они ее бросили, а себе завели другого ребенка.

— И все?

— Да. Марк, в чем дело?

— Понимаешь, у Леры есть навязчивая идея. Она ненавидит своих родителей и хочет отомстить, уничтожить, как она сама говорит. Ксения считает, что это желание — словно ниточка, которая помогает ей выжить. Представь, каково ей было сначала в интернате, а затем в больнице. Она была совсем одна, никому не нужная. Ни родных, ни даже друзей. Да и сейчас ей непросто. У нее никого, кроме нас, нет, она не умеет жить в этом мире, не знает людей, не знает законов. И эта ненависть к родителям помогает ей не свихнуться окончательно и ничего с собой не сделать. Это как цель. Но если рано или поздно она их найдет, я не поручусь за их безопасность. Поэтому все сведения о ее семье Ксения держит под замком, даже я не знаю, кто ее родители. Так безопаснее. И для них, и для Леры.

Рита согласно кивнула, задумавшись о том, что он сказал. Она плохо знала Леру, чтобы понять, на что та способна, но хорошо помнила ее голос, пропитанный ненавистью, когда она рассказывала ей о родителях. И если даже Марк и Ксения, которые знают ее гораздо лучше, предпочитают держать эти сведения от нее подальше, то Рите вообще не стоит об этом даже заговаривать.

— А кто оплачивал ее содержание в клинике? Я ведь так понимаю, клиника была дорогой?

— Ты себе не представляешь, насколько, — снова улыбнулся Марк. — Но, если честно, я без понятия, кто платил за Леру. — Он вдруг замолчал, о чем-то задумавшись. — А ведь это на самом деле интересный вопрос...

Больше о Лере они не говорили. Рита, боясь опять ляпнуть что-нибудь не то, перевела разговор на обыденные темы, и оставшийся путь пролетел незаметно, хотя до поворота с указателем «Соснянка» они доехали лишь через два часа после того, как покинули предыдущую деревню. Дорога, даже пустая, оставляла желать лучшего, и Рита не рисковала ехать по ней слишком быстро. Путь пролегал через многочисленные деревни, где приходилось снижать скорость еще больше.

Соснянка оказалась довольно маленькой и пустой деревней, несмотря на время, приближающееся к вечеру. На центральной улице лежал старый, сильно потрепанный временем и погодными условиями асфальт, остальные же улицы, пересекавшие ее то тут, то там, были и вовсе грунтовыми. По обе стороны каждой из них располагались одноэтажные деревянные домики, окруженные небольшими дворами и огородами. Рита и Марк не заметили ни одного строения из кирпича. Оставалось только догадываться, каким образом в такой маленькой деревне оказался ФАП. Разве что соседние поселения, относящиеся к нему же, были еще меньше. По опыту посещений предыдущих деревень они уже знали, что достаточно ехать по главной улице, как непременно наткнешься на нужное здание. Оно могло быть как отдельным, так и объединенным с еще каким-нибудь важным деревенским объектом. В Соснянке оно оказалось отдельным, но таким же деревянным и одноэтажным, как и остальные дома. Узнать ФАП они смогли только по соответствующей вывеске. На улице еще не стемнело, поэтому свет в окнах не горел, даже если кто-то и находился внутри.

Рита припарковала машину у самого входа, чтобы Марку было недалеко идти. Даже она с самого утра чувствовала в воздухе приближение грозы, а Лера еще накануне предупредила ее о том, как страдает в такие периоды Марк. Правда, она то и дело поглядывала на него, но не видела никаких признаков того, что нога у него болит сильнее, чем обычно. Впрочем, откуда ей знать, как она болит обычно и как ловко он это скрывает?

Им снова не повезло: дверь оказалась заперта, а на двери висела лаконичная записка: «Уехала на вызова».

— Эта хоть записку оставила, — хмыкнул Марк, подергав ручку. В прошлой деревне фельдшер себя подобным не утруждал.

— Будем ждать? — спросила Рита.

— А какие у нас варианты? Снова переться завтра в такую даль лично у меня желания нет.

У Риты подобного желания тоже не было, поэтому они вернулись в машину, решив никуда не уезжать, чтобы не пропустить появление фельдшера. Часы показывали почти шесть вечера, но обоим казалось, что местный эскулап должен заскочить на ФАП хотя бы на минутку, прежде чем окончательно уйти домой.

Постепенно деревня заполнилась людьми: они шли по улице и по одному, и группами, видимо, возвращаясь с работы. Некоторые бросали на чужую машину заинтересованные взгляды, но затем спешили по своим делам дальше: многих дома ждали семьи, а еще предстояло зайти в магазин и приготовить ужин.

Фельдшер появилась возле ФАПа лишь в девять вечера, когда улицы снова опустели, а во многих домах уже зажегся свет. Им оказалась полная женщина лет пятидесяти в застиранном цветастом сарафане и с неаккуратным хвостиком из жидких волос на голове. В руках она вела велосипед, к багажнику которого была прикреплена большая коричневая сумка. Едва увидев женщину, Рита и Марк одновременно решили, что к ней придется применять план «В».

Еще до того, как поехать в первую деревню, они предположили, что просто так сведениями о больных людях, если такие и будут, с ними никто делиться не станет, а потому придумали несколько вариантов в зависимости от того, кто окажется фельдшером.

В первой деревне их встретила молоденькая девочка, только-только окончившая колледж и непонятно каким ветром занесенная на ФАП. Глядя на нее, Рита вдруг подумала, что вариант со «скорой» не так уж и плох. Однако какая юная особа не попадет под обаяние очаровательного блондина с карими глазами и невероятной улыбкой, пусть даже он сильно хромает и вообще приехал с другой девушкой? О том, что на вверенной ей территории подобных пациентов нет, Рита и Марк узнали спустя максимум минут десять. Восемь из которых Марк потратил на флирт и улыбки.

Нечто подобное произошло и во второй деревне, только фельдшер там была чуть старше, и пациент нашелся. Правда, не тот, что им нужен.

В третьем месте, которое они посетили сегодня утром, фельдшер оказался более колоритным. Это был мужчина уже предпенсионного возраста, проработавший там половину жизни, и эту же половину пивший огненную воду вместе с деревенскими мужиками. Едва только увидев двух городских «проверяющих», он был готов всячески им услужить, только бы

они закрыли глаза на его опоздание, жуткий перегар, вплывший вместе с ним в кабинет, и месяцами незаполненные журналы. А уж когда Марк, обращаясь к Рите, спросил, будет ли она сверять списание спирта с нормативами, фельдшер хотел показать им не только диспансерные карты, но и лично познакомить с каждым из нужных пациентов. Правда, ни одного нужного у него на участке не оказалось.

В Соснянке же фельдшер, едва увидев трость в руках молодого мужчины, вышедшего из автомобиля, сделала такое сочувственное лицо, что Марк сразу понял: план «В» можно еще и доработать, чтобы наверняка.

— Добрый день, — он вежливо улыбнулся, сдобрив улыбку еще и толикой смущения и чуть сильнее опередившись на трость. — Мы из социальной службы. Меня зовут Марк Гедеонович, и моя коллега Маргарита Александровна.

Рита бросила на него заинтересованный взгляд. Ее ни капли не удивило, что он верно угадал ее отчество. Если он на самом деле общался с ее родителями, а в этом у нее с каждым днем оставалось все меньше сомнений, то прекрасно знает имя ее отца, а вот его собственное отчество заставило ее удивиться. Однако ей пришлось быстро стереть с лица это выражение, чтобы фельдшер ни о чем не догадалась.

— Проходите, проходите, — засуетилась та. — Простите, что заставила вас ждать, в соседней деревне две семьи слегло. Поели шашлыков, что называется. Меня Еленой Николаевной звать.

— Ничего страшного, сами виноваты, что не позвонили заранее.

Елена Николаевна покачала головой, снова сочувствующе посмотрев на трость Марка, как будто ему пришлось весь день простоять под дверью, а не сидеть в уютной машине с музыкой, кондиционером и бутылкой воды. Она быстро отперла дверь и пропустила своих гостей в полутемное помещение, где пахло лекарствами, кварцевой лампой и чуть-чуть — затхлостью. Миновав узкий коридор, они оказались в небольшом кабинете, в котором стояли только стол, три стула и стеллаж с папками и документами.

Марк, продолжая роль, с видимым облегчением опустился на один из стульев. Елена Николаевна и Рита заняли два оставшихся.

— Чем я могу вам помочь? — спросила фельдшер, и в ее голосе действительно слышалась готовность оказать необходимую помощь.

— Дело в том, что недалеко от Санкт-Петербурга открывается новый санаторий для людей с хромосомными заболеваниями, — начала Рита заранее приготовленную легенду. — С ними занимаются, развлекают их, подлечивают немного разные хроники, если требуется. Да и семьям иногда

необходим перерыв, сами понимаете.

Елена Николаевна энергично закивала головой.

— По нашим документам на вашей территории числится человек с синдромом Дауна, — подхватил Марк, вытащив из сумки обычную картонную папку, в которую они еще позавчера распечатали какие-то документы из Интернета, чтобы производить большее впечатление.

— Есть, есть такой, — снова закивала Елена Николаевна. — Павлик Симонов. Только он взрослый уже, восемнадцать весной исполнилось.

— Ничего страшного, — заверил ее Марк. — В санатории два отделения: детское и взрослое. Нам бы посмотреть его карту, если можно, чтобы убедиться, что он нам подходит. В путевках есть некоторые ограничения. Иначе мы бы просто позвонили вам.

Елена Николаевна подскочила с места, словно ей самой было восемнадцать, подошла к шкафу и принялась рыться в нем, приговаривая, как повезло бедному Павлику, который никуда дальше соседних деревень и районной больницы не выезжал. Марк уже сомневался в том, что и Павлик тот, кто им нужен. Если он и есть его призрак, то должен быть мертв. И уж фельдшер-то об этом знала бы. Однако стоило проверить все до конца.

Елена Николаевна наконец положила на стол увесистую медицинскую карту, и Марк первым делом попытался прочитать домашний адрес Павлика. Следовало навестить его и узнать, не может ли он каким-то образом выходить из своего тела. Марк читал о таком, хотя сам никогда не сталкивался, но это могло бы быть достаточным объяснением. К сожалению, блокнот лежал к нему вверх ногами, и почерк на нем был слишком неразборчивым.

— Только... — Елена Николаевна вдруг замялась, как будто вспомнила что-то, и неуверенно посмотрела сначала на Марка, а затем на Риту.

Марк тут же напрягся, как собака, почуявшая дичь. Что-то внутри него говорило, что они на правильном пути.

— Павлик пропал около месяца назад. Ко мне и участковый приходил, и люди из деревни его искали. Насколько я знаю, пока не нашли. Павлик и раньше мог уйти из дома, а потом его соседи из окрестных деревень привозили, но чтобы так надолго — никогда еще не было. Он очень фильмы про путешествия любил, все мечтал до Северного полюса добраться.

Марк посмотрел на Риту, и взгляд у него был очень выразительным.

— Так что если ваша путевка не горит, то может, как вернется...

— Не горит, — заверил фельдшера Марк.

Рита тем временем взяла карту, медленно пролистала ее, делая вид, что

вчитывается в диагнозы, а затем спокойно переписала адрес себе на листок, посчитав, что это не будет выглядеть подозрительным.

— Не подскажите, как найти его родителей? — спросила она, с сомнением глядя на листок. — Хотим поговорить с ними, а у вас в деревне даже улица не везде написана, где уж там номер дома.

— Это да, — Елена Николаевна вдохнула, — когда я только пришла работать, ничего здесь не знала, сама-то не из здешних мест, а людей побольше было. Долго могла какой-нибудь дом искать, пока не переборола неловкость и не начала спрашивать. Как выйдете от меня, возвращайтесь обратно ко въезду, первый поворот направо и там увидите красный дом с шиферной крышей. Забор ярко-синий, Павлик недавно покрасил, он там один такой красочный.

Марк и Рита поблагодарили фельдшера и поторопились к выходу. За то время, что они провели на ФАПе, уже начало темнеть. Солнце скрылось за лесом, и темные мрачные тени поползли по земле, словно саваном укрывая деревню.

— У тебя серьезно отчество Гедеонович? — спросила Рита, когда они уже шли к машине.

Марк улыбнулся.

— Гронская — девичья фамилия моей матери. Я взял ее, когда мне исполнилось восемнадцать. А до этого я был Вебер Марк Гедеонович.

Рита замерла, распахнув водительскую дверцу, но так и не залезая в салон.

— Seriously? Ты немец?

Марк выразительно вздохнул и тяжело забрался в машину.

— Одна из моих прабабок была фрейлиной самой императрицы, — пояснил он, когда Рита села рядом. — То ли Марии Федоровны, то ли Александры Федоровны, мои родители сами путаются в показаниях. Она и сама была немкой, и замуж вышла за немца. И с тех пор наша семья маниакально чтит свои немецкие корни, всех детей называют исключительно немецкими именами. Моего брата, например, зовут Франц. Представляешь парня в русской школе с таким именем? Сестре повезло больше: Анна — интернациональное имя. Я в восемнадцать официально взял фамилию матери и вообще заявил, что своего сына назову Ваней. Ты себе не представляешь, какой был скандал! Мать — между прочим, русская — глотала валерьянку, бабушка лежала в обмороке, отец кричал, что лишит меня наследства. Даже не знаю, что такого ценного он может мне оставить, чтобы я боялся это потерять.

Рита рассмеялась.

— Да ты бунтарь?

— А кто не бунтарь в восемнадцать лет? — вздохнул Марк, глядя в лобовое стекло.

Глава 7

Разговор с мамой Павла произвел на Риту странное впечатление. И еще более странные ощущения оставил Марк. Рита не переставала удивляться, как ему удастся несколько раз за день менять образы, органично вживаясь в каждый, как будто в прошлой жизни он был актером, а не художником.

Когда они нашли нужный дом и она припарковалась у калитки, Марк не спешил выходить из машины. Он с задумчивым видом смотрел в окно и крутил в руках трость.

— Марк? — осторожно позвала Рита.

Он повернулся к ней и еще несколько мгновений с таким же задумчивым видом разглядывал ее лицо.

— Я думаю, какую легенду нам выдать родителям этого Павлика, — наконец медленно произнес он.

— И какие идеи?

— Да есть одна. Там в багажнике лежит черная сумка, можешь принести мне ее?

— Конечно.

Рита вылезла из машины и поторопилась к багажнику. Она не знала, что задумал Марк, но понимала, что повторять легенду про внезапно выделенные деньги на реабилитацию глупо и жестоко.

Искать нужную сумку пришлось долго: весь огромный багажник внедорожника был завален каким-то барахлом, среди которого Рита разглядела не только одноразовую посуду, теплые пледы и пару пустых бутылок из-под дорогого алкоголя, но даже походную палатку. В одном месте палатка была перепачкана уже подсохшей, но еще достаточно свежей грязью, да и в целом было видно, что ею часто пользовались. Немного поковырявшись, Рита нашла и сумку.

— Что у тебя в багажнике? — спросила она, вернувшись в салон и протягивая ее Марку. — Я думала, ты не едешь на машине.

— Там палатка, пледы и все, что может понадобиться для ночевки на озере, — отмахнулся тот, торопливо открывая сумку.

Рита удивленно посмотрела на него, но больше ничего спрашивать не стала. Она не могла заподозрить в Марке любителя пикников на свежем воздухе, но с другой стороны, почему нет? Ей тоже иногда хотелось сбежать из душного города, пропахшего выхлопными газами, поэтому она

уезжала к бабушке на дачу. Озеро — тоже неплохой вариант. А чтобы не садиться за руль, наверняка он брал с собой Леру. Смущали только пустые бутылки из-под виски, но Рита решила, что это не ее дело.

Марк тем временем вытащил из сумки комок черной одежды и целый пакет с серебряными побрякушками. Прежде, чем Рита успела что-то спросить, он одним движением стянул с себя футболку и принялся разворачивать одежду из сумки. Рита деликатно отвернулась, хоть он и не просил об этом и едва ли испытывал смущение. Судя по выразительному смешку, ее поведение его скорее забавляло.

— Можешь поворачиваться, — объявил он через несколько минут.

Рита повернулась к нему и открыла рот от удивления: вместо привычного Марка с легкой плутоватой улыбкой и давно не стриженными светлыми волосами на пассажирском сиденье сидел человек, которому самое место в разрекламированной «Битве экстрасенсов». Светло-серая футболка сменилась черной со странными рисунками: нечто среднее между иероглифами и каббалистическими знаками. Поверх нее был накинут длинный черный плащ. На шее висело несколько серебряных кулонов на длинных цепочках, а пальцы украшали огромные перстни. Волосы Марк чем-то смочил и зачесал назад, отчего глаза на бледном лице стали казаться еще больше и еще темнее, создавая иллюзию, как будто он смотрит в самую душу, видит насквозь все потаенные страхи и сомнения. Рита даже почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок, а пальцы на руках вмиг заledenели. В довершение образа наконечник его трости украсил большой набалдашник в виде черепа.

— Держи, — Марк протянул ей еще одну цепочку, на конце которой висел треугольник с вращающимся кругом внутри. Не хватало только палочки, чтобы получились настоящие Дары Смерти из Гарри Поттера. — Леркина одежда тебе будет мала, так что будешь играть роль моей помощницы.

Рита оскорбленно забрала кулон. Лера если и была меньше нее, то на один размер максимум. Ну ладно, на два. Впрочем, если смотреть правде в глаза, то субтильная Лера, напоминающая девочку-подростка, носила, скорее всего, сороковой размер, в то время как Рита на бабушкиных пирогах только огромным усилием воли влезала в сорок четвертый, порой переходя на сорок шестой.

— Зачем вообще этот маскарад? — мрачно спросила она, вешая цепочку на шею. С утра, зная о предстоящей долгой дороге, она и так надела темный немаркий свитер и такие же джинсы, а потому вполне могла сойти за помощницу колдуна.

— Надо, — загадочно ответил Марк, вылезая из машины. — Сейчас посмотришь на работу Мастера, моя Маргарита.

Рита только хмыкнула в ответ, вылезая за ним следом, тщательно запирая за собой машину и не подозревая ничего плохого.

Марк по-хозяйски распахнул калитку и размашистым шагом, насколько это позволяла травмированная нога, вошел во двор, а затем, постучав в дверь лишь формально и не дожидаясь приглашения хозяев, и в дом. Они сразу же попали на небольшую кухню, где женщина лет пятидесяти что-то варила в кастрюле на плите. На буфете бормотало радио, в остальных же комнатах стояла гробовая тишина, выдавая то, что в доме больше никого нет.

Услышав шум у двери, хозяйка обернулась и, увидев гостей, испуганно ойкнула, да так и застыла с большой ложкой в руке. Взгляд ее остановился на Марке, который в длинном плаще походил на настоящего чернокнижника, и даже рот немного приоткрылся.

— 3-з-здрасте, — пробормотала она, во все глаза разглядывая Марка и, казалось, не замечая Риту.

— Добрый вечер, — ответил тот таким тоном, словно отмахивался от назойливой мухи. Он остановился посреди кухни, поудобнее перехватил трость, как будто та была всего лишь украшением, а не жизненной необходимостью, и медленно огляделся. — Да, это определенно здесь, — произнес он, будто обращаясь то ли к кому-то невидимому, то ли к самому себе. Затем он обернулся к так и стоящей столбом женщине. — Мадам Симонова, я полагаю?

Женщина нерешительно кивнула.

— Профессор магии высшего разряда, посланец разума третьей Вселенной, Темнейший лорд Гронский Марк Гедеонович к вашим услугам. Это моя помощница, Марго, — Марк кивнул в сторону Риты, и та неловко пробормотала какое-то приветствие, чувствуя себя почти так же растерянно, как и хозяйка дома.

— Алевтина С-семеновна, — представилась женщина, все еще не понимая, что от нее нужно этим странным людям.

— Павел — ваш сын, я так понимаю? — продолжал Марк, придавая своему голосу нотки снисходительности. — Он дома?

Алевтина Семеновна кивнула, наконец догадавшись положить ложку на стол.

— То есть, нет его... — Она замотала головой. — Я одна. Муж в ночь пошел, Сережка с Владиком у друзей, а Павлик пропал месяц назад, так и не нашли его пока...

— Он умер, — припечатал Марк.

Женщина снова ойкнула и упала на табуретку, торопливо поднося кончик фартука к глазам. Даже Рита растерялась на мгновение, а затем возмущенно посмотрела на Марка. Зачем он так? Даже если они оба считают, что Павел мертв, то нельзя же сообщать об этом родителям таким образом. Однако на лице того не дрогнул ни один мускул, даже в глазах не появилось ни капли сочувствия. Рита быстро налила из стоящей на столе бутылки воду в стакан и поднесла Алевтине Семеновне. Та судорожно сделала несколько глотков, и лишь затем спросила:

— Откуда вы знаете?

— Ко мне явился его дух. Сказал, где искать вас.

— Зачем? — Женщина спросила это испуганно, словно наличие в ее доме «Темнейшего лорда» волновало ее гораздо сильнее, чем смерть сына.

— Это я и пытаюсь выяснить. Я могу посмотреть его комнату?

Алевтина Семеновна кивнула и указала на одну из дверей.

— Там его комната. Вместе с Сережкой и Владиком жил. Это младшие мои, близнецы...

Марк не стал дослушивать, проворно скрывшись за указанной дверью. Рита так и осталась стоять рядом с Алевтиной Семеновной, испытывая неловкость.

— Вы простите, что мы вот так на голову вам свалились, — наконец произнесла она.

— Мы Павлика искали, конечно, — начала, словно оправдываясь, Алевтина Семеновна, — соседи помогали. Он любил по окрестностям походить, иногда в соседние деревни забредал. Порой терялся и не мог найти дорогу обратно, тогда соседи привозили, его ж все в округе знают. Кто, откуда, чей. Он добрый был, знаете какой? Любую работу делать мог, главное, показать как. А в этот раз ушел, день нету, два. Я волноваться начала. А потом так и подумала, что нет его больше, раз не вернулся.

— А вы в полицию обращались? — сочувственно спросила Рита.

— Обращались. Да только кто его искать станет, деревенского дурачка? А тут у нас как раз Поликарповну убили, вся полиция там была. Сами мы искали, с людьми неравнодушными, да не нашли. Я все думала, может кто-то из соседних деревень привезет, он иногда уходил туда, все знали чей. Да не привезли. Участковый-то наш потом приходил, говорит, может, Павлик и убил Поликарповну, а теперь домой прийти боится? Да только я и ему сказала, и вам скажу: Павлик добрый был. Мухи никогда не обидел, и руки золотые. Вы посмотрите, какой у нас двор прибранный, забор покрашенный, это он все. Не любил без дела сидеть. Со скотиной

иногда помогал. Владик с Сережей все по друзьям, а он дома, со мной.

— А Поликарповну кто в итоге убил? — перебила ее Рита. Женщина хоть и говорила спокойно, как будто о постороннем человеке, но Рита опасалась, что она в любой момент может заплакать.

— Да кто ж ее знает? — Алевтина Семеновна пожала плечами.

— И Павлика вы больше не искали?

— Да где ж его найдешь? Сережка с Владиком и рады, наконец-то у них своя комната.

Рита замолчала, теряясь в ворохе чувств. Ей казалось, что, если бы это был ее ребенок, она бы всю округу на уши подняла. И пусть Павлу уже исполнилось восемнадцать, по умственному развитию он все еще оставался ребенком.

Из спальни как раз показался Марк. Алевтина Семеновна тут же поднялась на ноги и принялась комкать фартук, со страхом глядя на «посланника Вселенной».

— Ну что? — спросила она, как будто действительно ждала каких-то результатов.

— Пока ничего. Если узнаю что-то, сообщу вам, — на ходу бросил он. — Марго, идем.

Рита поспешила следом и, лишь выйдя за ворота, набросилась на него:

— Зачем ты ей сказал, что он мертв?

— Потому что он мертв, — отозвался Марк, стремительно шагая к машине и не оглядываясь. — И мы оба это знаем.

— Но разве родителям об этом так говорят? Нужно было ее как-то подготовить!

— Да расслабься, Рита, — Марк криво улыбнулся, терпеливо дожидаясь, пока она откроет машину, а затем медленно забрался внутрь. В какой-то момент Рите показалось, что ему особенно больно, но она была слишком зла на него, чтобы выяснять это. — Они только рады, что он наконец преставился, — продолжил Марк уже в машине и, видя ее недоуменный взгляд, добавил: — Он же был умственно неполноценным, какая от него польза? Не женится никогда, внуков не принесет, только знай ухаживай. А когда родители умрут, кому он будет нужен? Люди не любят инвалидов, поверь, я знаю. А умственных — тем более. Может, она сейчас и погорюет немного, когда осознает произошедшее, но скоро поймет, что так только лучше. И ей в том числе. Ты посмотри, она даже слезу не пустила.

— Зачем вообще был нужен этот маскарад? — надулась Рита, не желая признавать его правоту, хотя где-то в глубине души понимала, что он прав.

Поведение Алевтины Семеновны и ей показалось странным и даже несколько прохладным. — Могли бы просто спросить.

— Это долго и рискованно. А так мы получили ответы быстро и безболезненно. У деревенских людей просто страх какой-то перед всякими колдунами и магами. Мы это давно выяснили, вот и храним вещи в багажнике. Иногда маскарад очень помогает, когда приходится работать на выезде.

— Ты чудовище, — бросила Рита, заводя двигатель.

— А я никогда в герои и не записывался, — на этот раз голос Марка прозвучал холодно и отстраненно, совсем как тогда, когда она спросила, проще ли быть медиумом, чем восстанавливать имя художника.

Рита молча отвернулась, не желая продолжать разговор, и завела машину.

— Куда дальше? — вопрос тоже прозвучал холодно, но она и не старалась его смягчить.

— Я там краем уха слышал, как она что-то рассказывала тебе про убийство какой-то старухи? — в голосе Марка, напротив, не осталось и следа мороза.

— Убили ее как раз в тот день, когда Павел исчез. Участковый еще на него и подумал, но Алевтина Семеновна утверждает, что он не мог этого сделать, характер не тот.

— Иногда люди даже не подозревают, на что способны их близкие, — хмыкнул Марк. — А лично я не верю в такие совпадения. Нужно поговорить с этим участковым и выяснить детали.

— Да с чего ты вообще взял, что Павел тот, кто нам нужен? Мы ведь еще не все эти Сосновки проверили. Что если нет? Может, он жив-здоров и скоро вернется.

— Я видел его фотографию в спальне, это он.

— Все люди с синдромом Дауна похожи.

— Маргарита. — Марк пристально посмотрел на нее, и она даже растерялась под его взглядом. Почти с самого момента знакомства он не называл ее полным именем. — Это он. Я знаю.

— Ну ладно, — сдалась она. — Давай поговорим с участковым, если он захочет нам что-то рассказать.

Марк кивнул, затем посмотрел на часы и нахмурился.

— Поздно уже, придется отложить разговор на завтра. Нужно где-то переночевать.

— Здесь? — удивилась Рита.

Она даже не представляла, где можно переночевать в небольшой

деревне. Едва ли в ней найдется что-то вроде гостиницы. Хотя перспектива завтра снова ехать сюда из Санкт-Петербурга пугала ее еще сильнее. За руль ведь садиться снова придется ей. Она чувствовала себя такой уставшей, что не была готова ни сегодня ехать обратно, ни завтра снова повторять этот подвиг.

— Сходи к Симоновой, спроси, может, она знает того, кто пустит нас на ночлег, — попросил Марк, хотя меньше всего его слова походили на просьбу, скорее на вежливый приказ.

— Почему я? — возмутилась Рита.

— Потому что, во-первых, у меня болит нога, а во-вторых, ты же помощница мага, это твоя работа, — Марк обезоруживающе улыбнулся, и Рита только вздохнула.

Она молча вылезла из машины и вернулась несколько минут спустя. Марк к тому времени уже успел снова переодеться в нормальную одежду и выглядел несколько напряженным, как будто за время ее отсутствия что-то произошло, но Рита не обратила на это внимания.

— Она дала мне три адреса, где женщины периодически пускают к себе кого-то переночевать, — объявила она, протягивая ему листок, исписанный убористым почерком. — Здесь неподалеку, оказывается, есть какой-то источник, к которому периодически приезжают люди не то чтобы разбогатеть, не то чтобы выздороветь, вот и ищут место, где переночевать.

Марк ничего на это не ответил, только молча забрал листок, зачем-то закрыв глаза и поглаживая его кончиками пальцев. Рите даже показалось, что он не прочитал написанные на нем слова.

— Поедем по второму адресу, — наконец сказал он.

— Почему туда? — спросила Рита просто из упрямства. Она не имела ни малейшего понятия, где находятся все эти дома, а спросить у Алевтины Семеновны не решилась. Ей не хотелось мучить женщину лишними вопросами, когда у нее случилось такое горе, что бы там ни думал по этому поводу Марк.

— Так надо, — уклончиво ответил тот.

— Отлично, и где это?

— Езжай прямо, на первом перекрестке направо.

Рита не стала больше ничего спрашивать, молча следуя его подсказкам. На каждом перекрестке ей приходилось останавливаться, пока Марк сидел с закрытыми глазами, то ли о чем-то думая, то ли к чему-то прислушиваясь. Она не задавала вопросов, терпеливо ждала, все еще немного дуясь на него, хотя даже самой себе не могла внятно сформулировать, за что.

Наконец Марк велел остановиться у небольшого свежевыкрашенного домика с аккуратно подстриженной лужайкой и небольшими клумбами у крыльца. Этот дом вообще отличался от всех остальных в деревне. Он выглядел новым и ухоженным, даже окна в нем стояли пластиковые, а не деревянные. Здесь явно жил не обычный деревенский житель.

— Нам сюда, — сказал Марк.

— Почему ты выбрал именно этот? — не удержалась Рита, разглядывая его лицо в темноте салона: вечер уже окончательно померк, уступив место прохладной летней ночи.

— Взгляни на дом напротив, — предложил Марк, загадочно улыбаясь.

Рита повернула голову в другую сторону, увидев самый обычный деревенский дом со старой шиферной крышей, чуть покосившимся забором и каким-то хламом во дворе.

— И что я должна там увидеть? — не поняла она.

— В этом доме жила та старуха, которую убили в день исчезновения Павла.

Рита удивленно приподняла брови, разглядывая дом теперь внимательнее, но предсказуемо не замечая в нем ничего необычного.

— Он меня сам сюда привел, — добавил Марк, понимая, что она все равно продолжит задавать вопросы. — Почему-то здесь, в родной деревне, ему как будто легче связываться со мной, хотя, конечно, он по-прежнему говорит лишь отдельными словами.

Рита понимающе кивнула.

— Но что нам даст, если мы будем ночевать напротив этого дома?

— Я без понятия, — ответил Марк, выбираясь наружу. — Но он сказал «здесь», и я намерен послушаться.

Хозяйкой дома оказалась невысокая улыбчивая женщина примерно такого же возраста, как и мать Павла. Только, в отличие от той, она была опрятно, если не сказать элегантно, одета, даже в доме ходила в аккуратных туфлях-лодочках на небольшом каблуке и, несмотря на поздний час, все еще с укладкой и легким макияжем. Гостям на пороге она совершенно не удивилась.

— Проходите, — улыбнулась она, пошире открывая дверь и отходя в сторону, чтобы не путаться под ногами. От нее не укрылась трость Марка, поэтому она, видимо, сразу решила, что молодая пара приехала к источнику в поисках здоровья.

— Нам сказали, что у вас можно снять комнаты на ночь, — вернула ей улыбку Рита. Настроение отчего-то сразу улучшилось, и перспектива

ночевать в деревне уже не казалась такой непривлекательной.

— Конечно-конечно, — энергично закивала та, — правда, у меня всего одна комната, но, я полагаю, это не станет проблемой? — она лукаво подмигнула Рите.

Та не успела ничего ответить, поскольку вмешался Марк:

— Конечно же, не станет.

Рита бросила на него возмущенный взгляд, но он сделал вид, что даже не заметил.

Хозяйка, назвавшаяся Ириной Степановной, провела их в небольшую, но чистую и современную, как и весь остальной дом, комнату. Два окна выходили на дорогу и дом напротив, чему Марк только обрадовался, хотя Рита так и не могла понять, зачем ему это и на что он надеется. В комнате стоял небольшой шкаф, две тумбочки, телевизор с плоским экраном, стол с двумя табуретками и, что Риту огорчило больше всего, одна широкая кровать, укрытая темно-красным покрывалом.

— Может быть, нагреть вам воду? — предложила Ирина Степановна. — Я уже выключила бойлер, не ждала постояльцев, но он быстро нагреется.

— Спасибо, не нужно, умыться можно и теплой, — ответила Рита, пока Марк не успел первым. Она уже не знала, чего еще от него можно ожидать.

— А вот чаю, если предложите, мы с удовольствием выпьем, — все же вмешался тот, улыбаясь хозяйке одной из своих лучших улыбок.

Ирина Степановна в мгновение ока организовала им не только чай, но и несколько разогретых в микроволновке мягких воздушных булочек с изюмом. Рита, едва попробовав одну из них, тут же поняла, что пекла их хозяйка. Как говорит ее бабуля, если хочешь съесть вкусную выпечку — испеки ее сама. То, что продают в магазине, только не черствеет долго, как пластмасса, но и вкус имеет ее же. Слопав две чудеснейшие булочки и потянувшись за третьей, Рита почувствовала, как усталость и раздражение отступают на задний план, вновь уступая место любопытству, которое и толкнуло ее на эту авантюру. Когда еще в ее жизни произойдет какое-нибудь приключение, да еще в компании симпатичного мужчины, хоть и занятого?

Марк тем временем вовсю щебетал с хозяйкой, не переставая добродушно улыбаться ей, не флиртуя, а поддерживая непринужденную атмосферу. Он со смехом рассказал об аварии, оставившей его инвалидом, как будто это на самом деле было чем-то веселым, и о том, что его последняя надежда осталась только на источник.

— Таким жизнерадостным людям, как вы, он обязательно поможет, — заверила его Ирина Степановна, подливая чаю в чашку. — Многое ведь и от настроения зависит, а у вас он располагающий.

— А чего грустить? — отозвался Марк. — Ну, подумаешь, ходить тяжело. Зато жив ведь. Родные любят, друзья помогают, девушка вот, — он приобнял Риту за плечи, и та едва не пролила на себя чай, поскольку как раз запивала им кусок следующей булочки, — не бросила.

Ирина Степановна разразилась новой тирадой о том, как Марку повезло с Ритой. Девушки сейчас сплошь легкомысленные, хотят, чтобы их подарками задаривали, на море возили, кофе в постель приносили, а чуть какие сложности — сразу сбегают.

— У меня некоторые останавливаются, — продолжала она, ловко подливая чай Марку и подкладывая булочки Рите. — К источнику приезжают, а где жить-то? Гостиницы у нас нет, не оправдывает она себя, ведь народ-то едет, но мало. За источником никто не ухаживает, рекламы нет, никому не надо. Вот и останавливаются то у меня, то у Ленки Петровой, то у Геннадьевны. У меня дом самый приличный, поэтому ко мне в первую очередь идут.

И ценник самый огромный, подумала Рита, вспоминая сумму, которую Марк выложил за их ночлег.

— Правда, Ленке и Геннадьевне проще, у них соседи нормальные, а на меня Поликарповна не раз участкового вызывала, мол, бордель у себя устраиваю.

— Поликарповна? — переспросил Марк, старательно делая вид, что его заинтересовало только необычное отчество.

— Соседка моя через дорогу, — кивнула Ирина Степановна. — Вздорная была женщина.

— А почему была?

— Убили ее, — она сочувственно вздохнула, хотя и Рита, и Марк видели, что ей ни капли не жаль соседку. — Уже, наверное, месяц как. Ну да, месяц. Но сорок дней еще не прошло.

— А кто убил?

— Да кто ж ее знает? Полиция так и не нашла никого. Ходили по домам, спрашивали, а толку? Я сказала про машину, да ведь ни марку, ни номер не запомнила.

— Какую машину? — Марк с интересом уставился на хозяйку, чтобы его вопросы выглядели как простое человеческое любопытство.

— Приезжал к ней кто-то пару раз. Мужик какой-то. Прилично одет, борода модная, машина дорогая. И вечером накануне к ней приезжал, а

утром ее уже убитой нашли. Говорят, гребень у нее был старинный, он его купить хотел, а она не продала. Вот жизнью и поплатилась.

— А что за гребень? И действительно пропал?

— Да обычный гребень, в волосы который. Таких в каждом магазине десятки. Поликарповна утверждала, что у нее он старый, от прабабки доставшийся, ручная работа. Мол, однажды она носила его к оценщику, тот за него большие деньги предлагал. Антиквариат. Только не видел его никто вживую-то. Поликарповна его прятала, никому не показывала, только болтать горазда была. Так что, может, и не было никакого гребня. Кому он нужен вообще? Чтобы еще и убивать из-за него. Ну да ладно, что это мы о грустном, такая хорошая беседа была!

Они просидели с болтливой хозяйкой еще около получаса, и только затем очутились наконец в комнате.

— Вот сорока, — проворчал Марк, усаживаясь на кровать и с видимым облегчением вытягивая ноги. — Думал, уже не отстанет.

— Надо было ночевать в другом месте, может, там и комнаты было бы две, — заметила Рита, — или хотя бы кровати.

— Не будь ханжой, — усмехнулся Марк. — Нам нужно ночевать именно здесь. Я не стану к тебе приставать, обещаю.

Рита почувствовала, как краска заливает лицо.

— Даже не думала об этом, — дернула плечом она, солгав лишь самую малость, но Марк, судя по скользнувшей по губам ухмылке, заметил и ее. Будь проклята его проницательность!

— А зря, — добавил он. — Я думал.

Рита понимала, что он ее дразнит, но не могла придумать в ответ ничего достойного. Два дня в разъездах утомили ее, до этого покидавшую город в последнее время лишь для того, чтобы добраться до бабушкиной дачи. Две чашки чая с вкусными булочками разморили, а близость мягкой постели и перспективы скорого сна отнимали последние остатки сил.

— Чтобы Лера меня потом отправила в царство вечных кошмаров? — пробормотала она, расстилая кровать.

Она не смотрела в этот момент на Марка, не видела выражения его лица, слышала только сдавленное фырканье, которое могло означать что угодно. Сейчас ее это мало волновало.

Постель оказалась чистой, выглаженной и даже, кажется, накрахмаленной. По крайней мере, она почти хрустела, когда Рита провела по ней ладонью. Ложиться на нее в одежде, в которой проходила весь день, казалось настоящим кощунством, но раздеваться Рита не собиралась. Скинув лишь теплый свитер, она забралась под одеяло прямо в джинсах и

футболке и отвернулась к стене.

— Ты, конечно, можешь спать как угодно, — заметил Марк через несколько секунд, — но лично я предпочитаю раздеться. И без того ноги болят, если буду спать в джинсах, завтра вообще не встану.

— Ты, конечно, можешь спать, как угодно, — передразнила его Рита, снова услышав смешок в ответ.

Марк щелкнул выключателем, и комната погрузилась в полумрак. Единственным источником света служил маленький ночник на стене с его стороны кровати. Рита слышала, как он, чертыхаясь, стянул с себя одежду, но вместо того, чтобы лечь в постель, сдвинул занавеску на окне и долго смотрел на улицу. Наверное, на дом напротив. Затем занавеска вернулась на свое место, послышались тяжелые шаркающие шаги — Рита уже знала, что так Марк ходит без трости, — и наконец прогнулась с другой стороны кровать.

— Марк, а можно задать тебе личный вопрос? — через некоторое время спросила она, надеясь, что он еще не спит.

— Насколько личный? — с готовностью поинтересовался Марк, подтверждая ее догадку.

— Очень личный.

— Тогда можно. Обожаю личные вопросы, всегда отвечаю на них честно и откровенно.

В его голосе не было ни раздражения, ни сарказма, поэтому Рита все же решилась:

— А на самом деле у тебя была девушка на момент аварии?

Марк несколько секунд молчал, раздумывая над своим ответом, а затем все же сказал:

— И да, и нет.

— Как это?

— Это долгая история, до утра не закончу.

— И она осталась с тобой?

— Ты же видишь, что нет.

— Очень исчерпывающий ответ, — хмыкнула Рита. — А говорил, что на личные вопросы отвечаешь честно.

— Так ведь я тебе не соврал. А рассказывать подробно я и не обещал. Вообще давай-ка спать. Сегодня ночью кое-что произойдет, — загадочно добавил он.

— Что именно? — спросила Рита, не поворачиваясь к нему, а разглядывая рисунок на обоях в темноте.

— Он придет.

— С чего ты взял?

— Они всегда приходят за своими вещами.

Рита все же села на постели и непонимающе посмотрела на него. Марк полулежал рядом, подложив под спину подушку, и крутил в руках маленькую пластмассовую фигурку не то солдата, не то ковбоя.

— Где ты это взял?

Он бросил на нее быстрый взгляд и улыбнулся.

— Полагаю, ты бы назвала это «украдкой».

Она нахмурилась.

— Зачем?

— Я же сказал: духи всегда приходят за своими вещами, если их позвать. И раз уж он не может рассказать, что ему нужно, пусть покажет.

Рита легла обратно и снова отвернулась.

— Зачем я вообще в это ввязалась? — пробормотала она.

— Тут два варианта: либо тебе захотелось приключений, либо я тебе понравился.

— Как скромно.

— Мы уже выяснили, что я совсем не такой, как ты думаешь.

Рита вздохнула и закрыла глаза. Ночь обещала быть долгой.

Глава 8

Лера почти никогда не оставалась одна. Несмотря на полное одиночество с самого детства, вокруг нее всегда находились люди, от которых она не могла ни уйти, ни спрятаться. Иногда ей казалось, что раз уж она никому не нужна, то лучше бы ее и вовсе бросили на улице, тогда она, по крайней мере, могла бы сама выбрать, где и как ей жить.

Стены клиники сменились стенами квартиры Ксении, но вокруг нее по-прежнему изменилось крайне мало. Лера не обманывалась отношением к себе Марка, знала, что и ему, как и Ксении, нужен ее дар, а не она сама. Ксении — чтобы зарабатывать деньги, Марку — чтобы сбегать от надоевшей реальности, прятаться от преследующих призраков. Ни один из них не будет искренне страдать, если вдруг она исчезнет из их жизни.

И тем не менее ее снова не оставляли одну. Квартира в Апраксином переулке досталась Ксении от бабки и, поскольку имела два входа, была оборудована под магический салон. То есть, половина квартиры, а в другой части и поселили Леру. Однако часть эта оставалась как бы общей, у всех троих были от нее ключи, они могли приходить и уходить в любое время. И у Марка, и у Ксении было отдельное жилье, и только ее снова лишили личного пространства.

Удивительное это чувство: полное одиночество при невозможности остаться одной, когда захочется.

Лера старалась слишком часто об этом не думать, и тем не менее иногда ей не хватало возможности запереть дверь на замок, выключить телефон и никого не видеть и не слышать столько времени, сколько ей нужно.

Мужчина — а она была уверена, что это именно мужчина, хотя сама не могла сказать почему — из выдуманной ею реальности на озере не давал ей покоя. Обойдя тогда небольшое, как оказалось, озеро по периметру, Лера так никого и не нашла. На берегу, кроме нее и крепко спящего Марка, не было ни души. Фигура, которую она увидела на мосту, не могла жить в ее голове. Лера точно знала, что не населяла пустой город ни одним живым существом. За годы существования со своим даром она отлично научилась им владеть и чувствовала каждую мелкую деталь. Это походило на картины Марка. Только он прорисовывал детали днями, иногда неделями, а она создавала их за секунду, но они оба знали каждую мелочь, которая легла на холст.

Значит, мужчина проник в ее реальность извне. Лера не представляла, как это возможно, ведь никогда раньше такого не случилось. Если бы он был на озере, она могла бы просто нечаянно «захватить» и его, когда перемещала их с Марком, но его там не было. В ночной тишине каждый шорох, каждый шаг был хорошо слышен.

Марк, как назло, все выходные провел с ней, не давая ей ни минуты уединения. Раньше Лера этому только радовалась бы, но сейчас ей не терпелось вернуться в видение и отыскать неизвестную фигуру. Ей удалось выкроить только несколько часов прошлой ночью, когда Марк, наконец, крепко уснул. Она оставила его в спальне, плотно закрыла дверь и на цыпочках, как воришка, пробралась в гостиную, чтобы он нечаянно не помешал ей. Лере не хотелось никому рассказывать про пугающую ее фигуру.

Каково же было ее удивление и разочарование, когда, оказавшись на пустом мосту в Риме, она вдруг поняла, что это совсем не то место. Лера обошла все известные ей мосты города, даже рискнула включить планшет и поискать те, про которые могла забыть, но ни один из них не был тем, где несколько ночей назад она кружилась под музыку с неба, а Марк смеялся, глядя на нее. И вообще древний город не походил на тот, который создала она.

Это пугало еще больше. Марк не мог не понять, что то место, куда она перенесла их обоих, не было Римом. Это она, видевшая его только на картинках и по телевизору, могла перепутать, но не он, много раз бывавший там по-настоящему. Почему же ничего не сказал? Оставалась крохотная возможность, что он, к тому времени ополовинивший бутылку виски, мог уже забыть, куда хотел, но возможность действительно была слишком крохотная, чтобы в нее верить. Копаться в его мотивах Лера не стала, спрашивать — тем более. Пока у нее была задача поважнее.

Когда Марк и Рита не вернулись из поездки, сообщив, что задержатся на ночь в одной из деревень, Лере оставалось только дожидаться ухода Ксении. Та редко оставалась ночевать в бабкиной квартире, не подвела и на этот раз. Простившись с последним клиентом около восьми вечера, она стандартно велела Лере ложиться спать и умотала домой. Судя по телефонному разговору с каким-то «котиком», собралась на свидание, а значит, не нагрянет нечаянно обратно и не помешает.

Закрывшись на все замки и налив себе большую кружку чая, Лера вытащила из шкафа стопки альбомов и журналов, которые когда-то приносил ей в больницу Марк, и принялась методично просматривать каждый.

Она не умела «рисовать» то, чего никогда не видела хотя бы по телевизору или на картинке, а потому с большой долей вероятности перенесла их тогда на один из мостов, который рассматривала в журналах, оставаясь одна в больнице.

Ночь за окном становилась все темнее, гора просмотренных журналов росла, когда Лере наконец удалось найти мост из той реальности.

«Строительство моста Джорджа Вашингтона через реку Гудзон началось в 1927 году, — гласила короткая статья рядом с большой, красочной картинкой в журнале «Вокруг света». — Он является одним из самых больших мостов Нью-Йорка...»

— Нью-Йорк, — вслух прошептала Лера, улыбнувшись и проведя кончиками пальцев по всей длине моста на картинке.

Дело оставалось за малым: вернуться туда, отыскать странную фигуру и выяснить, кто она и как там оказалась. Нужно было сделать это еще тогда, на озере, когда Марк уснул, но Лера отчего-то испугалась и растерялась. Она надеялась только, что мужчина снова наведается на то место, стоит ей оказаться там самой.

Закрывать глаза, сделать глубокий вдох, разогнать по углам живущих в голове монстров и в мгновение ока раскидать на пустом холсте мельчайшие детали создаваемой реальности — техника была отработана ею за двадцать пять лет до автоматизма.

Мужчина не просто пришел. Он уже ждал ее на мосту. Стоило Лере открыть глаза, как она сразу увидела его. Инстинктивно отступив на шаг назад, чтобы увеличить между ними расстояние, Лера испуганно вздрогнула: она узнала его. То есть ей так показалось. Она словно знала и не знала его одновременно. Черты лица, прическа, глаза — все это она видела много раз, но никогда у него не было густой бороды, и губы никогда не кривились в такой презрительно усмешке.

— Пришла наконец, — низким басом произнес мужчина, и голос Лере был совершенно не знаком.

Марк проснулся от пугающего ощущения чужого взгляда на себе. С подобным он сталкивался часто, духи любят приходить по ночам, когда человек расслаблен и открыт потустороннему, но все равно до сих пор не мог привыкнуть. По спине уже привычно побежали мурашки, а сердце забилося чуть сильнее обычного. Он открыл глаза и осмотрелся. Через оба окна в комнату попадал лунный свет, оставляя светло-серые полосы на стене, полу и даже кровати, позволяя видеть очертания предметов. Рита спала на самом краю кровати, максимально далеко от него, свернувшись

клубочком и едва слышно посапывая. Как бы Марк ни вглядывался в темноту, кроме них, он больше никого не разглядел. Однако чужой взгляд по-прежнему сверлил его.

Марк откинул одеяло и осторожно опустил ноги на прохладный пол. По нему едва ощутимо дул сквозняк, но Марк умел отличать обычный порыв ветра от проявления потустороннего присутствия. В комнате не было никого мертвого. Он не стал брать трость, чтобы не стучать ею по полу, а просто подошел к окну, придерживаясь рукой за стену. Нога болела довольно сильно: слишком много ему приходилось ходить последние дни, не позволяя себе привычного отдыха. А эти умники еще смеют утверждать, что он дает ей мало физической нагрузки.

Осторожно отодвинув занавеску в сторону, Марк выглянул наружу, но в первый момент ничего не увидел. Сонный двор выглядел тихим и пустым, на дороге за забором стоял лишь его внедорожник. Бросив взгляд на Риту и убедившись, что она по-прежнему спит, Марк осторожно повернул ручку и медленно открыл окно. В лицо тут же дохнул аромат свежей летней ночи, приближающейся грозы, цветов на клумбах и едва заметный запах разложения. Марк поморщился, уловив его. Это значило, что где-то рядом не просто призрак, а призрак недавно умершего человека. Через сорок дней после смерти они перестают так пахнуть. Марк никогда не причислял себя к верующим людям, но, получив возможности медиума, понял, что далеко не все, написанное в Библии, ложь. Что-то с душами на сороковой день все же происходит, даже если они остаются на земле.

— Павел? — едва слышно позвал Марк, медленно осматривая двор, чтобы не упустить никакой детали.

Скользнув взглядом по дому напротив, он замер: в окне стояла фигура и точно так же пристально смотрела на него. Расстояние было слишком большим, а на улице довольно темно, он смог разобрать только, что это женщина невысокого роста, одетая в темную одежду, с платком на голове. Марк прищурился и наклонился чуть вперед, пытаясь угадать ее возраст, но в этот момент прямо перед его носом словно из ниоткуда возник еще один образ. Прежде, чем мозг смог узнать фигуру, Марк отшатнулся от окна, неловко перенес вес на больную ногу. Ту прострелило острой болью, и он не удержался, упал на пол, зацепив по дороге прислоненную к тумбочке трость и подняв в комнате шум, который мгновенно разбудил Риту.

— Что? Что случилось? — испуганно спросила она, подпрыгнув на кровати.

Марк сел, потирая ладонью ногу, в которой еще продолжали

постреливать отголоски боли, и снова посмотрел на окно. Перед ним уже в комнате, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стоял Павел и как будто куда-то звал.

— Кажется, нам предстоит прогулка, — сообщил Марк, не сводя с него взгляда.

— Какая прогулка? — в голосе Риты слышались нотки тревоги. Она явно не понимала, что происходит, а может, уже и забыла о его предупреждении вечером. — Ты упал что ли?

Марк лишь нетерпеливо отмахнулся, поднимаясь на ноги. Призрак все еще маячил у окна, но теперь он слышал даже его тихий голос: «Пойдем, пойдем».

Рита проследила за его взглядом, но, конечно же, ничего не увидела.

— Павел здесь? — наконец догадалась она.

Марк кивнул, принявшись натягивать на себя джинсы. На этот раз Рита забыла отвернуться, а у него не было времени иронизировать по этому поводу. Духи порой бывали слишком переменчивы в своих желаниях, а Павел его куда-то звал, и это могло быть важно. Тратить время на носки Марк не стал, надев кроссовки на босые ноги, схватил трость и поспешил к окну, поскольку Павел уже снова стоял на улице.

Рита, увидев, что он не шутит и действительно куда-то собирается, уже тоже обулась и схватила со стула свитер.

— Через окно? — ошарашенно спросила она.

— А у тебя есть ключи от двери?

Она только сейчас сообразила, что вечером они забыли взять у хозяйки ключи, так утомила их ее болтовня. Впрочем, кто же знал, что они понадобятся?

Марк ловко перемахнул через подоконник, и Рита только подивилась такой прыткости человека, который даже ходить без трости не может. Она вылезла на улицу следом за ним и зябко поежилась: ночью стало совсем холодно, поднялся пронизывающий ветер и гнал с запада темные неприятные тучи, обещающие очередной дождь. Далеко за лесом уже даже сверкали молнии, хотя раскатов грома еще не было слышно.

Марк остановился, оглядываясь по сторонам. Павел словно сквозь землю провалился. Он перевел взгляд на окно дома напротив, но и то оказалось пустым: неизвестная старуха тоже исчезла. Он не успел рассмотреть ее возраст, но рассудил, что это может быть только убитая Поликарповна. Опытные души, по разным причинам задержавшиеся или еще не успевшие покинуть этот мир, стараются не навещать места, где может быть свежее испеченный призрак. Марк не знал причин этому, просто

принял как данность.

— Куда дальше? — спросила Рита, подходя к нему.

— Без понятия, — пробормотал он, вглядываясь в темноту.

Наконец у самого перекрестка через три дома ему удалось разглядеть фигуру. Он скорее почувствовал ее, чем увидел. Павел покачивался на ветру, как молодое деревце, и пристально смотрел на него, безмолвно зовя за собой.

— Туда!

Марк, насколько позволяли силы, побежал к перекрестку, слыша только стук своей трости по земле и шум мелких камешков, вылетающих из-под кроссовок Риты. Он мельком оглянулся на нее, отмечая про себя, что там, где ему кажется, будто он бежит сломя голову, Рита лишь чуть ускорила шаг, но на бег не перешла. Похоже, завтра он будет сильно жалеть об этой прогулке. Как будто сегодня нога болела еще недостаточно.

По мере того, как они приближались к перекрестку, расстояние между ними и молчаливой фигурой не сокращалось: призрак продолжал куда-то вести их.

— Ты видишь его? — только один раз спросила Рита и, удовлетворившись коротким кивком, больше вопросов не задавала.

Призрак выражал явное нетерпение, то удаляясь, но снова возвращаясь на прежнее расстояние, но Марк при всем своем желании не мог двигаться быстрее. Каждый раз, когда он наступал на левую ногу, ему казалось, что кости сейчас не выдержат и пойдут трещинами по следам старых переломов.

Наконец призрак остановился. Когда Марк заметил, что расстояние между ними неожиданно сократилось, он тоже замер на месте.

— В чем дело? — непонимающе спросила Рита.

— Кажется, мы пришли.

Они стояли у края не то леса, не то сада. В ночной темноте даже десяток деревьев казался непроходимой чащей. Деревня осталась далеко позади, землю здесь освещала только луна, все чаще скрывавшаяся за надвигающимися тучами, поэтому сложно было точно определить, куда их привел Павел. Его самого Марк окончательно разглядел лишь сейчас, когда он очутился совсем рядом.

— Ну, куда дальше? — тихо спросил Марк. — Что ты хочешь?

От него не укрылось, как Рита рядом немного нервно огляделась. Похоже, она еще никак не могла привыкнуть к его общению с призраками, к тому, что они рядом с ней, даже если она их не видит. Марк понимал ее. Ему самому понадобилось немало времени, чтобы привыкнуть к их

присутствию. Да что там, разве не из-за этого он несколько лет считал себя шизофреником?

Павел повернулся и медленно пошел вперед, даже став немного ниже ростом, как будто идти туда, куда он вел их, ему страшно не хотелось. Марк и Рита двинулись за ним, и уже через пару метров вдруг поняли, что место, куда привел их призрак, не лес. Среди деревьев начали попадаться накренившиеся деревянные кресты, а вскоре они вышли на небольшую поляну, где старых могил было уже гораздо больше, чем деревьев.

— Это кладбище? — испуганно спросила Рита, обхватывая себя руками. — Зачем он привел нас сюда?

Марк ничего не ответил. Он, в отличие от Риты, не испытывал страха, и даже холода почти не чувствовал. Все затмевала собой боль в ноге. Он приказал себе пожалеть ее позже, а сейчас медленно подошел к могиле, возле которой остановился Павел. Земля оказалась свежевскопанной, но уже прибитой дождем, как будто похороны состоялись несколько недель назад. Надпись на небольшой дощечке гласила, что здесь похоронен некий Филоненко Петр Степанович, родившийся в далеком 1933, а скончавшийся в середине июня этого года. То есть чуть больше месяца назад, незадолго до исчезновения Павла.

Марк медленно присел на корточки, разглядывая небольшой холмик, огражденный деревянной опалубкой, с парой букетов искусственных цветов. Похоже, покойник либо имел скверный характер, либо был одинок. Цветы были дешевыми, уже успевшими выцвести и поблекнуть.

— Земля свежая, — заметила Рита, и Марку показалось, что она чувствовала себя неуютно в ночной тишине кладбища, поэтому хотела разбавить ее хоть какими-то звуками.

Он вдруг подумал, что едва ли ей часто приходилось бывать по ночам на кладбище. Если вообще приходилось. Примерные девочки, живущие с любящими бабушками, не связываются с плохими компаниями и не посещают злчных мест. Возможно, потому и сидят в девках до тридцати, а потом выходят замуж за таких же примерных соседских мальчиков, имеющих никому не нужную ученую степень и зрение минус десять. Интересно, у Риты есть такой мальчик?

— Захоронение было чуть больше месяца назад, — сказал он, отвлекаясь от собственных непонятных мыслей. — Павел тогда еще был жив.

Марк поднял голову и посмотрел на безмолвный призрак. Тот стоял чуть дальше, хотя он не заметил, когда Павел успел переместиться, и снова тихонько покачивался на ветру. Выглядел он печальным и больше не

пытался ничего сказать.

— Как думаешь, зачем он привел нас сюда? — повторила свой вопрос Рита, но и на этот раз Марк не знал, что ответить. Правда, знал, у кого спросить.

— Сейчас выясним.

Он положил обе ладони на свежую землю, почти сразу ощутив могильный холод и едва уловимый запах разложения, и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Призрак на его призыв явился быстро, как будто только и ждал удобного момента. Им оказался высокий, очень худой — Марк бы даже сказал «высохший» — мужчина в темном костюме несколько большего размера, чем было необходимо. Марка всегда удивляла эта привычка некоторых пожилых людей покупать себе костюм для похорон заранее. Лично ему, периодически общающемуся с призраками, было совершенно плевать, что на них надето, и точно так же плевать, что будет надето на нем после смерти. Откуда такое желание выглядеть прилично у тех, кто не может быть до конца уверенным в жизни по ту сторону?

Не дожидаясь никаких вопросов, призрак стремительно наклонился к Марку и с заметной злостью в голосе заговорил:

— Он здесь. Здесь! Забери его. Он мешает. Мешает мне. Забери!

Марк отшатнулся и был вынужден опереться рукой о землю, чтобы не упасть. Он узнал и этот голос, и эти слова. Призрак Филоненко был в кабинете, когда они проводили свой эксперимент с переходом границы.

— Кто? Кто здесь? — спросил Марк, стараясь не обращать внимания на холодок, пробегающий вдоль позвоночника. От мужчины веяло такой неприкрытой агрессией, что он уже не сомневался: родственники у него имелись, но это им было плевать на то, что на нем надето после смерти.

— Он! — мужчина злобно зашипел, оглянувшись. — Забери!

Марк тоже повернул голову в сторону, замечая Павла, который отошел еще дальше, к самой ограде кладбища. Он теперь не покачивался на ветру, а как будто дрожал от страха, и Марк был уверен, что он тоже боится.

— Забери! Забери его! Он мне мешает, — тем временем продолжал шипеть Филоненко. — Забери!

Марк отдернул руки от могилы, и призрак мгновенно исчез. Он взял лежащую рядом трость и медленно поднялся на ноги. Те тут же отозвались постреливающей болью, на этот раз обе. Вставать и садиться, не имея возможности вытянуть ногу, для него было особенно трудно. После двух активных дней он едва смог это сделать, но просить помощи у Риты не стал. Это казалось слишком унижительным.

— Кажется, я знаю, где наш Павлик, — сказал Марк, стараясь сильно не морщиться.

— И где же? — мрачно поинтересовалась Рита.

— Здесь, — Марк кивнул на могилу.

— В каком смысле?

— В прямом. Полагаю, его убили. Или он сам умер, но кто-то сильно хотел спрятать тело. А где лучше всего его прятать, как не на кладбище? Тем более тут есть новая могила, а значит, на свежевскопаный холм никто не обратит внимания. Покойничек из этой могилы имел скверный характер, едва ли кто-то стал бы его навещать и мог заметить что-то странное.

Рита бросила испуганный взгляд на могилу.

— Это все тебе духи рассказали?

— Духи редко рассказывают прямо, иногда нужно уметь расшифровывать их послания. Тело Павла спрятали здесь, но хозяину могилы это не слишком по душе, вот он и изводит несчастного парня. А тот, видимо, нашел меня, чтобы я помог вытащить его отсюда и похоронить нормально. Но всем этим мы займемся завтра, — Марк вздохнул, поднимая голову к темному небу, — а сейчас нам надо торопиться домой, дождь начинается.

Рита тоже посмотрела вверх, только сейчас замечая крупные редкие капли, падающие вниз и разбивающиеся о ее одежду. Свитер уже прилично намок, да и волосы влажными прядями свисали возле лица, приликая к щекам. До этого ужас от происходящего притуплял все физические неудобства. Похоже, настырный ветер все же пригнал тучи, и скоро начнется настоящий ливень. Им на самом деле лучше успеть добраться до дома, чтобы завтра не проснуться с больным горлом.

Она обратила внимание, как сильно Марк опирается на трость, вспомнила, какое расстояние им придется пройти обратно.

— Может быть, мне сходить за машиной? — предложила она, хотя меньше всего ей хотелось куда-то идти одной ночью. Никогда раньше Рита не считала себя трусливой, но теперь отчего-то испугалась.

— Дойду, — отмахнулся Марк. — Медленно, но дойду.

Глава 9

— Твою мать... — выдохнул участковый, медленно вытаскивая из рта сигарету и во все глаза рассматривая разрытую могилу, где как раз двое местных мужиков откопали уже начавший разлагаться труп парнишки.

Утром, едва проснувшись и позавтракав удивительно вкусным омлетом, который для них приготовила хозяйка дома, Рита и Марк поспешили попрощаться. К источнику они, конечно, не поехали, вместо него направились к местному участковому, рассудив, что рыть могилу самостоятельно — не самая лучшая идея. Во-первых, у них даже лопаты нет, во-вторых, за такое можно здорово схлопотать.

Участковый оказался совсем молоденьким. Видимо, чтобы казаться старше, он тщательно отращивал усы и бороду. Те росли невнятными клочками, делая его похожим скорее на бродягу, чем на представителя власти. Впрочем, что Рите, что Марку было плевать на то, как он выглядел. Главное, он находился на месте и не отказался их выслушать.

Увидев незнакомых людей на своем пороге, Максим Витальевич, как они уже успели прочитать на стенде информации, поспешно захлопнул ноутбук и попытался изобразить крайнюю занятость, начав перебирать лежащие на краю стола папки.

— Что случилось? — спросил он, не глядя на них.

Только тогда Рита вдруг сообразила, что они не решили, о чем будут говорить полиции. Нельзя же прийти и сказать, что призрак мальчишки указал им на чужую могилу, где якобы похоронили и его самого.

Оказалось, можно.

Пока Марк спокойно, с абсолютно невозмутимым видом, рассказывал участковому о причине своего визита, брови не только Максима Витальевича, но и самой Риты подползали все ближе к челке. Он не солгал ни в чем, разве что не стал упоминать, как именно они узнали, в какой деревне искать следы Павла. Рита была благодарна ему и за это.

Выслушав Марка, Максим Витальевич откинулся на спинку стула и сложил руки на груди, недоверчиво глядя на него.

— То есть вы медиум? — уточнил он.

— Да, — кивнул Марк.

— И к вам приходит дух, как вы считаете, уже покойного Павла Симонова?

— Вы ведь тоже так считаете.

Максим Витальевич хмыкнул и перевел взгляд на Риту.

— А вы тоже медиум?

— Нет, — ответила та. — Я просто помощник, — торопливо добавила она, пока Марку не пришло в голову рассказать, кто она. Рита уже не знала, чего от него ожидать, а потому даже не удивилась бы.

— И он сказал, что его закопали в той же могиле, что и покойного Петра Степановича Филоненко? — продолжал спрашивать участковый, снова повернувшись к Марку.

— Он показал, — поправил его тот. — Но это же логично, подумайте сами. Вот представьте, вы убили человека, и вам надо спрятать труп. Вы знаете, что на кладбище есть свежая могила, что родственников у покойного немного, и те его недолюбливали...

— А это вы откуда знаете? — перебил участковый, подозрительно прищурившись.

— С ним я тоже успел пообщаться, — как ни в чем ни бывало ответил Марк. — Поверьте, я знаю толк в родственниках с плохим характером.

Максим Витальевич понимающе хмыкнул, машинально поправив кольцо на правой руке. Рита едва сдержала улыбку, заметив это.

— Так, ну ладно, предположим, я вам поверил, — участковый скептически улыбнулся, хотя Рита видела, что он им на самом деле поверил. Или, как минимум, они разбудили его любопытство. — Что вы от меня хотите? Чтобы я раскопал могилу?

— Едва ли лично, — ухмыльнулся Марк. — Но, полагаю, в деревне найдется парочка здоровых мужиков, готовых на такое дело за щедрую оплату?

Услышав про деньги, Максим Витальевич, который уже собрался встать со стула, сел обратно.

— Вы заплатить хотите? Зачем? Какой у вас интерес?

— Мой интерес в спокойной жизни, — снова невозмутимо-честно ответил Марк. — Призрак Павла не дает мне покоя. Вы не представляете, что такое, когда призраки приходят по ночам.

— Бог миловал.

На долю секунды Рите показалось, что участковый сейчас суеверно перекрестится, но он сдержался.

Еще через час они оказались на кладбище в сопровождении двух местных мужиков с красными лицами, от которых несло перегаром за километр. Похоже, им было все равно, что копать: могилу или обычную яму. Главное, чтобы за это нормально заплатили, а деньги, обещанные Марком, показались им весьма щедрой оплатой за такую работенку.

Лопатами они орудовали быстро, даже на перекур ни разу не попросились, и спустя минут пятнадцать откопали труп.

Если до этого участковый еще пытался изображать скепсис и спрашивать, где у них скрытая камера, то теперь со смесью ужаса и почему-то радости смотрел на Марка. Впрочем, причину его радости Рита скоро поняла. Бросив взгляд на мужиков, которые отошли на несколько шагов от разрытой могилы и принялись вытаскивать немного подрагивающими руками из карманов сигареты, Максим Витальевич поманил Марка чуть в сторону. Рита посчитала, что как помощник имеет право последовать за ними.

— Я сейчас начальству докладывать буду, — тихо сказал участковый, — опера с района приедут, не мне же убийством заниматься. Вам лучше свалить до этого момента. Сам понимаешь, ты же первый подозреваемый. Никто не поверит, что место захоронения тебе призраки показали.

Марк понимающе кивнул. Встречаться с полицией у него не было никакого желания, второй раз так может и не повезти.

— А как вы будете объяснять, как нашли тело? — поинтересовалась Рита.

Участковый беспечно махнул рукой.

— Провел опрос, нашел свидетелей. Сами видите, что за бутылку тут кто угодно что угодно скажет.

Рита бросила быстрый взгляд на Марка и тот едва заметно кивнул ей, давая понять, что его все устраивает. Попрощавшись с Максимом Витальевичем, которому не терпелось доложить начальству о своей находке, они поспешили к машине.

— Теперь домой? — уточнила Рита, забравшись внутрь.

— Домой, — со вздохом кивнул Марк, медленно выпрямляя ноги. — Надеюсь, я выполнил желание Павлика, и он больше не будет ко мне приходить.

Рита послушно завела двигатель и медленно выехала на дорогу. Ей хотелось поскорее вернуться домой, но в то же время она немного жалела, что через пару часов приключение закончится. Оно было интересным, хоть и немного пугающим. И ей определенно было жаль расставаться с Марком, но никаких причин для встреч она больше не находила. По крайней мере, пока.

— Болит? — спросила она, мимолетно взглянув на то, как он морщится, пытаясь выбрать удобное положение. Ночной дождь собирался пойти на второй круг, на лобовое стекло уже упало несколько капель.

— Столько ходить-то, — фыркнул Марк. — Наверное, придется согласиться на курс уколов. Ваша врачебная братия вечно норовит прописать мне всякие курсы, терапии, лечебные физкультуры и прочую дрянь.

Рита снова посмотрела на него, оторвав взгляд от дороги. На третий день за рулем она стала чувствовать себя более или менее уверенно, а на проселочной дороге следить особо было не за чем.

— Ты что же, ничего такого не делаешь?

— Редко.

— Почему?

— А зачем? Врачи и так говорили, что я не смогу ходить. Но вот, я хожу.

— Может быть, если бы ты продолжал лечение, то смог бы ходить без трости и не умирать после двух дней на ногах?

Марк бросил на нее такой испепеляющий взгляд, что Рита даже поежилась. На его лице отражалось крайнее недовольство, как будто она сказала что-то такое, что говорить не имела права. В какой-то момент ей даже показалось, что он сейчас наградит ее не самым лестным эпитетом и велит молчать до самого города, но он ограничился почти вежливой фразой:

— Ты прям как моя мать.

Рита решила больше не трогать эту тему, и какое-то время они ехали молча. Они уже добрались до трассы, вокруг появилось множество других машин, и ей приходилось внимательнее следить за дорогой. Марк тоже не проявлял желания болтать, просто смотрел в окно, изредка морщился и потирал ладонью колено.

Когда до города оставалось несколько километров и они встали в привычную пробку, Рита снова решилась нарушить молчание:

— Почему ты сказал участковому правду?

Марк удивленно посмотрел на нее, словно она задала самый глупый в мире вопрос.

— А что я должен был ему солгать? Что видел, как месяц назад кто-то ночью закапывал туда труп? Так он прекрасно знает, что я не местный и видеть этого не мог. Вот тогда точно подумал бы, что это я его убил.

Рита на несколько секунд замолчала, обдумывая его слова. Конечно, он был прав, но все же говорить про призраков обычным людям она считала глупостью. Она сама еще несколько дней назад только покрутила бы пальцем у виска.

— Ну, не знаю. Анонимку написать?

Марк рассмеялся, и смеялся так долго, что Рита почти обиделась.

— Ты серьезно? — наконец спросил он. — Анонимку? Марго, такая глупость не пришла бы в голову даже Лере.

Вот теперь Рита действительно обиделась. Не то что бы она считала Леру глупой дурушкой, но все же она как минимум старше и всю жизнь прожила среди людей, а не в клинике для душевнобольных.

— Мне не нравится имя Марго, — только и сказала она, стараясь, чтобы голос прозвучал обычно, но Марк, конечно же, прекрасно видел ее надутый вид.

— Ладно, не злись, — он примирительно тронул ее за локоть, но руку тут же убрал. — На самом деле я пообщался с его почившей пару лет назад матушкой и знал, что он, во-первых, мальчик амбициозный и не упустит случая заработать пару очков в глазах начальства, даже если сначала затея кажется весьма сомнительной, а во-вторых, крайне любопытен. Так что шансы на успех были достаточно высоки.

Очередь из автомобилей совсем встала, поэтому Рита смогла повернуться к Марку на гораздо большее время, рассматривая его лицо.

— Это очень удобно, да? — с улыбкой спросила она.

— Что именно? — Марк чуть повернул голову к ней, но продолжал при этом смотреть в лобовое стекло.

— Узнавать что-то о людях, общаясь с их умершими родственниками.

— О, ты даже не представляешь насколько! — он тоже улыбнулся и наконец посмотрел на нее. — Особенно если учесть, что от мертвых ничего нельзя скрыть. Вот съела ты пару дней назад на ночь пирожное, никто из живых не знает, а мертвые знают.

Рита покраснела, пытаясь вспомнить, ела ли она пирожное и имеет ли Марк в виду ее или же это просто пример.

— И что, мертвые всегда следят за живыми?

— Нет, вовсе нет, — Марк снова повернулся к окну и по его губам скользнула странная ухмылка. — Вот, например, этот мужик, в могилу к которому закопали Павла, едва ли будет.

— Почему?

— Потому что он никого не любил в этом мире. Никого так сильно, чтобы после смерти затрачивать энергию ради них. Знаешь, умершим душам сложно удерживаться здесь, даже иногда на призыв приходиться сложно. Этого нужно очень сильно хотеть, а все сказки о том, что мертвый дедушка следит за тобой с небес — действительно сказки.

— Значит, они могут делать это только если здесь остался кто-то, кого они сильно любят?

— Не только любят. Ненавидят, хотят отомстить. Испытывают любые сильные чувства. Вы, врачи, пытаетесь объяснить чувства и эмоции с помощью гормонов и импульсов в мозгу, но на самом деле это не так. То есть не совсем так. Любое сильное чувство — будь то любовь, ненависть, страх, радость — это нечто гораздо более сложное, чем просто набор определенных гормонов. И оно способно держать человека здесь даже после смерти, когда никаких гормонов уже в принципе нет. Чем я, собственно говоря, и пользуюсь. Иначе как бы я узнал, что ты вся такая сочувствующая и добрая и обязательно бросишься помогать несчастному калеке, стоит только надавить на жалость?

Последние его слова прозвучали с определенной долей сарказма, и Рите показалось, будто ее окатили ледяной водой. Она вспомнила выражение лица Марка в больничном дворе, затем тепло его рук, когда он касался ее, рассказывая о своей странной просьбе, видения, которые Лера показывала ей у нее дома и после которых она все же согласилась помочь. Значит, все это было спланировано? Талантливая игра на ее слабостях, чтобы она согласилась? А теперь, когда она стала не нужна, можно раскрыть карты?

Она посмотрела на Марка, но тот оставался удивительно спокоен. Лицо не выражало абсолютно никаких эмоций.

— Ты специально подослал ко мне Леру? — спросила она, и даже ей самой голос показался каким-то чужим.

Марк безразлично пожал плечами.

— Это ее инициатива. Я лишь подтолкнул ее к этому. С Лерой это несложно, она наивная и доверчивая.

— Она тебя любит!

— Любит, — он согласно кивнул. — Но с ней и это несложно. Она как преданная собачонка: кто первый позаботился, того и любит.

— Ты сволочь, — выдохнула Рита.

Марк снова пожал плечами, ничего не возражая.

Рита включила поворотник и припарковалась у обочины. Они уже въехали в город и находились как раз недалеко от станции метро. Это была не ее ветка, для пересадки придется проехать полгорода, но ей было плевать. Находиться и дальше в одной машине с самовлюбленным гадом, который этого даже не скрывает, резко расхотелось.

— Оставишь меня здесь одного? — спокойно поинтересовался Марк, догадавшись о ее намерениях.

— Не хочу тебя больше видеть.

Рита несколько нервным движением попыталась отстегнуть ремень

безопасности, но тот словно специально не поддавался.

— До дома еще далеко, я не доеду, ты же знаешь, — голос по-прежнему ровный.

— А это уже твои проблемы. Позвони преданной собачонке, она довезет.

Ей наконец удалось освободиться от ремня и открыть дверь. Не глядя больше на Марка, Рита выскочила из машины и с силой захлопнула за собой дверь.

Домой Рита ввалилась злая до невозможности, поскольку всю дорогу старательно себя накручивала. Правда, теперь она злилась скорее на себя: за то, что согласилась помочь, за то, что позволила себе очароваться Марком, за то, что не распознала в нем сволочь сразу. Повезло еще, что он не стал слишком долго играть роль вежливой зайки и открыл ей лицо до того, как она успела окончательно им увлечься.

Так даже лучше, говорила она себе. Не хватало только влюбиться в занятого мужика, как будто свободных мало. Лера определенно не тот кандидат, с кем стоило бы соревноваться.

Первым делом Рита поставила чайник и включила газовый нагреватель воды. Нагреватель был старым и давно требовал если не замены, то хотя бы технического обслуживания, а потому они с бабушкой не рисковали оставлять его включенным без присмотра на долгое время. Уезжая вчера утром в деревню, Рита, конечно, не подозревала, что не вернется на ночь, но все же выключила его, и за это время вода успела полностью остыть, а тело требовало душа. И голова тоже, но ей — Рита точно знала — душ не поможет. Она была из тех людей, кто способен мысленно прокручивать произошедшие события долгое время, рассматривать их со всех сторон, анализировать свое поведение и слова, думать, как надо было поступить и какие ошибки она совершила, а потому даже не надеялась избавиться от злости на себя и на Марка в ближайшее время.

До того, как ввязаться во всю эту авантюру, она собиралась поехать к бабушке на дачу. Пожалуй, стоило так и сделать. Конечно, впереди еще несколько рабочих дней, но она уже не надеялась на звонок от потенциальных работодателей. Неделю пострадает в деревенской тишине, пожалеет себя, поест бабушкиных пирогов со свежей малиной, а в следующий понедельник пойдет на «скорую».

Чайник закипел, засвистел через старомодный свисток, и Рита поспешила выключить газ. Она достала из шкафа коробку с липовым чаем,

залила щепотку кипятком и, поставив на поднос все необходимое, направилась в гостиную. Устроившись поудобнее и включив телевизор, Рита внезапно наткнулась взглядом на пухлый конверт на стеллаже. Она положила его туда несколько дней назад и ни разу не заглянула внутрь. Первым порывом было схватить его, домчаться до квартиры в Апраксином переулке и вернуть всей этой ненормальной шайке, но она быстро передумала. Она честно выполнила свои обязанности, заработала эти деньги, с какой стати должна их возвращать?

Рита поставила чашку на поднос, поднялась с дивана и нарочито медленно подошла к стеллажу. Взяла в руки конверт, как будто его содержимое ее не волновало, и открыла его.

Сумма оказалась внушительной. На то, чтобы отвезти бабушку в Вену, конечно, не хватит, но месяца на два экономной жизни, чтобы дать себе еще немного времени на поиски работы мечты, — запросто. В этот раз Марк оценил свою жизнь гораздо дороже, чем это сделали за него в прошлый.

Рита вытащила из ящика шкатулку с уже потрепавшимся изображением балерины, где они с бабушкой хранили деньги, и положила в нее купюры. Следовало поторопиться, если она хочет успеть на последнюю электричку и уже сегодня оказаться на даче.

Однако ее планам опять не суждено было сбыться. Едва она упаковала рюкзак, как снова раздался звонок, но на этот раз не в дверь, а по телефону. Она взглянула на дисплей, но номер оказался незнакомым. Мысли не брать трубку даже не возникло: бабушка была уже не так молода, как хотела казаться, поэтому давным-давно, в тайне от нее, Рита на всякий случай дала свой номер телефона ближайшим соседям по даче.

— Да? — ответила она с замиранием сердца.

— Маргарита Александровна? — голос принадлежал немолодой женщине, но в нем не звучало ни капли тревоги, что немного успокоило Риту. Если бы что-то случилось с бабулей, абонент едва ли был бы так спокоен. — Петровская больница беспокоит, вы были у нас на собеседовании.

Рита молча кивнула, даже не подумав, что собеседница этого не слышит. Она ходила на собеседование в ту больницу больше месяца назад, когда только начинала искать работу, еще была полна энтузиазма и уверенности, что с легкостью ее найдет. Петровская больница была большой, совсем новой, с современной техникой, и находилась всего в двух станциях метро от ее дома. Оттуда ей даже не перезвонили.

— У нас появилась вакансия, если вы еще заинтересованы.

— Да, — слабо выдавила из себя Рита, все еще не веря в свою удачу. И

уж точно не веря в такое совпадение: едва она рассчиталась со всеми пожеланиями сумасшедшей тройки, как работа ее мечты нашла ее сама.

Глава 10

— А вы можете спросить у нее, когда я выйду замуж?

— Что, простите? — Марк поднял голову и удивленно посмотрел на сидевшую перед ним девушку.

В темноте кабинета, которую прорезал лишь свет от четырех толстых свечей, ее глаза сверкали каким-то особенным любопытством. От испуга и застенчивости, которые вошли в комнату вместе с ней получасом раньше, не осталось и следа.

— Ну, вы можете спросить у бабушки, когда я выйду замуж? — с энтузиазмом пояснила девушка.

Марк перевел взгляд на застывшую в углу едва различимую тень старушки. Та умерла задолго до рождения внучки, никогда ее не видела, никаких чувств к ней не питала и жизнью ее не интересовалась. Марку стоило определенных трудов вызвать ее из забытья. Если бы он заранее знал, какие глупости придется спрашивать, он бы даже делать этого не стал. Обмануть доверчивую дурочку, сидящую перед ним, было бы несложно. Весь ее перепуганный вид и огромные глаза говорили о том, что с магами и колдунами она дела никогда не имела, к гадалкам не ходила, и этот опыт у нее первый. Эдакая своеобразная магическая девственница, зашедшая сюда из любопытства. В последнее время клиентов, как всегда летом, заметно поубавилось, поэтому они принимали всех, кто хотел, без предварительной записи. Беда в том, что такие девственницы плохо представляют, что им нужно, и не умеют внятно формулировать запрос.

Пожалуй, нужно взять себе за правило заранее выяснять, с какими вопросами клиенты хотят обратиться к своим почившим родственникам. Откуда, простите, старушка может знать, когда эта юная бестолочь выйдет замуж? С такими вопросами следует приходить к Ксении и ее картам.

Однако желание клиента — закон. Тем более Ксения уже несколько дней игнорировала салон, раздав даже постоянных клиентов Марку и Лере.

Марк едва заметно махнул рукой старушке, разрывая энергетическую связь и отпуская ее. Та мгновенно растворилась в воздухе, как будто только и ждала этого.

— Сейчас выясним, — пообещал он девушке, выпрямляясь в кресле и потирая ладони друг о друга.

Он и сам не мог объяснить подобного поведения, но, имитируя общение с духами, он зачем-то начинал играть на публику, придавая своим

движениям и словам какую-то театральность, в которой вовсе не было нужды, когда он общался с ними по-настоящему. Однако это всегда безотказно действовало на клиентов. Магию без спецэффектов никто не любит, магия должна быть зрелищной.

Положив руки на стол перед собой, Марк прикрыл глаза и чуть приподнял голову, словно подставляя лицо небу. То есть в данном случае — потолку. Девушка едва слышно вдохнула. Выдерживая необходимую паузу, Марк гадал, додумается ли Лера, оставшаяся в другой части квартиры, хотя бы поставить чайник. На то, что она приготовит обед, не следовало даже надеяться, а он перед сеансом не успел нормально позавтракать. Того и гляди в животе заурчит, вот будет удар по репутации посланника Вселенной. Они вернулись с озера почти утром, он и спал-то всего пару часов.

После того, как несколько недель назад он разобрался с преследующим его призраком, тот больше не являлся, и жить ему никто не мешал, но Марк хотел воспользоваться последними теплыми деньками, поэтому на озеро они с Лерой ездили несколько раз в неделю. Август в этом городе редко радуется теплом, зато любит изводить дождями, поэтому упускать возможность было жалко. Хорошо хоть пить много не стали, зная, что утром предстоит работать.

Марк наконец снова открыл глаза, решив, что пауза получилась достаточно эффектной.

— Ваша бабушка говорит, что в вашем окружении есть человек, за которого вы можете выйти замуж, если приложите некоторые усилия. Если же у вас не хватит смелости, то другого будете искать долго.

Таким ответам его научила Ксения еще в самом начале работы. Если не удастся узнать необходимое у потусторонних сил — солги. Но солги так, чтобы твоя ложь была достаточно расплывчатой. Наверняка в окружении девчонки есть как минимум один неженатый мужчина. Или женатый, но который сильно ей нравится. Главное, дать ей понять, что ждать у моря погоды бесполезно, свое счастье она должна строить сама. И дальше она уже либо что-то сделает, либо в неудаче останется винить только себя, а вовсе не обманувшего мага.

Судя по загоревшимся глазам девушки, она уже на самом деле нашла кандидата в мужья. Горячо поблагодарив Марка, она положила необходимую сумму в настоящий, по уверениям Ксении, человеческий череп, лежавший на столе, и заторопилась к выходу.

Когда за ней хлопнула входная дверь, Марк уронил голову на скрещенные на столе руки и прикрыл глаза. Спать хотелось страшно, поди

не мальчик уже, болтаться где-то ночи напролет. Это Лера еще может гулять по нескольким городам, танцевать на мостах, пить виски, заниматься любовью, а затем поспать три часа и чувствовать себя как новенькая. А ему уже тяжело.

Правда, Ксения каждый раз удивлялась, как ему не страшно садиться с Лерой утром в машину после той аварии восемь лет назад. Но Марку действительно не было страшно. Лере хватало этих часов сна, чтобы алкоголь успел выветриться из крови и из головы, она всегда пила немного, а водила и трезвая отвратительно. И в тот день Марк, как и водитель встречной машины, был трезв.

Легкий ветерок, скользнувший по затылку, заставил его напрячься. Почти сразу он почувствовал постороннее присутствие, но запаха разложения не было. Значит, гость не «свежий». Вернулась старушка, с которой он только что беседовал? Нет, вряд ли, у нее был совсем слабый след, а здесь нечто посильнее.

Марк медленно поднял голову и так же медленно огляделся. На первый взгляд комната выглядела пустой, но чуть поникшее пламя четырех свечей подтверждало присутствие призрака. Наконец в самом дальнем углу, куда не дотягивался мерцающий свет, он уловил едва заметное движение.

— Выходи, — тихо, но уверенно велел он. — Я тебя вижу.

Призрак шагнул вперед, заставив пламя на ближайшей свече нервно вздрогнуть, и почти сразу Марк узнал его. Он уже видел эту фигуру в темной одежде и с платком на голове, но тогда не смог разглядеть лица. Теперь же прекрасно видел разрисованное морщинами лицо, высохшие тонкие губы, почти бесцветные глаза, седые волосы, кое-где выбивающиеся из-под платка. Ничего отталкивающего, обычное лицо очень старой женщины. Именно она стояла в окне дома напротив в ту ночь, когда Павел показал ему и Рите место, где следует искать его тело.

— Светлана Поликарповна? — полуутвердительно спросил Марк.

Призрак качнулся чуть ближе, застыв в полутора метрах от его стола. Теперь Марк видел даже сухонькие руки, выглядывающие из рукавов простого шерстяного платья.

Зачем она пришла? Он не звал ее, даже не вспоминал с той ночи. И, видимо, зря. Она не просто так наблюдала за ним тогда, он ведь сразу это понял, но предпочел отмахнуться. Думал, решит проблему с Павлом и его оставят в покое. Как бы не так.

— Что вам нужно? — вопрос прозвучал достаточно вежливо. Духи бывают обидчивы и мстительны, несмотря на то, что уже не должны бы испытывать эмоции. Злить ее Марку не хотелось, не хватало еще одного

навязчивого призрака на его голову. Организм не выдержит столько пить.

Призрак словно только и ждал этого вопроса.

— Укр-рал... — прошелестел он, качнувшись вперед еще сильнее и заставив пламя свечей дернуться в сторону, словно от резкого порыва ветра. — Он укр-рал!..

Марк непроизвольно подался назад, когда призрак оказался совсем рядом, и его окатило волной запаха, присущего многим старым людям и помещениям.

— Он украл у вас гребень? — спокойно поинтересовался он, хотя сердце отчего-то сорвалось в галоп. Странное ощущение, он ведь давно привык к появлению призраков и уж точно не боялся их.

— Укр-рал, — повторила женщина, наклонившись еще сильнее и теперь нависая над Марком сверху. — Найди его, вер-рни...

— Кто он? Вы знаете, как его зовут?

— Ник-кита. Он сказал: Ник-кита.

— А фамилия?

Призрак на секунду замер, и вместе с ним замерло все в комнате. Пламя свечей чуть притихло, и даже его собственное сердце, казалось, тоже перестало биться.

— Най-ди, — наконец произнес призрак. — Вер-рни...

Как давно воздух перестал поступать в легкие, Марк не знал, но ощущение горения в груди вдруг стало сильнее. Он попробовал вдохнуть, но в комнате как будто не осталось кислорода. Подтверждая это, пламя свечей медленно опускалось, и наконец все они погасли. Марк попытался встать, но мышцы не слушались. Где-то в глубине стремительно зарождалась паника, ладони стали мокрыми, а по спине, обгоняя друг друга, покатались капельки пота.

Дышать. Нечем дышать.

— Он убьет т-тебя... и твою подр-ругу... — шептал призрак, склоняясь еще ниже.

Голова кружилась все сильнее, и Марк понял: еще мгновение — и он потеряет сознание, а тогда уже верная смерть...

...— Марк?

Голос Леры словно ударил его по затылку. Он распахнул глаза и в панике огляделся: кабинет был пуст, четыре толстые свечи спокойно горели, даже не мерцая, и только легкий запах затхлости выдавал, что ему ничего не приснилось. Призрак здесь действительно был.

— Марк? С тобой все хорошо? — Лера стояла возле черной занавески, скрывающей дверь в другую часть квартиры, и смотрела на него. За

темными очками он не видел выражения ее глаз, но голос звучал испуганно. — Я слышала твой стон.

Он потер руками лицо, отгоняя остатки ужаса, а затем коснулся затылка: волосы на нем были влажными, да и черная футболка промокла насквозь. Пожалуй, ему стоит начать с душа, а не обеда, тем более что есть совершенно перехотелось.

— Да... Да, все в порядке, — он кивнул. — Просто незапланированное посещение потусторонней сущности.

— Опять? — Лера подошла ближе, села на стул для посетителей и взяла в руки его ладонь. — Кто на этот раз?

Марк на мгновение прикрыл глаза, восстанавливая в памяти произошедшее.

— Женщина. Женщина, которую убили в тот день, когда исчез и Павел, помнишь?

— Конечно, — Лера кивнула. — Только мы ведь разобрались с тем делом.

— Видимо, нет, — Марк криво усмехнулся. — Мы решили проблему Павла, но попали в поле зрения той старухи. Я видел ее в окне ночью, но не придал значения. Зато она меня запомнила.

— И что ей надо?

— Хочет, чтобы я нашел ее украденный гребень. — Марк несколько мгновений разглядывал лицо Леры в полутьме, а затем аккуратно высвободил руки, запустил пальцы в собственные волосы и крепко зажмурился. — Черт подери, они никогда не отстанут!

Лера сочувственно смотрела на него, не зная, чем помочь.

— Может, ну ее? — неуверенно предложила она. — Походит пару дней и уйдет?

— О нет, — Марк даже рассмеялся. — Она намного, намного хуже Павла с его воплями. И при этом она сказала, что тот мужик, который украл гребень, убьет меня и мою подругу. — Он наконец отпустил свои волосы, поднял голову и посмотрел на Леру. — Она тогда видела нас с Ритой. И ты знаешь, я ей верю. Если бы ты не вошла сейчас, я вполне мог бы сам стать призраком. Не уверен, что тот мужик имеет что-то против нас, но вот старуха весьма агрессивна.

Лера вздохнула.

— И что ты хочешь делать?

— Дождемся Ксению и все обсудим.

— Что-то мне кажется, решать все нам придется без Ксении, — хмыкнула Лера.

Марк непонимающе нахмурился.

— Почему?

— А ты не заметил? Она же в последнее время здесь почти не бывает, всех клиентов на нас спихнула. Мне кажется, — Лера наклонилась к нему ближе и зачем-то перешла на шепот, как будто боялась, что отсутствующая здесь Ксения услышит ее, — что у нее завелся новый поклонник, и она все силы бросила на его охмурение. Ей теперь не до нас и наших проблем.

Марк задумчиво посмотрел на пламя одной из горящих свеч. А ведь в словах Леры была правда. Ксения перестала появляться в салоне не последние несколько дней, а последние несколько недель. Почти с того момента, как он снова смог нормально работать. Разве иначе сегодняшняя клиентка досталась бы ему? Ведь уже по ее первым словам можно было догадаться, что девушке нужна гадалка, а не медиум. То, что она сама считала, будто на ее вопросы может ответить дух бабушки, ничего не значило. Клиенты часто не разбираются в деталях и не знают, что и как им нужно, это задача принимающего заявку или встречающего. Но Ксении здесь даже не было. Как и вчера, и позавчера. Ясно же: она отдала им всех клиентов, чтобы не приезжать и не тратить время самой.

У нее и раньше бывали ухажеры. Ксения — эффектная и красивая женщина, редко кто дает ей даже сорок, а ведь ей почти сорок семь. И то, что она не планирует всю жизнь заниматься магией, она никогда и не скрывала. Магия дает больше денег, чем врачебная практика, но успешный муж даст гораздо больше. И без особенных усилий с ее стороны.

— Да, наверное, ты права, — медленно произнес Марк. — Придется разбираться самим.

— Риту звать будем? — спросила Лера.

— Боюсь, она не придет, — он криво усмехнулся.

— Почему?

— А ты думаешь, она просто так тогда оставила меня одного в машине и сбежала?

Теперь пришла очередь Леры хмуриться. Тогда она не стала задавать ему вопросов, решив, что у Риты просто появились важные дела, ведь она не планировала ночевать в деревне.

— Что такого ты ей сказал?

Марк пожал плечами.

— Правду.

— Зачем?

На самом деле он тогда наговорил Рите гадостей по одной простой причине: два дня на ногах, пешая прогулка ночью и дождь превратили его

ногу в сплошной болевой центр. Он не мог найти ей места, даже позволил себе выпить две обезболивающие таблетки, которые не употреблял из принципа, однако легче не стало. Это портило настроение, и желание отыграться на ком-то взяло верх. Марку было противно признаваться в этом даже самому себе, поэтому Лере он тоже назвал другую причину, хотя она едва ли его осудила бы.

— Чтобы она не вздумала пытаться дружить с нами. И не смела в меня влюбляться. До этого оставалось совсем немного.

— Тогда обойдемся и без нее тоже, — легкомысленно отмахнулась Лера.

— Нет, так не выйдет. Я, может, и козел, но не окончательный мудак. Ей грозит опасность, в которую я ее втянул, и я как минимум должен предупредить ее об этом. А уж там пусть сама решает.

Глава 11

Лето плавно подходило к концу, сезон белых ночей давно завершился, а потому к нужной остановке Рита приехала уже в полутьме. Ей предстояло пройти еще несколько километров по лесополосе, но дорога была знакомая, а потому не пугала.

Приехать раньше она никак не могла. Новая работа отнимала почти все время, порой заставляя задерживаться в ординаторской и после окончания рабочего дня. Опытные врачи прекрасно успевали заполнить истории болезни на дежурстве, но Рита пока тратила на каждого пациента огромное количество времени, стараясь вникнуть в каждый случай отдельно, сделать правильные назначения и не пропустить что-нибудь важное, а потому документы часто приходилось заполнять уже вечером. Вот и сегодня она вышла из больницы через два с половиной часа после окончания рабочего дня. Хорошо еще, что рюкзак с вещами взяла с собой утром, а потому ей не пришлось забегать домой, и она успела на последнюю электричку.

На остановке из вагона вышла только она. Двое оставшихся пассажиров: женщина лет пятидесяти с уставшим лицом и двумя большими сумками и молодой паренек в кепке, скрывающей лицо, и наушниками в ушах, из которых громко лилась какая-то тяжелая музыка — поехали дальше. На самом деле Рита тоже могла бы выйти на следующей остановке. От нее до деревни, где находилась бабушкина дача, шла широкая, намного лучше освещенная дорога, но она была длиннее километра на три, и Рита не чувствовала в себе сил их преодолеть. На самом деле она никогда не ходила той дорогой, если опаздывала на автобус, предпочитая ходить через лес.

Закинув рюкзак на плечи, Рита смело шагнула в полумрак лесной дороги, но уже через несколько минут услышала за спиной шум автомобиля. Она свернула на обочину, чтобы не мешать движению и лишний раз не светить своим присутствием. Однако водитель все равно ее заметил, поскольку, поравнявшись с ней, сначала замедлил ход, а затем и вовсе остановился. Рита шагнула еще чуть дальше в лес, пристально разглядывая машину. В темноте она не могла определить ее марку, но это было что-то большое, на чем удобно ездить по бездорожью.

Окно на пассажирской двери медленно опустилось, и Рита наконец смогла разглядеть водителя, поскольку он наклонился к ней, видимо, чтобы

точно так же разглядеть ее. Им оказался мужчина лет сорока с добродушным улыбчивым лицом. На маньяка он не походил, однако Рита все равно не торопилась подходить ближе.

— Девушка, садитесь, я вас подвезу, — широко улыбаясь, предложил мужчина. — Не самое безопасное дело ходить по лесу одной. Тем более, ночь скоро.

— Спасибо, я дойду, — отказалась Рита, хотя предложение выглядело крайне заманчивым. Рюкзак с каждым шагом казался все тяжелее, и она уже жалела, что нагроутила его доверху. В деревенском магазине продавали лишь самое необходимое, поэтому она купила в городе любимых бабушкой продуктов, которых там было не достать.

— Садитесь, не бойтесь, — продолжал настаивать мужчина. — Вы же Веры Никифоровны внучка, так? А я через два дома живу. Мой сын к ней все лето ходит немецким заниматься.

Рита удивленно приподняла брови. Бабушка ни словом не обмолвилась ей о том, что все же взяла учеников. Однако теперь она смело шагнула к машине. Раз это бабушкин сосед, она может позволить себе доехать с ним до деревни.

Мужчина, назвавшийся Виктором, оказался на редкость разговорчивым. Не из тех людей, которые болтают, не заботясь о том, слушает ли их собеседник и интересен ли ему разговор, а из тех, кто разговорит даже самого большого молчуна. Пятнадцать минут до деревни пролетели быстро и интересно. Рита даже пожалела о том, что они уже приехали.

— Ну, передавайте «привет» бабушке, — сказал на прощание Виктор. — Удивительная женщина, знаете? Гришка мой за два месяца с ней немецкий выучил лучше, чем за четыре года в школе. У нее не забалуешь. Зато после занятий, говорит, кормит его невероятно вкусным пирогом с каким-то странным названием, забыл совсем.

— Штруделем, — с улыбкой подсказала Рита, вытаскивая из машины рюкзак.

— Да, точно! — хлопнул себя по лбу Виктор.

Попрощавшись с отзывчивым соседом, Рита поспешила к дому. На веранде горел свет — бабушка любила пить там по вечерам чай, даже когда находилась в доме одна, но, подойдя ближе, Рита поняла, что в этот раз у нее гости. Точнее, гость. Он сидел к ней боком и прятался в тени, поэтому она видела только смеющуюся бабушку, подливающую себе чай из красивого заварочного чайника, и руки гостя. И лишь подойдя совсем близко, Рита узнала его голос.

Вот уж кого она не ожидала встретить в гостях у бабушки, так это Марка Гронского! Как он вообще узнал адрес? Впрочем, на этот вопрос ответить было несложно. Пожалуй, стоит настоятельно запретить ему тревожить ее родителей. Но сейчас лучше узнать, зачем он явился.

— Привет! — поздоровалась Рита, входя на веранду. — Я смотрю, у нас гости? — Она бросила многозначительный взгляд на Марка, все своим видом спрашивая, какого черта он явился, но тот лишь улыбнулся в ответ.

— Дорогая, я не ждала тебя так рано, — бабушка подождала, пока Рита наклонится, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Меня сосед подвез.

— Какой сосед?

— Сын которого приходит к тебе заниматься немецким, что ты благополучно от меня скрыла.

Вера Никифоровна звонко рассмеялась: время изрезало морщинами ее лицо, чуть округлило стройную когда-то фигуру, высушило руки, но со смехом ничего не смогло сделать.

— Ну, садись за стол. Верно, устала, — велела она. — Я сейчас заварю тебе свежего чая.

Рита послушно уселась за стол, разглядывая стоящие на нем вазочки с вареньем и домашним печеньем, блюдо с неизменным яблочным штруделем и большой шоколадный торт «Прага». Последний наверняка притащил с собой Марк, таких в местном магазине отродясь не бывало, чему Рита не могла не радоваться. Слишком много в нем сахара, а бабушка, большая сладкоежка, обожает этот торт. Значит, он и это выяснил.

Рита твердо решила больше не ввязываться ни во что, что бы он ни предлагал. А ведь он наверняка приехал за чем-то подобным. Уж точно не по ней соскучился. Последний их разговор ясно дал ей понять, что очарование взаимным не было.

— Зачем ты приехал? — спросила она, когда Вера Никифоровна скрылась в доме.

— Решил, что при бабушке ты меня точно не выгонишь сразу, — улыбнулся Марк.

— Хотя бы честно, — хмыкнула Рита, отправляя в рот печенье. Поужинать она не успела даже банальной сосиской в тесте на вокзале, так торопилась на электричку, а потому ждать чай не было никаких сил.

— Я вообще никогда не лгу без надобности, — снова усмехнулся Марк.

Как и в первый день знакомства, он опять не стесняясь разглядывал ее, и Рита опять чувствовала себя неловко под этим взглядом. Наверное,

только сейчас она призналась себе, что все эти недели скучала по нему и даже хотела, чтобы они встретились. Не у бабушки на даче, конечно, а где-то в городе, случайно. Это неожиданное признание заставило ее разозлиться. Ей скоро двадцать девять, а подобные мысли простительны разве что в семнадцать.

— Так что тебе надо? — вопрос из-за этого прозвучал немного грубее, чем она хотела.

Ответить Марк не успел, да и судя по его виду, не очень-то и хотел успеть. На веранду вернулась Вера Никифоровна с чайничком в руках.

— Вы останетесь у нас ночевать? — поинтересовалась она, наливая чай в новую чашку. По ее голосу Рита сразу поняла, что Марк успел очаровать и ее бабулю. Ничего удивительного она в этом не видела: за те несколько дней, что они провели вместе, Рита прекрасно поняла, как хорошо он умеет это делать. Словно было что-то гипнотическое в этих карих глазах.

— Нет, ну что вы, — Марк вежливо улыбнулся.

У Риты свело скулы от этой улыбки. Хотелось вскочить из-за стола, топнуть ногой и закричать: «Не смей нравиться моей бабушке!»

— Не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством. У меня на одиннадцать часов уже заказано такси.

— Такси? — переспросила Рита.

— Конечно, — Марк кивнул, переведя на нее взгляд и не переставая улыбаться. Рита почувствовала, как от этой улыбки по спине пробежали толпы мурашек. Черт бы его побрал. — Ты же знаешь, я не вожу машину сам, — с едва уловимым упреком напомнил он. В его глазах Рита уловила намек на тот момент, когда она оставила его одного в машине, веля добираться домой, как ему заблагорассудится.

— А что же тебя Лера не привезла? — с оттенком сарказма спросила она.

— Кто-то должен был остаться в салоне, — пожал плечами Марк.

За столом повисла неловкая пауза. Марк продолжал разглядывать Риту. Та злилась, наоборот, стараясь на него не смотреть.

— Вы знаете, пожалуй, я вас оставлю, — неожиданно прервала тишину Вера Никифоровна. — Там по телевизору как раз сериал начинается. С вашего позволения, только еще кусочек торта с собой прихвачу.

— Да хоть весь, Вера Никифоровна, — улыбнулся ей Марк. — Специально для вас покупал.

— Осторожнее со сладким, ба, — хмуро напомнила Рита.

— Да что я там съела, — легкомысленно отмахнулась Вера Никифоровна, укладывая себе на тарелку кусок торта побольше.

— Жалеешь бабушке сладкого? — поддел Марк, когда за ней закрылась дверь, и они наконец остались вдвоем.

— Забочусь о ее здоровье, — парировала Рита. — В ее возрасте необходимо следить за уровнем сахара в крови. Зачем приехал?

— Дело есть.

— Не хочу иметь их с тобой.

— А если это касается тебя?

— Тем более.

— Так обиделась?

Рита оскорбленно дернула плечом, преувеличенно внимательно наливая себе новую порцию чая.

— Ну ладно, Рит, прости, — Марк протянул руку и тронул ее за плечо, но, заметив ее гримасу, руку убрал. — Сама подумай, ничего такого я тебе тогда не сказал. Изначально я просил тебя помочь за оплату. Ты помогла — оплату получила. Затем я предложил тебе продолжить, если хочешь, ты согласилась. Никто ни к чему тебя не принуждал.

Рита гневно посмотрела на него, не найдя достойного ответа. Если рассуждать так, то он прав. То, что она успела им очароваться, было исключительно ее проблемами. В этот момент она почему-то твердо решила на заработанные тогда деньги все же поехать с бабушкой в Вену. Если понемногу откладывать с каждой зарплаты, средств хватит с запасом.

— Хорошо, допустим, — согласилась она. — Так что еще тебе надо?

Марк коротко пересказал ей встречу с призраком Светланы Поликарповны. Рита сначала недоверчиво улыбалась, но, когда он дошел до предупреждения о грозящей им обоим опасности, улыбаться перестала.

— Думаешь, там был убийца старухи и Павлика, и он видел нас? — испуганно спросила она. — Мы же ничего не сделали!

— Или так, или старуха угрожает натравить его на нас, — пожал плечами Марк. — Призраки могут еще и не такое, поверь мне. Так что нам нужно найти чертов гребень.

— Но как? И что с ним делать, когда найдем? Зарыть в могилу к Поликарповне?

— Мне нравится это «когда», — усмехнулся Марк. — Я вот говорю «если». Что с ним делать, мы разберемся потом. Возможно, Поликарповна сама подскажет. Сейчас главное его найти.

— И у тебя есть идеи?

— Пока очень сомнительные. Я позвонил участковому в Сосняку,

помнишь его? Убийцу они, само собой, не нашли, но он обмолвился об одной очень занятной вещи. У Светланы Поликарповны есть девятнадцатилетний обалдуй-внук. Живет в Питере, из университета поперли, в армию не взяли по состоянию здоровья. Перебивается случайными заработками, есть подозрения, что наркоманит. Участковый говорит, что внучок в последнее время зачастил к бабуле, но никаких улик против него у полиции нет. Или он просто не в курсе. Надо расспросить этого внука подробнее.

— Думаешь, это он? — усомнилась Рита.

— Думаю, убийца как-то узнал, что у Светланы Поликарповны есть редкий старый гребень. Участковый говорит, полиция считает основной версией то, что убийца — профессиональный скупщик всякого редкого старья. Я погуглил в Интернете, там до фига сайтов, где такие вещи продают и покупают. Да и всяких магазинов с антиквариатом еще больше. Это если не брать в расчет частных коллекционеров. Светлана Поликарповна, видимо, продавать гребень отказалась, за что и заплатила жизнью. Внук вполне мог сболтнуть кому-то из знакомых о существовании у бабки такой редкости, но нам нужно понять кому.

— И ты действительно считаешь, что если он не сказал полиции, то скажет нам?

— Нам — едва ли, — усмехнулся Марк. — А вот Лере скажет.

— Ах ну да, Лера, — протянула Рита.

Он наклонился к ней чуть ближе и заглянул в лицо.

— Так что, ты с нами?

— Зачем я вам? Никого же оживлять не нужно, а больше у меня нет достоинств.

— Может, мне нравится твое общество?

— Ты говорил, что не лжешь без надобности.

— Я и не лгу.

Рита повернулась к нему, разглядывая его лицо в полутьме веранды.

«Не смей, Рита, — велела она себе. — Не смей снова им увлекаться и верить подобным заверениям. Он самовлюбленная сволочь, и когда вы вернете этот гребень, снова ею станет. Наступать два раза на одни и те же грабли будет по меньшей мере глупо».

И тем не менее, ей страшно хотелось согласиться.

— Я нашла работу, — она все еще искала пристойный аргумент отказаться.

— Но ты же не работаешь сутками.

— Иногда работаю.

— Я уверен, мы найдем варианты, — он лукаво подмигнул ей, и Рита не удержалась, хоть и понимала, что уже через пару часов, когда он уедет, она будет жалеть.

— Ну ладно.

— Отлично, — Марк широко улыбнулся. — А теперь, пожалуй, я съем кусок торта. Исключительно ради здоровья твоей бабушки.

Рита рассмеялась и тоже положила себе кусок, зная, что будет жалеть и об этом.

Такси за Марком приехало без четверти одиннадцать, и Рите вдруг показалось, что кто-то украл у нее эти лишние пятнадцать минут. Все оставшееся время Марк развлекал ее рассказами о забавных клиентах, о том, что происходило у них эти три недели, которые они не виделись, и снова походил на того самого Марка, каким он был до того, как открылся Рите самовлюбленным гадом. Она заставляла себя помнить о том, что его поведение сегодня снова лишь игра с целью расположить ее к себе, но с каждой проведенной с ним минутой получалось все хуже.

Пообещав позвонить ему в воскресенье вечером, когда вернется в город, Рита махнула рукой удаляющейся машине и вернулась в дом. Из-под двери бабушкиной комнаты выбивалась тусклая полоска света, поэтому она зашла к ней.

Вера Никифоровна действительно еще не спала, коротая время за просмотром какого-то сериала. Она с любопытством посмотрела на внучку, когда та вошла. Рита села на диван рядом с ней, ожидая вопросов. Несмотря на громадную разницу в пятьдесят лет, они всегда хорошо ладили, и Рита часто доверяла ей свои секреты. Впрочем, многие подружки утверждали, что с бабушками у них отношения гораздо лучше и доверительнее, чем с родителями. Рите сравнивать было не с чем, поэтому она просто считала бабулю своей лучшей подругой.

— Значит, это тот самый молодой человек, которого ты спасла восемь лет назад? — слова прозвучали вопросительно лишь отчасти. Бабуля скорее утверждала, приглашая Риту продолжить самой.

— Угу, — кивнула та.

Марк предупредил ее, что представился Вере Никифоровне по всем правилам, хотя она сама три недели назад рассказала бабуле и о том, что снова встретила его, и том, за что ей заплатили такие деньги. Последнему бабуля не обрадовалась, сказав, что ей не следовало так рисковать. Рита и сама это понимала, поэтому с радостью не стала развивать тему.

Вот и сейчас бабушка упомянула только об аварии.

— И что у вас с ним теперь? — допытывалась Вера Никифоровна, с задорными смешинками в глазах поглядывая на внучку.

— Ровным счетом ничего, — пожалала плечами та, стараясь выглядеть равнодушно.

— Но он тебе нравится?

— Ох, ба, — Рита даже рассмеялась. — Ты уже совсем отчаялась выдать меня замуж?

— Между прочим, я тебя понимаю. Вот была бы я на пятьдесят лет моложе... — со смешком добавила она. — Он очень интересный молодой человек.

— Он медиум!

— И что?

— Как ты там любишь говорить? — Рита нахмурилась, делая вид, что вспоминает слова бабушки, хотя прекрасно их помнила. — Ах, какой мезальянс! — Она картинно приложила тыльную сторону ладони ко лбу. — Приличная девушка с высшим образованием — между прочим, практикующий врач, — и, простите, колдун!

Теперь пришла очередь Веры Никифоровны смеяться.

— Мезальянс у нас в крови, дорогая, — она обняла внучку за плечи. — Ничего с этим не поделаешь.

Рита чуть отстранилась, чтобы заглянуть бабушке в лицо.

— Ты про себя и дедушку? — уточнила она.

Рита знала, что когда-то давно бабушка вышла замуж вопреки желанию своих родителей, но в подробности никогда не вдавалась. На ее взгляд, союз ведущего инженера процветающего завода и школьной учительницы едва ли можно было назвать мезальянсом. И, как это часто бывает, пока живы те, у кого можно спросить, младшие поколения не особо интересуются подробностями их жизни. Задумываться, что потеряли, люди начинают тогда, когда спросить уже не у кого.

— Да, — кивнула бабушка. — Я ведь была из очень интеллигентной семьи, несколько поколений ученых. Мой отец был физиком, имел ученую степень и звание профессора. Мама хоть и не имела никаких званий, но занималась биологией, писала статьи и участвовала в исследованиях фауны Дальнего Востока. Я закончила институт с прекрасным знанием не только немецкого языка, но и нескольких западнославянских. Это потом уже перестала ими пользоваться, остался лишь немецкий. Я могла стать видным переводчиком, знаешь ли, но была обязана отработать несколько лет учительницей в школе. У меня даже жених имелся, сын папиного

коллеги, подающий надежды математик Боренька Штейн. Мы еще не были обручены, но родители давно все решили за нас. Он ходил к нам домой, дарил цветы и звал меня в кино — этого было достаточно для того времени, чтобы считаться практически парой. А твой дед был одним из моих учеников. В то время многие молодые люди после смены на заводе ходили в вечернюю школу, получали среднее образование. Он был из рабочей семьи, имел отвратительные манеры, но веселый нрав и огромное желание чего-то добиться в жизни. Способности к языкам только не было ни капли. Кроме «Ich heisse Ivan», я ничего не смогла от него добиться. Поэтому он на каждый урок приносил мне букет цветов. Смеялся, что не возьмет знаниями, так хоть цветами. Я была влюблена, надо заметить, как мартовская кошка. Ни о каком Бореньке больше слышать не хотела и приняла Ванино предложение о замужестве, не раздумывая. Мама три дня не вставала с постели, дом пропах валерьянкой, но я не передумала. И знаешь, — Вера Никифоровна посмотрела на внучку и доверительно понизила голос, — ни разу в жизни не пожалела. Ваня получил высшее образование, стал сначала просто инженером, потом ведущим инженером, мы получили от государства квартиру, родили прекрасного сына, ездили по санаториям и никогда ни в чем не нуждались. И когда он скоропостижно скончался в пятьдесят три года, я так и не смогла найти ему достойную замену.

«А еще через три года тебе пришлось самостоятельно воспитывать внучку, — закончила за нее Рита, — тут уж не до личной жизни».

— Так что, дорогая, мезальянс не всегда плох, — Вера Никифоровна с хитрой улыбкой посмотрела на нее, — но с Марком ты все же осторожнее, — неожиданно добавила она.

Рита удивленно вздернула брови.

— Почему? — вопрос вырвался сам собой. Сама-то она знала, почему ей следует быть осторожнее, и дело не только в наличии Леры, но бабушка наверняка имела в виду что-то другое.

— Потому что он сложный человек. И давно сам в себе запутался. Он тратит время и силы совсем не на те вещи, которые ему нужны, и я бы не хотела, чтобы он впутывал в это тебя.

— Я вот сейчас ничего не поняла... — осторожно заметила Рита.

— В нем много жизненной энергии, много таланта, он мог бы добиться гораздо большего, чем одна выставка десятилетней давности. Он тратит себя на общение с духами, на помощь им прийти в этот мир, а лучше бы тратил на лечение своих собственных недугов. Поверь, у него хватило бы сил вылечить свои травмы, если бы захотел.

Рита даже отстранилась от бабушки, внимательно разглядывая ее лицо. Бабуля всегда казалась ей крайне логичным и прагматичным человеком, который даже в бога не верит вопреки современной моде. И уж точно не станет рассуждать о жизненной энергии и самоисцелении. Даже ее нежелание обсуждать необычный дар внучки Рита списывала на то, что она так до конца и не поверила в него.

— Откуда ты это знаешь? — только и спросила она.

— В нашей семье дар есть не только у тебя, дорогая, — загадочно усмехнулась Вера Никифоровна. — Я, может, и не умею возвращать людей к жизни, как ты, но вижу многое. Но давай об этом в следующий раз. Я устала и хочу спать.

— Нет, ба, расскажи, что ты имеешь в виду, — настаивала Рита, но бабуля осталась непреклонна.

— Потом. Как-нибудь в другой раз. Пожалей пожилого человека, дай ему отдохнуть.

— Хорошо бы еще пожилой человек сам себя пожалел, и не брал учеников на лето, — укоризненно заметила Рита, поднимаясь с дивана.

Вера Никифоровна рассмеялась.

— Мне только в радость позаниматься с мальчонкой, не все же в огороде копаться. Да и без постоянной тренировки язык быстро забывается.

— Только не у тебя. Ты немецкий знаешь не хуже русского.

— Так ведь годы уже не те. Недалек тот день, когда я и русский забуду. Все, иди, дорогая. Поговорим с тобой завтра.

Рита поцеловала бабулю в щеку и покорно вышла из комнаты.

Глава 12

На самом деле для получения нужной информации знакомиться с Антоном, внуком Светланы Поликарповны, не было никакой нужды. Его можно было подловить в любой подворотне и все вызнать, но Лера настаивала на более ювелирной работе. Говорила, что лучше бы наслать на него видения в спокойной обстановке, где никто не прервет и не помешает. Раз уж она так предусмотрительно вывела из игры Ксению, она хотела воспользоваться шансом проявить себя в полной мере.

Небольшая разведка показала, что каждые выходные, а иногда и по будням, Антона можно встретить в одном из ночных клубов недалеко от станции метро Лесная. Клуб был, честно говоря, не самый крутой, зато с претензией на дешевый пафос. На входе даже стоял огромный детина с наколками, проводящий фейсконтроль и безжалостно отсекающий малолеток.

Лера в клуб ходила только однажды, еще до того, как Ксения запретила подобные развлечения, поэтому была рада оказаться хоть в таком. Марк против придуманного ею плана возражать не стал, хотя и не отпустил одну. Они с Ритой сидели за одним из столиков в самом углу, наблюдая за происходящим. Лера не спорила: так ей было даже спокойнее.

Рита, ее усилиями одетая в узкие джинсы и блестящую блузку, красиво накрашенная и с модным выпрямленным хвостом из темно-русых волос, даже не портила картину. Глядя на нее, Лера вдруг подумала, что надо бы выпросить у Ксении какие-нибудь курсы визажистов, а то и вовсе стилистов. Не вечно же ей прозябать в салоне магии, а наводить красоту она умеет даже по ютубовским роликам, что уж говорить о профессиональных курсах. Впервые она красила не себя, а другого человека, и ей это невероятно понравилось: смотреть, как собственные руки из обычной, ничем не примечательной девушки создают эффектную красотку, было еще приятнее, чем подчеркивать собственную внешность, которая и так была гораздо лучше.

Пока Марк и Рита тихонько сидели в углу, Лера развлекалась во всю. Ее уже три раза угощали коктейлями, звали танцевать и даже приглашали покататься по ночному городу. Особенно упорствовал один симпатичный брюнет, назвавшийся Дэном, и в какой-то момент Лера даже пожалела, что находится здесь по заданию. Которое может провалиться, поскольку Антон пока так и не появился.

У нее уже гудели ноги, а в крови алкоголя было гораздо больше, чем она обычно себе позволяла, когда в зале наконец-то появился тот, кого она ждала. Антон не нравился ей еще тогда, когда они с Марком выслеживали его несколько вечеров подряд, а уж теперь, по сравнению с ярким Дэном, и вовсе не вызывал никакой симпатии. Бесцветный, слишком худой, без намека хотя бы на какие-никакие мускулы, он казался угловатым подростком, а не мужчиной двадцати четырех лет. И тем не менее, задание есть задание. Лера не врала Рите, когда говорила, что ради Марка сделает что угодно. Пара взглядов из-под полуопущенных ресниц, легкая улыбка на губах, глубокомысленный вздох над почти пустым стаканом с коктейлем — и намек достиг цели.

— Я могу угостить такую красотку коктейлем?

Лера закинула ногу на ногу, отчего короткое платье поднялось еще выше, до неприличия оголяя бедро, и снова улыбнулась.

— Смотря каким.

— На твой выбор.

Конечно же, Лера заказала самый дорогой из имеющихся. К чести Антона — он и бровью не повел.

— И как зовут скучающую красотку? — поинтересовался он, присаживаясь рядом. От него пахло дешевой туалетной водой и сигаретами, Лера едва не поморщилась. Она терпеть не могла сигаретный запах от других людей, хотя сама могла позволить себе сигарету-другую.

— Валерия, — ответила она, тоже чуть ближе наклоняясь к нему, а потому раньше него заметила широкую мужскую ладонь, которая мгновение спустя легла ему на плечо.

— Чувак, эту девушку сегодня угощаю я, — неизвестно откуда взявшийся Дэн, которого еще минуту назад не было в зале, стоял позади Антона, выражая недвусмысленную угрозу.

Лера мысленно выругалась. Надо ей было флиртовать с этим красавчиком! Повезло, что Антон тоже оказался не промах, и просто так уступать явно сговорчивую девицу, на которую уже потратил целый коктейль, не собирался.

— Слышь, вали отсюда, — велел он, оборачиваясь к оппоненту. — Профукал ты ее, теперь я угощаю.

— Ты че, не понял? — Дэн был прилично пьян, и даже слегка пошатнулся, когда Антон встал с места, и его рука потеряла опору.

— Может быть, ты лучше угостишь меня?

Голос Лера узнала сразу, хотя томные нотки придавали ему незнакомый оттенок. Вся троица обернулась: перед ними стояла Рита,

пристально глядя на Дэна. От Леры не укрылось, что пуговицы на ее блузке расстегнуты несколько сильнее, чем полтора часа назад, когда они только вошли в клуб, обнажая ложбинку на груди размера третьего, не меньше. Худенькая Лера не могла похвастаться даже вторым, а потому на мгновение испытала острый укол зависти, о котором тут же забыла: маневр удался. Дэн уставился сначала в вырез блузки, а потом поднял голову, разглядывая лицо с тонкими чертами и большие серые глаза (между прочим, спасибо Лере!). Незнакомка определенно пришлась ему по душе.

— А ты танцуешь так же соблазнительно, как и она? — он кивнул в сторону Леры.

— Может, проверишь сам? — Рита взяла его за руку, увлекая на танцпол.

Лера снова повернулась к Антону. Ей понадобилось не больше десяти минут, чтобы тот созрел для предложения продолжить вечер в более уединенном местечке.

— Надеюсь, это не темный угол возле подсобки? — скривилась Лера.

— Я живу здесь недалеко, минут пять идти, — торопливо заверил Антон. — Надеюсь, там ты снимешь очки.

— Там я сниму все, — пообещала Лера.

Она незаметно кивнула сидящему в одиночестве Марку, показывая, что они уходят. Тот кивнул ей в ответ, а затем встал, чтобы найти Риту и вдвоем отправиться за уходящей парочкой.

Антон приврал, говоря, что идти до его дома пять минут. Шли они целых двадцать пять по каким-то гаражам и пустырям. Ноги Леры, непривычные к высокой тонкой шпильке, уже гудели так, что она прониклась к Марку еще большим сочувствием. Кожа покрылась мурашками от холода, но она мужественно терпела, понимая, что на вторую такую попытку может и не решиться. Она уже была почти готова устроить Антону встречу с бабулей прямо здесь, за вонючим гаражом, благо народу среди ночи тут не было, но Антон наконец вывел ее к высокому дому, в темноте улицы казавшемуся грязным и мрачным.

Подъезд предсказуемо провонял кошачьей мочой, лестницу заплели семечками и чем-то еще, гораздо менее приятным, а в разрисованном лифте все кнопки оказались выжжены. Раньше Лера видела такое только на фотографиях в Интернете. Ксения жила в новом доме, а Марк, хоть и в старом, но чистом и ухоженном. На окнах в его парадной стояли цветы и пахло средством для мытья полов. Дом, в котором находился их салон и ее жилье, был еще старше, но запирался на магнитный замок, а потому поддерживать там относительную чистоту было несложно. А в других

домах она никогда и не была.

Когда Антон неожиданно прижал ее к грязной стене лифта, срывая предварительный поцелуй, Лера решила, что платье придется выбросить. Его рука скользнула по ее бедру вверх, забираясь под подол, и ей стоило больших усилий оттолкнуть его от себя. Парень был хоть и пьян, но гораздо сильнее нее. Не будь у нее этого проклятого дара, дело могло кончиться плохо.

— погоди, — попросила она, стараясь, чтобы голос не звучал слишком раздраженно, хотя едва ли Антон еще мог различать такие тонкости, — не в лифте же.

Впрочем, квартира оказалась не намного лучше. Старая, с оборванными кое-где обоями, запахом редко выносящегося мусора и грязных носков, она производила гнетущее впечатление. Лера даже порадовалась, что она была в клубе по заданию, а не по доброй воле, и ей не придется на самом деле спать на продавленном диване. И тем более необычно и чужеродно среди этой убогости выглядел большой серебристый ноутбук на столе и плоский телевизор перед диваном.

— Ну так что, снимешь с себя все, как обещала? — прошептал ей на ухо Антон, продолжая покрывать лицо мерзкими поцелуями.

— А то как же, — ухмыльнулась она, — и начну с очков.

В следующее мгновение Антон отскочил от нее как от прокаженной, и Лера наконец смогла брезгливо вытереть губы и лицо. Она, которая жила на свободе чуть больше года и никогда не целовалась ни с кем, кроме Марка, даже не думала, что это может быть настолько противно. Наверное, поцелуи жабы были бы приятнее.

Антон ничего этого уже не видел, поскольку теперь перед ним стояла не снятая в клубе девушка с бархатной кожей и точеной фигуркой, а старуха, к убийству которой — Лера в этом уже не сомневалась — он имел какое-то отношение. Не просто же так у неработающего парня в старой квартире взялись новенькие ноутбук и телевизор. Может, он ее и грохнул, украл и продал гребень. Лера не представляла, сколько тот может стоить, но, возможно, это была не первая вещь, которую он украл. Это только в фильмах воры антиквариата одеты с иголочки и ездят на дорогих машинах.

Фигура старухи получилась не слишком четкой, поскольку Марк плохо рассмотрел ее, а воссоздавала образ Лера по его рисунку, но Антон все равно ее узнал.

— Баба Света? — прошептал он вмиг побелевшими губами, во все глаза глядя на Леру и тихонько пятясь назад. Пришлось закрыть и запереть дверь в комнату, чтобы он не смог выйти.

— Что, внучок, не ждал в гости? — ухмыльнулась Лера.

— Ты... ты же умерла! — Антон уткнулся в диван и от неожиданности с размаху плюхнулся на него.

— Спасибо тебе за это! — припечатала Лера.

Антон побледнел еще сильнее, даже нижняя губа затряслась. Того и гляди расплачется.

— Я не виноват... баб Свет, не виноват я...

— Где гребень?

— К-какой гребень? — глаза несчастного виновато забегали по сторонам.

— Который ты украл!

— Я не крал! Не крал, баб Свет... не крал гребень!

— А откуда у тебя деньги на ноутбук? На телевизор? А? Не за мой ли гребень?

— Не крал я его, баб Свет! — снова запричитал Антон. — Заначку твою нашел, каюсь, ее взял! Чайничек серебряный твой продал, а гребень не брал!

— У-у-у, гнида! — Лера замахнулась, и Антон вжался в диван, закрылся руками, по-девчачьи завыв.

— Это он, наверное, взял, он!

— Кто?

— Ну, чувак этот из Интернета, Никита! Я фотки выложил на сайте, он мне звонил. Говорит, что дорого хочу, вдруг его хранили плохо? Я и дал твой адрес, чтобы он съездил, посмотрел. Сказал ему, что украду сам, если понравится, но не крал, вот тебе крест, что не крал! — Антон неумело перекрестился.

Лера подошла совсем близко, наклонилась над перепуганным идиотом.

— Как с ним связаться?

— Я не знаю... Я его номер удалил, когда ты умерла, чтобы менты не связали...

— На каком сайте ты его нашел?

— В Интернете, — Антон кивнул в сторону ноутбука, а затем снова закрылся руками. — Обманул, гад. Сам тебя грохнул и гребень забрал! Честное слово, баб Свет, не хотел я...

Лера брезгливо сплюнула и выпрямилась.

— Ноутбук заберу, — отрезала она. — А ты чтоб на работу устроился, гаденыш! И цветы мне на могилу раз в месяц с зарплаты привозил, понял? Не то каждую ночь к тебе ходить буду! Чуть просрочишь букет — жди в гости.

— Понял, все понял, — закивал Антон. — Устроюсь, привозить буду, только не приходи больше!

Лера злобно рассмеялась, подхватила со стола ноутбук и, проходя мимо дивана, не удержалась, пнула Антона ногой. Тот мгновенно вырубился от ужаса. Хорошо хоть не обделался.

— Черт возьми, ну где она там? — Марк нетерпеливо посмотрел на окна шестого этажа, которые принадлежали квартире Антона, но они по-прежнему оставались темными.

Лера и Антон вошли в подъезд почти пятнадцать минут назад. По мнению Марка, этого времени было более чем достаточно, чтобы напустить на парня видение и все узнать. За те несколько дней, что он наводил справки о внучке Поликарповны, тот не показался ему смелым и уверенным в себе. Такие раскалываются быстро. Особенно если Лера постарается.

— Может, пора вмешаться? — предложила Рита.

Она сидела на детских качелях, едва заметно раскачивая их из стороны в сторону, и прятала руки в рукавах легкой куртки, наблюдая за хромящим туда-сюда Марком. Августовские ночи всегда были холодными даже без осадков.

— Нет, подождем еще. Лера себя в обиду не даст.

— Ну да, — хмыкнула Рита, вспоминая растерянное лицо их темноволосой красотки, когда Антон и Дэн едва не подрались из-за нее в клубе. — Двоих парней сегодня продинамила.

Марк искоса посмотрел на нее, на мгновение остановившись, и улыбнулся.

— Одного из них ты тоже продинамила. Бедолага небось до сих пор тебя в туалете ждет.

Рита брезгливо скривилась.

— Что за манера в этих клубах всех в туалет тащить?

— Не всех, а только симпатичных, — педантично поправил Марк, окончательно останавливаясь и прислоняясь спиной к турнику напротив качелей. — И это только в дешевых клубах. В дорогих контингент другой: либо номер в ближайшем мотеле снимают, либо просто в машине на парковке, если домой никак не привести, — со знанием дела добавил он.

— Тоже удовольствие ниже среднего.

— Откуда тебе знать? — Марк лукаво прищурился. — Я почти уверен, что такие правильные девочки, как ты, никогда в машине не пробовали.

Рита понимала, что он ее дразнит, однако никак не могла заставить

себя преодолеть смущение и отвечать ему в тон.

— У меня богатое воображение, — пробормотала она.

Марк молчал почти целую минуту, но Рита чувствовала его взгляд на себе. Наверняка снова ее разглядывал. Она надеялась, что он не станет продолжать эту тему дальше.

— А где был твой самый необычный раз? — неожиданно спросил он.

Рита от удивления даже посмотрела на него.

— Что?

— В каком самом необычном месте ты занималась сексом?

— Марк! — Рита задохнулась от возмущения.

— Мне просто интересно, — пожал плечами он.

— Я не буду отвечать на этот вопрос.

— Почему?

Рита промолчала.

— Тебе неловко?

— Нет, но...

— Но что? — не сдавался он.

Она с надеждой посмотрела в сторону парадной Антона, но дверь по-прежнему оставалась неподвижной. Лера не спешила ей на помощь.

— Хочешь знать, где это было у меня? — со смешком спросил Марк, так и не дождавшись ответа.

— Нет.

Конечно же, его это не остановило.

— В банкетном зале Музея классического искусства.

Рита закусила губу и отвернулась. Именно в этом музее проходила его выставка. Скорее всего, он имеет в виду тот же день. Думать о том, что она в этот момент могла находиться в соседнем зале и рассматривать его картины, было отчего-то еще более неловко, чем отвечать на его вопрос.

К счастью, из парадной наконец показалась Лера. Подворачивая ноги на неудобных каблуках, она спешила к ним, таща в руках что-то большое и тяжелое, при ближайшем рассмотрении оказавшееся ноутбуком.

— А ограбила ты его зачем? — рассмеялся Марк, отлипая от турника и торопливо направляясь к Лере, чтобы забрать тяжелый ноутбук.

Рита облегченно выдохнула, радуясь, что прекратился этот разговор, который будил в ней странные чувства и желания.

— Зря смеешься, — ответила Лера, отдавая ему ноутбук и зябко ежась. — Чувак утверждает, что гребень не крал, но пытался его продать через какой-то сайт. И продавца нашел, но тот сомневался, поэтому он дал ему адрес бабки, чтобы тот поехал и лично взглянул. Мол, если понравится,

он потом гребень украдет.

— А тот сам украл и бабку грохнул, — задумчиво закончил за нее Марк. — Похоже на правду.

— Телефон этого покупателя он типа стер, но я подумала, что адрес сайта может быть в ноутбуке, поэтому и прихватила, — кивнула Лера.

— Молодец. А теперь давайте двигать в сторону клуба, я замерз как суслик, хочу в машину и домой. Завтра займемся ноутбуком.

— А разве мы не отдадим его полиции? — непонимающе нахмурилась Рита. — Пусть бы сами искали.

— Ну конечно, найдут они, — фыркнула Лера. — Расколоть внука не смогли даже, дело двух минут.

— Для телепата с кошмаром в голове, — усмехнулся Марк, а затем посмотрел на Риту: — Даже если полиция найдет убийцу, едва ли они отдадут нам гребень, а Поликарповна недвусмысленно намекала, что мы должны отдать его ей. Это хорошо, если полиция вообще станет его искать, а не ограничится только преступником. Убийца в тюрьме, дело закрыто, кому нужна какая-то там старая заколка? Так что придется сначала самим, а потом уж с полицией находками делиться.

Возразить Рите оказалось нечего. Ей не очень нравилась идея выслеживать убийцу самостоятельно, но в словах Марка была логика.

— Слушайте, сигареты ни у кого нет? — перебила ее мысли Лера.

— Я не курю, ты же знаешь, — отозвался Марк.

— Я тоже, — добавила Рита.

— Ну хоть жвачку дайте.

Закинув в рот сразу несколько подушечек, Лера заметно повеселела.

— Никогда не думала, что целоваться с мужиками может быть так противно, — добавила она, когда они уже шли к машине.

Рита снова поймала на себе многозначительный взгляд Марка.

— А я тебе предлагал просто подловить его в какой-нибудь подворотне, — сказал тот, повернувшись к Лере. — Тогда ни с кем целоваться не пришлось бы. Но тебе же захотелось в агента на задании поиграть. Вот и поиграла.

— А какие еще у меня развлечения? — обиженно отозвалась та. — Заперли в этом салоне, мало чем отличается от психушки, и знай себе картинки идиотам показывай. Только и радости на озеро с тобой съездить. Шопинг — и тот по Интернету.

Марк даже остановился, чтобы внимательно посмотреть на нее.

— Почему ты молчала, что тебе это не нравится?

— А что это изменит? Разве кому-то есть до меня дело?

Марк снова смотрел на нее почти целую минуту, прежде чем ответить.
— Мне.

Лера опустила голову вниз, но ничего не сказала. Марк притянул ее в объятия и легонько чмокнул в макушку.

— Давай разберемся со всем этим и придумаем тебе какое-нибудь занятие, хорошо? Чтобы ты не скучала.

Лера кивнула, а Рита предпочла отвернуться. Какие же все-таки разные эти два Марка: тот, который почти в открытую смеялся над влюбленной собачонкой Лерой несколько недель назад, и этот, заботливо обнимающий ее. Который из них настоящий, Рита не знала, но бабуля не зря обмолвилась о том, что он сам в себе запутался.

Укол ревности, пронзивший ее, когда она снова на них посмотрела, оказался довольно осязаемым.

Глава 13

Едва только увидев огромный двухэтажный дом из красного кирпича, Рита поняла, что серьезно влипла.

За несколько дней Марк вдоль и поперек изучил ноутбук Антона и наконец нашел адрес сайта, где тот выкладывал вещи своей бабки. Антон удалил его из закладок, но историю браузера почистить забыл или не догадался. Не удалил и автосохранение пароля, поэтому им удалось получить доступ к его аккаунту. К сожалению, ничего интересного там не было, свой телефон он оставлял нескольким пользователям, и кто именно из них есть тот загадочный убийца Никита, догадаться они не смогли. Тогда-то у Марка и родилась идея поймать его практически на живца: выложить на сайте какую-нибудь вещь, которая может его заинтересовать, и предложить встретиться. Он считал, что призрак покойной Светланы Поликарповны сможет его опознать, а там в дело вступит дознаватель Валерия, уже прекрасно показавшая себя с этой стороны. Им важно было только отыскать гребень, а уж затем можно звонить в полицию.

На первый взгляд план был прост как пряник, а вот на второй начинались трудности. Что такого выставить на продажу, чтобы убийца точно заинтересовался? Если он украл гребень, скорее всего, заинтересуется любым более или менее ценным старинным украшением. Однако Максим Витальевич по телефону сказал им, что гребень пока так нигде и не всплыл, и у полиции есть подозрение, что он был украден на заказ. В таком случае загадочный Никита едва ли будет интересоваться любым украшением. Они решили пока не думать о плохом и попробовать свой вариант. Марк заявил, что ему нужен совет матери, которая, как оказалось, была неплохим искусствоведам, хорошо известным в узких кругах, и позвал с собой Риту. Та, не ожидая подвоха, легкомысленно согласилась.

И вот теперь, глядя на шикарный особняк, она поняла, что Марк сильно привирал насчет своей семьи. Однажды он сказал ей, что не понимает, чего такого отец может оставить ему в наследство, чтобы он боялся это потерять. Теперь Рита видела, что наследство в этой семье могло быть очень и очень неплохим. Радовало ее только одно: бабуля, узнав, что она идет на ужин с семьей Марка, настояла на том, чтобы Рита надела свое самое лучшее платье и те сережки с изумрудами, которые хранились у них в шкатулке. По мнению Веры Никифоровны, они выгодно подчеркивали ее

серо-зеленые глаза. Рите казалось, что бабуля придумала себе какую-то свою историю развития отношений внучки и странного медиума.

— Имей в виду, интерес к тебе будет сильным, — предупредил Марк, когда Рита медленно въезжала во двор. — Я им сказал, что ты моя девушка.

От гневного взгляда, способного прожечь дыру, его спасло только то, что она как раз парковалась рядом с огромным дорогим Лексусом и страшно боялась его задеть.

— Очень вовремя предупредил, спасибо, — едко отозвалась Рита.

— А что я должен был им сказать? Эти пятничные ужины у нас многолетняя традиция. Собирается вся семья, но я ни разу не приходил с девушкой. Они бы в любом случае так подумали.

— И до аварии тоже? — не сдержала любопытства Рита. — Ты же говорил, что у тебя была девушка.

— Там был другой случай, — как-то странно усмехнулся Марк. — Пойдем.

Рита заглушила двигатель и медленно вышла из машины, больше всего на свете мечтая вернуться обратно и дать деру. Хорошо еще, что они на самом деле не пара, и даже если она произведет плохое впечатление, ей это ничем не грозит. Кроме растоптанного самолюбия, конечно. Одной из причин ее неумения отказывать людям было как раз болезненное желание нравиться всем, даже незнакомцам, и полное неприятие критики.

— Надо было тебе все же позвать Леру, — сокрушенно покачала головой она, уже взяв Марка под руку и медленно шагая с ним в сторону входа.

— Смеешься? — Марк искоса посмотрел на нее. — Лера уж точно не тот вариант, который стоит знакомить с родителями.

То, что выбор был сделан в ее пользу, Риту ни капли не успокоило. Она вдруг подумала, что даже не знает, о чем именно Марк хотел посоветоваться с мамой. Ей так нравилось его общество, что она была согласна на любые авантюры. Пожалуй, стоило быть осторожнее с такими вещами.

Однако ничего спросить она уже не успела, потому что входная дверь наконец распахнулась, и на пороге показался высокий плотный мужчина лет шестидесяти с копной уже начавших сесть светлых волос и прозрачно-серыми глазами. Не нужно было обладать особенной наблюдательностью, чтобы заметить, как сильно Марк на него похож. Только цвет глаз разный. Наверное, его отец. Даже в простых темно-синих джинсах и клетчатой рубашке он казался успешным и уверенным в себе. Рита могла представить, как он выглядит в дорогом костюме. Мгновенно засосало под

ложечкой, и желание удрать усилилось.

— Пап, знакомься, это Рита, — как ни в чем не бывало заявил Марк после приветственного рукопожатия.

— Гедеон Александрович, — представился отец Марка, протягивая руку и ей.

— Маргарита, — пискнула Рита, замечая, как дрожит собственная рука. К ее стыду, заметил это и Гедеон Александрович.

— Не волнуйтесь, вас никто не покусает, — добродушно рассмеялся он, но взгляд при этом остался таким холодно-изучающим, что Рита не купилась на эту показную доброту. — Марк никогда в жизни никого не приводил на семейные ужины, так что мы вас уже заранее любим.

Из небольшой прихожей они прошли в огромную, стильно обставленную светлую гостиную с большими окнами от самого пола. Здесь не было ничего кричаще-богатого, но при этом Рита сразу поняла, что обстановка одной только гостиной стоит больше, чем вся их с бабушкой квартира.

В гостиной находились три человека. Высокий светловолосый мужчина чуть старше Марка в дорогом костюме и при галстук сидел на диване из светлой кожи и держал в руках смартфон. Рита догадалась, что это его старший брат Франц. В отличие от отца, он даже на семейный ужин пришел при параде. Не хватало только кейса в руках для образа успешного адвоката, коим он и был, по рассказу Марка. Такой же цепкий взгляд, как и у старшего Вебера, которому он даже не пытался придать добродушия. Впрочем, он вообще скользнул взглядом по Рите как по пустому месту и лишь коротко кивнул, когда Марк ее представил.

Рядом с ним сидела невероятной красоты женщина. Темно-каштановые волосы волнами падали ей на плечи, открывая высокий чистый лоб без единой морщинки. Широко распахнутые черные глаза казались одновременно удивленными и испуганными, нос с едва заметной горбинкой выдавал в ней присутствие армянской крови.

Вторая женщина была полной противоположностью. Маленькая, худенькая, светловолосая, она казалась настолько прозрачно-тонкой, что походила на фею. Впечатление еще больше усиливалось светлой одеждой, забранными в тугий пучок на затылке волосами и полным отсутствием косметики на лице. Рядом с ней Рита неожиданно почувствовала себя огромным неповоротливым слоном.

— Моя сестра Аня, — Марк указал на фею-блондинку, — и жена моего братца — Белль.

Рита вежливо улыбнулась, а лица и Франца, и его жены как по команде

исказились злобой, как будто Марк сказал что-то неприемлемое. Марк тем временем плюхнулся на диван рядом с Анной и потянул за руку Риту. Та села следом, чувствуя, как спина сама собой держится прямее, чем обычно, а сердце гулко бьется в висках.

— Маргарита, расскажите нам о себе, — со змеиной улыбкой попросила женщина со странным именем Белль. — Как давно вы знакомы с Марком?

— Восемь лет, — ответил тот прежде, чем Рита и рот успела открыть.

— Восемь лет? — удивилась Белль, и улыбка медленно сползла с ее лица.

— Рита — тот врач, который спас меня после аварии, — как ни в чем не бывало продолжил Марк.

— Так значит, вы врач?

— Я же так и сказал.

Впечатление у Риты складывалось странное. Белль как будто намеренно задавала вопросы, глядя исключительно на нее, и Марк так же намеренно отвечал первым. Словно между ними когда-то пробежала большая и толстая черная кошка. Впрочем, Рита быстро убедилась, что несчастное животное никак не могло выбраться из дома и навернуло несколько кругов между остальными членами семьи.

— Значит, вы в курсе, чем занимается мой младший брат? — с заметной насмешкой в голосе поинтересовался Франц, отрываясь от смартфона.

— Рита прекрасно знает, что я медиум, — в тон ему ответил Марк.

Рита наконец не выдержала, положила руку поверх ладони Марка, чуть наклонилась к нему и улыбнулась.

— Милый, может быть, ты позволишь мне отвечать самой? Я ведь не немая.

Она уже поняла, что все семейные ужины в этом доме проходят по такому сценарию. Марк активно провоцирует семейку, те с удовольствием ведутся на его провокации, позволяют ему дерзить, а затем радостно ругаются. Сегодня она была намерена этого не допустить. Откуда в ней это желание, Рита не знала, но оно оказалось крайне сильным.

Марк, если и удивился ее инициативе, то виду не подал. На лице Франца проскользнуло что-то вроде восхищения, зато Белль злобно оскалилась. Анна же вела себя так, словно ее все это не касалось. Наверное, девушка давно привыкла к таким семейным посиделкам и предпочитала уходить в себя, а не участвовать в змеиных боях.

— И вас это не смущает? — спросил Франц.

Марк многозначительно кивнул ей: мол, хотела — отвечай.

— Почему меня должно это смущать? — поинтересовалась в свою очередь Рита.

Франц усмехнулся.

— Довольно необычное занятие. Тем более для взрослого мужчины.

— Это гендерные предрассудки, — спокойно парировала Рита. — То есть, по-вашему, заниматься чем-то подобным молоденькой девушке более обычно?

— Желание молоденькой девушки запудрить мозги суеверному народу мне более понятно.

— Ему просто больше нравится брат шизофреник, чем брат медиум, — фыркнул Марк.

— От этого хотя бы есть лекарство, — язвительно отозвался Франц.

— А еще шизофреника проще упрятать в психушку, чтобы он не портил семейные ужины.

— Иногда мне даже жаль, что ты оттуда вышел.

Дальнейший спор был безжалостно прерван появившейся в гостиной хозяйкой дома. Увидев ее, Рита сразу поняла, от кого Марку достались карие глаза при общей светлой внешности. Елизавета Дмитриевна Вебер, в отличие от своего мужа и детей, была брюнеткой с темными глазами и смуглой кожей. И в отличие от них же, при знакомстве с Маргаритой проявила неподдельное добродушие, как будто действительно обрадовалась, что младший сын наконец привел в дом хоть кого-нибудь. Она не походила на настоящую домохозяйку, и тем не менее поверх темно-бордового платья изысканного кроя был надет обычный кухонный передник, перепачканный каким-то соусом.

— Проходите в столовую, Галина уже накрывает на стол, — велела она, закончив с процедурой знакомства.

Франц и Белль первыми вышли из комнаты, за ними потянулась так и не произнесшая ни слова Анна.

— Мы сейчас, — улыбнулся матери Марк, придерживая Риту за руку.

— Не задерживайтесь, — строго сказала Елизавета Дмитриевна, выходя из гостиной.

Подождав, пока в коридоре стихнут ее шаги, Марк наклонился к Рите и шепотом произнес:

— У меня есть план.

— Какой план? — неподдельно удивилась та.

— Что и как нам выставить на сайт, чтобы привлечь убийцу.

Теперь Рита непонимающе нахмурилась.

— План пришел тебе в голову только что?

— Он пришел мне в голову давно, но если бы я сказал тебе о нем заранее, ты бы в жизни не согласилась прийти на этот ужин.

— То есть тебе не нужен совет матери? — мрачно уточнила Рита, хотя уже догадалась, что это так. Как она и опасалась, Марк опять пытался втянуть ее в какое-то сомнительное мероприятие. Причем заранее зная, что она не согласится, иначе рассказал бы сразу.

— Ну конечно нет, — подтвердил ее догадку он. — Что я должен был, по-твоему, у нее спросить? Мама, какую бы такую хрень выставить на сайте, чтобы заинтересовать убийцу, о котором мне рассказал призрак старушки?

Марк уставился на нее, как будто действительно ждал ответа. Рита молчала, понимая, во-первых, что на самом деле думала именно так, и во-вторых, насколько это глупо.

— И в чем же твой план? — наконец спросила она.

Марк выпрямился и удовлетворенно улыбнулся.

— У моих родителей есть небольшое серебряное ожерелье. Очень старое. По семейной легенде, осталось как раз от той самой прабабки-фрейлины. Уж им-то наш убийца наверняка заинтересуется, если покусился на гребень.

— Ты хочешь его взять? — догадалась Рита.

— Нет, я хочу, чтобы ты его взяла.

— С ума сошел? — Рита даже отшатнулась от него. Едва ли речь шла о том, чтобы взять ожерелье с разрешения родителей. Она уже неплохо успела узнать его, чтобы понять, что он говорит об обычном воровстве. И одно дело, когда он крадет какую-то ничего не значащую игрушку Павла, другое — она дорогое украшение.

— Я все продумал, — улыбнулся Марк, еще больше понизив голос. — За ужином ты прольешь на себя сок. Мама наверняка отведет тебя застирать пятно в ванную на втором этаже, поскольку на первом санузел маленький и неудобный. Ты останешься одна, зайдешь в спальню — она напротив ванной — и возьмешь ожерелье. Оно лежит в шкафу в третьем ящичке снизу в синей коробке. Коробку не трогай, а ожерелье положи к себе в сумку. Если сока прольешь много, мама наверняка даст тебе какую-нибудь другую одежду, тогда ожерелье вообще сможешь завернуть в платье, и сумку брать с собой не придется.

— Ты больной? — выдохнула Рита, глядя на него почему-то испуганно. — Я не хочу, чтобы меня считали воровкой.

— Да никто на тебя не подумает.

— Ну конечно! В доме был посторонний человек, пропало дорогое украшение, а подумают на кого-то из своих.

— Да нет, не в этом дело. Если коробка останется лежать на месте, никто и не узнает, что ожерелья там нет. Родители не имеют привычки туда заглядывать. Мама надевает его только на Новый год, когда собирается вся семья с тетями и дядями, троюродными братьями и внучатыми племянниками. А к тому времени мы уже вернем его.

— Что ж ты сам его не возьмешь, если все так просто?

— Это тебе просто, а я как в родительскую спальню попаду? Все давно привыкли, что я никогда не остаюсь ночевать, а во время ужина по дому бродить странно. Да и потом, — Марк взял в руки трость и посмотрел на Риту, — ее стук сложно не услышать, а без нее я далеко и быстро не уйду.

Рита посмотрела на трость, затем на Марка, и внутри шевельнулось что-то вроде сочувствия, однако соглашаться на подобную авантюру она все равно не собиралась. Если что-то пойдет не так, Веберы, чего доброго, вызовут полицию, и что тогда с ней будет? Только репутации воровки ей и не хватало.

— Тебе не кажется, что для подобной операции стоило все же взять Леру, а не меня? Даже проливать ничего не пришлось бы. Пара иллюзий — и дело в шляпе.

— Во-первых, я тебе уже говорил: Лера не тот кандидат, кого стоит знакомить с родителями. Я и так у них не на лучшем счету, а если еще и с такой подружкой... А во-вторых, хотя это я тебе уже тоже говорил, мне просто нравится твое общество.

— В данный момент мне это совершенно не льстит.

— Да ладно тебе, Рита, не упрямясь, — продолжал уговаривать Марк. — Куда подевался твой авантюризм?

— Кто тебе сказал, что он вообще у меня был? — мрачно хмыкнула она.

— А разве иначе ты связалась бы со мной?

— У вас все хорошо?

Марк и Рита подпрыгнули от неожиданности и вместе обернулись. За жарким спором никто из них не заметил, как на пороге гостиной появилась Елизавета Дмитриевна. Оставалось надеяться, что она стоит здесь недолго и не слышала всего, о чем они говорили.

— Все прекрасно, мам, — кивнул Марк, поднимаясь с дивана и протягивая руку Рите. — Мы уже идем.

Елизавета Дмитриевна кивнула и скрылась в коридоре.

— И не уговаривай, — предупредила Рита прежде, чем Марк успел снова открыть рот.

Ужин, вопреки мрачным ожиданиям Риты, проходил в довольно непринужденной обстановке. Франц больше не цеплялся к младшему брату, тот не провоцировал его на грубости, и вообще беседой умело заправляла Елизавета Дмитриевна.

Кроме тех, с кем Рита уже успела познакомиться, за столом еще присутствовал светловолосый мальчик лет шести — сын Франца и Белль, а помогала с ужином домработница Галина. Саму Белль, как вскоре выяснилось, звали Ирина. Почему Марк называет ее Белль и почему ее это злит, Рита спрашивать постеснялась, решив, что выяснит это позже, когда они останутся вдвоем. Мальчика звали Александр, но, как и стоило ожидать, в семье Веберов его сокращали до немецкого Алекса, а не обычного русского Саши.

Сначала разговор крутился исключительно вокруг Риты. Елизавета Дмитриевна хотела знать всю подноготную «будущей невестки», а потому ей пришлось много рассказывать о себе. Постепенно в беседу включились и остальные члены семьи, только Анна продолжала сидеть в углу стола, уныло жуя листик рукколы. Даже когда подали горячее, она не проявила интереса ни к чему, кроме травы и воды без газа.

— Анна, вы жаркое даже не попробуете? — огорчилась Галина, терпеливо дожидаясь, пока каждый положит себе порцию из большого глиняного котелка.

— Оставьте ее, Галочка, — велела Елизавета Дмитриевна. — У нашей Анны завтра спектакль, ей нельзя много есть.

— А если она не съест нормальный кусок мяса, то упадет в голодный обморок прямо во время спектакля, — неожиданно вмешался Марк, который до этого тоже предпочитал по большей части молчать.

Анна бросила на него взгляд, показавшийся Рите очень странным: в нем причудливым образом перемешались благодарность и раздражение.

— Наша Анна — балерина, — с заметной гордостью пояснила Елизавета Дмитриевна, видя заинтересованный Ритин взгляд.

— А могла бы стать талантливым математиком, — хмыкнул Марк, наливая себе второй бокал вина. — Только в нашей семье девочки должны заниматься искусством, даже если им нравится математика и уже в четыре года они умеют складывать двухзначные числа. Поэтому наша Анна давится травой, чтобы завтра станцевать седьмого лебедя у пруда.

— Марк, — попыталась осадить его Елизавета Дмитриевна. — Веди

себя прилично хотя бы при гостях.

— Это не гости, это Рита, — ничуть не смутился тот, — и она имеет право знать, на что хочет подписаться. — Он повернулся к Рите, которая больше всего на свете желала провалиться под землю и не участвовать больше в семейном ужине. — А мальчики, носящие гордую фамилию Вебер, должны заниматься юриспруденцией, как мой отец и брат, иметь частную практику и зарабатывать много денег. Нам с Аней не повезло родиться с противоположными талантами. Только вот у меня хватило силы воли отстоять свое право на искусство, а Аня сдалась.

Рита почувствовала, как медленно краснеют щеки, а сердце наливается жалостью к несчастной балерине. Теперь стала понятной и ее болезненная худоба, и бледный вид. И уж совсем вишенкой на торте Рита испытала непонятный стыд за свою полную тарелку жаркого из ароматной свинины.

— И где же твое искусство? — насмешливо поинтересовался Франц, пристально глядя на Марка. — Где картины? Где выставки? Стал бы адвокатом, мог бы и с тростью ходить в суды.

— Я и рисовать с ней могу, — пожал плечами Марк, беря в руки трость, которая стояла рядом. — Ты же не думаешь, что я из-за нее бросил живопись? — Он с такой же насмешливой ухмылкой посмотрел на брата.

Тот заметно стиснул челюсти, а его жена покраснела и опустила глаза, как будто была лично виновата в том, что Марк больше не пишет картины.

— Марк, пожалуйста, не порти ужин, — абсолютно спокойным тоном попросил его отец, большую часть ужина предпочитавший молча наблюдать за всем происходящим.

И неожиданно Марк решил послушаться. Он лишь едва заметно пожал плечами, как будто выступал исключительно в защиту Анны, повернулся в сторону, чтобы поставить на место трость, и — нечаянно, как могло показаться всем остальным, но специально, как была уверена Рита — задел ею бокал с вином. Тот изящно опрокинулся на бок и выплеснул содержимое аккуратно Рите на платье.

Она подскочила со стула, беспомощно глядя на то, как по светло-серому подолу стекают вниз красные струйки вина, и едва сдерживая слезы негодования. Нестерпимо захотелось выхватить у Марка трость и от души треснуть ему ею по спине.

— Ох, прости, — удивительно натурально воскликнул Марк, схватив со стола белоснежное полотенце и пытаясь вытереть им вино. — Кажется, мне придется купить тебе новое платье? — Он невинно улыбнулся, и Рита только скрипнула зубами от бешенства.

— Ничего страшного, сейчас мы все исправим, — засуетилась

Елизавета Дмитриевна. — Пойдемте, Маргарита.

Рита вышла вслед за ней из столовой, напоследок пообещав Марку взглядом страшную смерть в мучениях. Как он и говорил, Елизавета Дмитриевна повела ее в ванную на втором этаже.

— Здесь больше места, сможете нормально все застирать, — пояснила она, включая свет и пропуская Риту внутрь, но, увидев огромное пятно на платье, только вздохнула. — Боюсь, милочка, платье испорчено, и вам на самом деле придется заставить Марка купить новое. Давайте я дам вам что-нибудь надеть, не сидеть же в мокром, — снова, как и предсказывал Марк, предложила она. — У Ирины похожий размер, наверняка вам что-нибудь подойдет.

Рита заложила длинную прядь распущенных по случаю торжественного ужина волос за ухо, чтобы не мешалась перед глазами, и наклонилась чуть ниже, рассматривая пятно. Елизавета Дмитриевна была права: его уже не отстирать.

— Какие у вас красивые сережки, — не удержалась от восхищенного возгласа та.

Рита от удивления выпрямилась, забыв про пятно, и посмотрела на нее.

— Правда?

Мама Марка подошла ближе, с интересом разглядывая украшения в ее ушах.

— Правда. Кажется, старое серебро, настоящие изумруды. Вы позволите?

Рита сняла одну сережку и протянула ей.

— И в самом деле, она очень старая, — как будто самой себе говорила Елизавета Дмитриевна, крутя ее в руках. — Кажется, я даже знаю, кто был их первой хозяйкой.

— И кто же? — спросила Рита, до этого дня считавшая, что сережки, конечно, красивы, но вовсе не настолько уникальны, чтобы знать их первую хозяйку.

— Анастасия Филимонова, жена одного из самых богатых купцов Петербурга в начале девятнадцатого века. Она происходила из мелкой дворянской семьи, которая к тому времени почти разорилась. Даже фамилия ее не сохранилась. Анастасия была хороша собой, но характером обладала высокомерным и потребовала у будущего мужа украшения, достойные самой императрицы. Мол, только тогда даст свое согласие на брак. Вот купец и заказал для невесты комплект: сережки, колъе и кольцо с изумрудами. Колъе и кольцо, между прочим, хранятся в Русском музее. Вы

никогда разве их не видели?

Рита ошарашенно помотала головой.

— А сережки считались безвозвратно утерянными, — продолжила Елизавета Дмитриевна, с восхищением рассматривая украшение у себя на ладони. — И вот они, оказывается, у вас. Видите, — она поднесла ладонь ближе к Рите, — если положить их, серебряные нити складываются в букву А. Анастасия. — Она вернула сережку Рите. — Так что храните их, как зеницу ока. Это настоящее сокровище. Я сейчас принесу вам платье.

Рита зажала сережку в кулаке, разглядывая свое отражение в большом зеркале, и даже не заметила, как Елизавета Дмитриевна вышла из ванной. Сережки, которые являются комплектом к хранимым в Русском музее вещам! Что может быть лучше для привлечения убийцы, собирающего антикварные украшения? И не нужно им никакое ожерелье из спальни Веберов. Только платье зря испортили.

Оставшееся время семейного ужина Марк досиживал с видом настоящего великомученика. Пить больше двух бокалов вина он не стал, чтобы не нарываться на нравоучения по поводу маячившего перед ним алкоголизма, а на почти трезвую голову выносить свою семейку он в последние годы не мог. Все чаще бесила даже мямля Аня, хотя раньше он жалел слабохарактерную младшую сестренку. Но одно дело не уметь дать отпор родителям в десять лет, другое — в двадцать пять.

Рита — и та дулась за испорченное платье, но на это ему было плевать. Если она взяла из шкафа ожерелье, все остальное он стерпит. Наконец чай был выпит, десерт съеден, а Алекс начал клевать носом прямо за столом, поэтому Франц и Белль засобирались домой. Под шумок Марк тоже решил уехать.

— Ну что, ты взяла? — нетерпеливо спросил он, едва только Рита выехала за ворота родительского особняка.

— Нет, — коротко ответила она, глядя на дорогу.

— Блин, Рита! — Марк стукнул кулаком по панели. — Какого черта?

— Потому что у меня есть идея получше, — она улыбнулась уголком губ и, дождавшись его заинтересованного взгляда, продолжила: — Твоя мама увидела мои сережки, и выяснилось, что они принадлежали жене какого-то там богатого купца из девятнадцатого века. Остальная часть от набора хранится, между прочим, в Русском музее.

Марк удивленно приподнял брови, наклонился к ней ближе и отодвинул рукой ее волосы, чтобы разглядеть сережку. Он намеренно скользнул кончиками пальцев по шее чуть ниже мочки уха и почти

физически почувствовал, как ее кожа покрылась тысячами мелких мурашек.

— Действительно, красиво, — согласился он, надеясь, что ее кожи коснулось и его дыхание, а не только пальцы. — Откуда они у тебя?

— Это бабушкины, — отозвалась Рита, и голос ее при этом прозвучал слишком напряженно, как будто только огромным усилием воли она заставляла себя смотреть на дорогу и не оборачиваться. Марк не сдержал довольной улыбки.

— Что ж, — он вернул волосы на место и снова выпрямился, заметив, как она едва слышно выдохнула, — пожалуй, это действительно лучше, чем брать без спроса ожерелье. Тогда завтра встречаемся в салоне, обсудим, что делать дальше. Ты же не работаешь в выходные?

— В эти — нет. Только в воскресенье вечером ухожу на ночное.

— Вот и отлично.

Дальнейшая дорога прошла в молчании, Марк только иногда подсказывал Рите, куда свернуть и где можно сократить путь. Дом его родителей находился в пригороде неподалеку от его дома, поэтому доехали они быстро.

— Возьми машину, — предложил он. — Завтра тебе все равно к нам ехать, вот и вернешь.

— Нет уж, спасибо, — покачала головой Рита, выбираясь из салона в неожиданную, но приятную теплоту летней ночи. — Думай, где ее припарковать, переживай всю ночь. На метро доберусь. — Она щелкнула брелоком и вернула ему ключи.

— Интересно, на каком, — хмыкнул Марк. — Половина первого ночи, метро уже закрыто. А если еще нет, то от меня до ближайшей станции идти минимум полчаса, оно точно закроется.

Рита взглянула на часы и нахмурилась.

— Давай я хотя бы вызову тебе такси, — снова предложил Марк.

— Я сама вызову.

— Ох уж эти самостоятельные женщины, — он страдальчески закатил глаза, вытаскивая из кармана мобильный телефон. — Позволь мне хоть как-то за тобой поухаживать.

От него не укрылась ее улыбка, которую она попыталась спрятать, отвернувшись в другую сторону. Оператор пообещал, что машина будет в течение ближайших пятнадцати минут.

— Как насчет немного прогуляться? — спросил он, сбросив вызов. — Ночь, конечно, теплая, но сидеть на лавочке все равно будет прохладно, а в машине — скучно.

— А ты сможешь? — Рита кивнула на его трость.

— Не надо делать из меня совсем уж инвалида. Я прекрасно могу погулять с девушкой пятнадцать минут.

Рита снова улыбнулась и огляделась по сторонам, словно выбирая, в какую бы сторону пойти.

— Тогда давай.

Марк галантно предложил ей локоть и повел за дом, где находился небольшой сквер. Окна его квартиры как раз выходили на него, но за все двенадцать лет, что жил здесь, он ни разу там не гулял. Ходил куда угодно, порой ездил за красивыми пейзажами далеко за город, но в сквере почему-то не гулял.

— Марк, а почему твоего брата и его жену так раздражает, когда ты называешь ее Белль? — спросила Рита, когда они уже дошли до темных деревьев, подсвеченных изнутри запутавшимися в кронах фонарями. — И почему, собственно, ты ее так называешь?

Марк усмехнулся, ответив не сразу. В любой другой день он вообще не ответил бы, но то ли необычно приятная обстановка, то ли два бокала вина повлияли на него странным образом и развязали язык.

— Я ее так называю, потому что когда-то считал самой красивой женщиной в мире. Франц и она сама бесятся именно поэтому. — Видя непонимающий Ритин взгляд, он добавил: — Помнишь, я как-то говорил тебе, что на момент аварии у меня была девушка, которая в итоге со мной не осталась?

— Это была Белль? — Рита подняла голову и посмотрела на него, хотя до этого предпочитала разглядывать исключительно дорожку перед собой.

Марк кивнул.

— И что, она после этого вышла замуж за твоего брата?

— Нет, почему же? Она вышла за него замуж до этого.

Марк даже не думал, что получит такое удовольствие, наблюдая за ее реакцией, за тем, как постепенно она начинает понимать смысл его слов. Это походило на ковыряние больного зуба, когда от каждого прикосновения он болит все сильнее, но прекратить трогать его языком невозможно. Марк ждал от нее и каких-то слов, но она молчала.

— Так что, можно сказать, я был любовником жены собственного брата, — продолжил он, не желая закрывать тему, раз уж впервые за столько лет он заговорил об этом. — Стыдно ли мне за это? Ни капли. Жалею ли я? Едва ли. Мне жаль, что она меня бросила, это да. Но о том, что было, я точно не жалею. Она была моей музой, моим вдохновением. Все самое лучшее я написал в те годы, что мы были вместе. Все мои

картины, выставка — все было ради нее. И это именно о ней я говорил, когда упоминал банкетный зал Музея классического искусства. Франц прийти не соизволил.

— И поэтому ты бросил живопись после аварии? — спросила Рита. Она снова смотрела на дорожку, избегая встречаться с ним взглядом. Жалеет его? Зря. Впрочем, чего еще от нее ожидать? Правильная сочувствующая Маргарита.

Марк почему-то испытал глухое раздражение.

— Я больше не видел в этом смысла.

— А Алекс? Ему ведь семь. Он чей сын?

— Не мой.

— Ты уверен?

— Да. Ни я, ни Белль, ни Франц не хотим, чтобы он был моим.

— Позиция страусов.

— Со стороны, конечно, виднее.

Рита внезапно остановилась и отняла руку, засунув обе в карманы накинутаго поверх платья Белль свитера.

— Все это очень глупо, Марк.

— Что именно? — Он вопросительно приподнял брови, тоже остановившись и посмотрев на нее.

— То, что ты творишь со своей жизнью.

— И что же, по-твоему, я с ней творю? — Разговор окончательно перестал приносить удовольствие, но остановиться Марк уже не мог.

— Методично ее портишь. И себе, и всем окружающим. Променял профессию художника на сомнительные занятия магией, не занимаешься своей ногой, постоянно напоминаешь брату и его жене о том, что было. Зачем? Чтобы всем вокруг было плохо, потому что плохо тебе? Белль тебя не бросала, она никогда твоей не была. Она исправила свою ошибку, муж ее простил, а ты всячески им обоим об этом напоминаешь. Хочешь, чтобы она к тебе вернулась? Нет. Ты хочешь, чтобы ей было плохо. И ему тоже. Не общаться с тобой они не могут, потому что ты их семья. Но тебе и этого мало. Ты наказываешь и родителей тоже. У них был сын — талантливый художник, а теперь сомнительный медиум-инвалид. Пусть им будет плохо. Хотя хуже всего ты делаешь себе. А мог бы просто напрячься и стать прежним Марком.

— Прежнего Марка нет, — перебил он, едва сдерживая ярость. — Он погиб восемь лет назад. Там, в той машине. Ты вернула уже другого.

— Нет, — Рита покачала головой, глядя на него не то с упрямством, не то с жалостью, и он не знал, что бесило его больше. — Нет, он не погиб. Он

все еще здесь. Просто таким образом справляется со своей обидой.

— Ты его придумала, — снова перебил он. — Придумала себе образ и влюбилась в него. А теперь жалко с ним расставаться, да?

Рита сделала шаг назад, теперь уже точно глядя на него с испугом. Значит, попал в цель. Влюбилась, дурочка, как он и думал.

Марк рассмеялся.

— Ну уж прости, что не оправдал ожиданий. Мерзкую свинью, которая хамит близким, разговаривает с призраками и никогда не сможет нормально ходить, никто не любит. И тебе не нужно.

Он вдруг почувствовал смертельную усталость. Хотелось лечь прямо здесь, уснуть и больше никогда не просыпаться. Как раз в этот момент в кармане коротко пиликнул телефон, возвещая, что приехало такси.

— Езжай домой, Рита, — устало сказал он. — И забудь обо мне. Никто не причинит тебе вреда, я солгал, чтобы ты мне помогла. Как и в прошлый раз. Я вовсе не тот, в кого нужно влюбляться. Особенно таким, как ты.

Он развернулся и с максимально возможной скоростью направился к дому. Нужно было побыстрее оказаться в своей квартире, закрыться на все замки и вытащить из шкафа бутылку виски. Марк точно помнил, что она там есть.

Слова Риты задели его. Наверное, потому что она сказала правду. Он действительно сознательно причинял всем этим людям боль, надеясь заглушить ею свою обиду за то, как все сложилось. Разрушенные планы на жизнь, преданную любовь. Можно было побороться и за то, и за другое, но он выбрал путь легче. Можно было продолжать писать картины, ведь первое время его помнили, его судьбой интересовались. Можно было стать одним из тех героев, кто вернулся к полноценной жизни после страшной аварии, о которых так любят писать газеты. Можно было ходить на физиопроцедуры, массажи, тренироваться, ездить в санатории, как советовали врачи, и, возможно, к этому времени уже ходить без трости. Можно было даже любовь новую найти. Пусть не с Белль, Белль выбрала не его, придя к нему в больницу и сказав, что беременна и между ними все кончено. Но ведь вокруг так много хороших девушек.

Можно было очень многое. Он никогда не пасовал перед трудностями, в каком-то роде наслаждаясь их преодолением, но, проснувшись на больничной койке и осознав, что остался один и уже никогда ничего не будет так, как прежде, он сдался. И теперь уже поздно что-то менять.

Рита сказала ему все то, что несколько лет твердил внутренний голос. Только его, как и все остальные чужеродные голоса в своей голове, Марк давно научился глушить. И сейчас ему был нужен его виски.

Глава 14

Первым проснулось обоняние и сразу же уловило аромат дрожжевого теста и жареного мяса с луком. Это было настолько необычно, что Марк несколько секунд специально принюхивался, еще не открывая глаза. Воображение его не обмануло: в квартире действительно пахло именно так.

Следом проснулся слух, и он сразу услышал осторожные шаги, приглушенные голоса и женский смех. Он наконец рискнул приоткрыть один глаз, с удивлением обнаружив сидящих за барной стойкой Риту и Леру, которые, кажется, пили чай и о чем-то болтали, стараясь разговаривать потише. Видимо, чтобы не разбудить его.

Его квартира представляла собой огромную студию под самой крышей старого шестиэтажного дома. Одна из стен была скошенной, наподобие мансарды, и состояла сплошь из небольших стекол в деревянной оправе, складывающихся в одно огромное окно от пола до потолка. Впервые увидев эту квартиру много лет назад, Марк мгновенно влюбился в нее. Двенадцать лет она была ему домом и студией одновременно, но еще никогда ему так не мешал солнечный свет, заливающий ее через огромное окно. Обычно он закрывал на ночь светонепроницаемые жалюзи, но разговор с Ритой накануне отчего-то так сильно выбил его из колеи, что он забыл это сделать, приканчивая бутылку виски. За что теперь и расплачивался. Солнечный свет только усиливал и без того неслабую головную боль.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, и голос прозвучал натужно и хрипло. Во рту было сухо, как Сахаре, да и само горло походило на растрескавшуюся иссохшую землю пустыни.

Девушки разом обернулись. На лице Риты появилось озабоченное выражение, зато Лера расплылась в насмешливой ухмылке.

— Проснулся, наконец, — резюмировала она. — Ну ты и срач развел, мы с Ритой несколько часов убивались.

Марк осторожно сел, прислушиваясь к ощущениям, и осмотрелся по сторонам. Квартира и в самом деле выглядела необычно чистой. Конечно, «срача», как выразилась Лера, у него никогда не было, мусор он выносил регулярно, мыл за собой посуду и иногда даже включал пылесос, но вот творческий беспорядок вкупе с редко протираемой пылью присутствовал всегда. Особенно в те дни, когда он все же брал в руки кисти.

Он больше не писал ничего, что ему самому нравилось бы, не

добивался выставок, не покупал дорогих холстов и красок, но желание выплескивать хотя бы на обычную бумагу то, что скопилось внутри, никуда не делось. Чаще всего ему даже лень было вставать для этого с дивана. Рисовал — а теперь он именно рисовал — в обычном альбоме из ближайшего канцелярского магазина, положив его на колени и разложив дешевые краски рядом. А иногда и вовсе не утруждал себя красками, используя для этого обычный карандаш или даже шариковую ручку. То, что выходило из-под его рук последние восемь лет, не было достойно ни материальных вложений, ни морального труда, и чаще всего заканчивало свою жизнь в углу комнаты, будучи скомканным и брошенным мимо урны.

Теперь же квартира сияла чистотой: все вещи были аккуратно разложены по полкам, одежда спрятана в шкаф, мольберты, кисти, краски и прочие вещи, оставшиеся с прошлой жизни, которые он так и не нашел в себе сил выбросить, разместились в углу чуть ли не по росту, создавая впечатление, будто художник-перфекционист, их использующий, вышел на минутку и скоро вернется, чтобы продолжить работу.

А вот с самочувствием все оказалось не так радужно: кроме головной боли и противной сухости во рту, страшно выкручивало колено. Он уснул, даже не разложив диван, что всегда заканчивалось для проклятой ноги очень плохо.

Марк поискал взглядом мобильный телефон, чтобы узнать, который час, но того нигде не было. Судя по углу солнечных лучей, падающих сквозь окно, день уже клонился к вечеру. Это же можно было предположить и по объему уборки, который провернули две незванные гости. А ведь они еще и пирог успели испечь, Марк приметил его на столе на большом блюде. Странно вообще, что они здесь оказались. Запасные ключи от его квартиры хранились в салоне, но Лера никогда не была у него дома, он даже не был уверен, что она знает его адрес, а Рита, по его представлениям, должна была смертельно обидеться на его вчерашние слова и больше никогда не хотеть его видеть.

Марк на всякий случай быстро убедился, что он одет, и даже больше, чем мог рассчитывать. Трость, в отличие от телефона, лежала рядом на полу. Он медленно встал, опираясь на нее и изо всех сил стараясь не упасть, подошел к раковине, налил прямо из-под крана стакан воды и залпом осушил его. Сахара в горле смягчила свой гнев, и он был в состоянии внятно что-то произнести.

— Так что вы здесь делаете? — повторил он, повернувшись к девушкам.

— Сначала убрались, потом испекли пирог, — послушно доложила

Лера. — Это так прикольно! Рита мне доверила делать начинку, попробуй, — она положила на тарелку огромный кусок пирога и подвинула в его сторону.

— Ты не отвечал на звонки целый день, — более обстоятельно ответила Рита, разглядывая его. Конечно, поняла, что его не уборка и пирог интересуют. — Я волновалась за тебя. Приехала в салон, Лера сказала, что ты там не появлялся с пятницы. Вот мы и приехали к тебе.

Марк непонимающе нахмурился, игнорируя пирог.

— Какой сегодня день?

— Пить меньше надо, — ухмыльнулась Лера. — Воскресенье.

Он проспал почти двое суток. И совершенно не помнит субботу. Марк машинально посмотрел на полку, где обычно хранил таблетки, но та оказалась пуста.

— Я их забрала, — спокойно сказала Рита, правильно угадав его взгляд.

Он впервые за последние годы смутился. Эти таблетки у него остались еще со времен «психиатрического» прошлого. Они входили в курс лечения, прекрасно глушили голоса. Конечно же, их нельзя было смешивать с алкоголем и, справедливости ради, он почти никогда этого не делал. Настолько «почти», что это был второй раз в жизни. Потому и выпала из памяти суббота. Марк только надеялся, что успел скомкать то, что рисовал под таблетками. Едва ли там могло получиться что-то симпатичное.

— Тебе стоит сходить в душ и сменить одежду, — продолжила Рита, видя, что он не собирается требовать свою собственность обратно. — Затем наконец поест. А потом нам нужно обсудить наши дальнейшие действия. Мы с Лерой уже кое-что сделали, ты можешь присоединиться, если захочешь.

Марк решил, что ему в самом деле необходимы душ и еда. Внезапно аромат пирога с мясом и луком показался таким соблазнительным, что он был готов многое отдать за его кусок. Все же виски и нейрорептики — не лучшая пища для организма.

— Верните ключи, — потребовал он, медленно волочась в ванную.

К тому моменту, как Марк вернулся из душа, Лера уже так надоела ей болтовней, что Рита была только рада воцарившейся с его появлением напряженной тишине. В свежей одежде, гладко выбритый, с еще влажными волосами, он совсем не походил на того Марка, которого они нашли сегодня утром на диване. Поначалу всего лишь одна пустая бутылка из-под виски, в которой еще на четверть оставалось алкоголя, удивили Риту. Не

мог же он выпасть из жизни почти на двое суток из-за такого количества? Однако найденные на полке нейрорептики расставили все по местам.

— Что это? — спросила она у Леры, которая в тот момент с удивительным энтузиазмом терла шваброй пол, словно это было самое интересное занятие в жизни.

Она взглянула на таблетки только мельком и пожала плечами, как будто увидела простые витаминки.

— Это ему в клинике еще давали.

— Он до сих пор их принимает?

Лера на мгновение задумалась.

— Я видела только один раз, когда его достал Павел, до того, как нам в голову пришла идея позвать тебя. Обычно, чтобы заглушить голоса, ему хватает виски.

Рита снова посмотрела сначала на таблетки в своих руках, затем на мусорный мешок, где лежала пустая бутылка из-под виски. Содержимое она, конечно, вылила в раковину.

— И часто он их глушит?

— Бывает. Они сильно надоедают. Обычно мы с ним при этом ездим на озеро. Там тихо, никого нет. Я создаю какую-нибудь реальность, и мы вместе гуляем там, где ему захочется: то по разным городам, то по горам или пляжам.

Рита нахмурилась, понимая, что ей никогда не превзойти для Марка Леру. Она не умеет создавать реальности и не станет поощрять попытки заглушить голоса алкоголем. Все, что она умеет, это читать нотации и заботиться о здоровье. Но раз уж взяла на себя эту роль, стоит играть ее до конца, поэтому она сунула таблетки в карман и продолжила уборку.

— Итак, что вы там уже сделали? — наконец прервал затянувшуюся паузу Марк, когда Лера поставила перед ним чашку горячего чая и подвинула тарелку с пирогом. Видимо, он не хотел при ней выяснять, почему и зачем Рита решила вернуться после всего, что он наговорил ей в пятницу. Если вообще собирался это делать.

— Мы выставили Риткины сережки на сайте! — с несдержанностью ребенка объявила Лера.

Марк удивленно приподнял брови. Конечно, закинуть приманку для убийцы была его идея, но все же он считал, что перед тем, как приступить к ее реализации, следует подготовиться немного лучше. По крайней мере, продумать весь план действий. Разве что они уже успели продумать его без него.

Словно прочитав его мысли, Рита добавила:

— Мы позвонили участковому из Соснянки. Он обещал тоже приехать на встречу с убийцей. Главное, чтобы Поликарповна его опознала, а дальше уже дело полиции. То есть в данном случае нашего знакомого Максима Витальевича.

— А как же гребень? — Марк нахмурился.

— Он обещал отдать его нам, если все лавры снова достанутся ему. Моя бабушка с удовольствием согласилась сыграть роль владелицы сережек. Сказала, что это гораздо интереснее, чем смотреть детективы по телевизору.

— Так сказать, поймал на живца, — с азартом добавила Лера.

Марку план все еще казался несколько ущербным, хотя он не мог отрицать, что едва ли придумал бы что-то лучше. По крайней мере, участие представителя полиции могло избавить их от потенциальных неприятностей с законом.

— Тебе за бабушку не страшно? — все же спросил он у Риты.

— Поликарповну он убил, потому что она не хотела отдавать гребень, а бабушка будет не против, — ответила та.

— А если его не устроит цена?

— Мы предусмотрели и это. Если мы опознаем убийцу, бабушка скажет, что к сережкам еще есть браслет. Тогда ему не будет резона ее убивать, пока она не привезет браслет. Она, например, скажет, что он в другом месте. И потом, мы же будем в соседней комнате.

— Этот участковый ваш сказал, что постарается вычислить его адрес. Или же на следующую встречу уже придет с группой захвата, — добавила Лера.

Марк видел, что она полна энтузиазма и едва сдерживает эмоции от предстоящего приключения. Это он мог понять, но вот участие во всем этом Риты его удивляло. Впрочем, его удивляло само ее присутствие в его квартире. Он сделал еще один глоток горячего сладкого чая и все же не удержался:

— Зачем тебе это? Я же сказал, что тебе ничего не угрожает. Опять играешь в благотворительность?

— Я никогда ни во что не играю.

— Искренне пытаешься помочь несчастному?

— Марк, не надо, — предупредила Рита, на мгновение забывая, что они не одни.

— Что именно? — насмешливо приподнял бровь тот.

— Не надо снова изображать козла.

— Я никогда ничего не изображаю, — передразнил ее Марк.

Несколько долгих секунд они молчали, разглядывая друг друга и упрямо ожидая, кто первым сдастся.

— Ну что ж, я тебя предупреждал, — наконец произнес Марк, — потом не обижайся.

Лера, для которой их игра была слишком тонкой, чтобы она ее поняла, нетерпеливо смотрела на них.

— У нас там уже сорок три просмотра и одно предложение в личку, — напомнила она, и весь ее вид говорил о том, что ей не терпится начать операцию.

Марк удивленно посмотрел в ее сторону.

— Неси ноутбук, — предложил он.

Просмотров у объявления было уже пятьдесят два. Фотография выглядела действительно красивой, а текст под ней, рассказывающий о том, что сережки — часть коллекции, хранимой в Русском музее, не мог не привлечь охотника за старинными украшениями. Девчонки постарались на славу.

В личных сообщениях действительно лежало письмо от пользователя с ником Nick238. Он интересовался, где и когда может посмотреть украшение, и оставил свой номер телефона для связи. Увидев имя, Марк многозначительно посмотрел на Риту. Та кивнула, дескать, уже тоже об этом подумала. По словам внука Поликарповны, тот человек представился Никитой, да и сама старушка упоминала это имя. Едва ли это было совпадением.

— Позвони ему, договорись о встрече, — предложил Марк. — Скажи, что дома будет только бабушка. Только договорись на такое время, чтобы мы тоже успели добраться до дачи.

Рита кивнула.

— У меня сегодня ночная смена, завтра в девять утра уже освобожусь. На электричке доберусь часа за три, на машине, конечно, будет быстрее.

— Конечно, на машине! — хлопнула в ладоши Лера.

— Ты останешься в салоне, — велел Марк.

Лера мгновенно надулась.

— Почему это?

— Кто-то же должен.

— Но я тоже хочу! Это я придумала позвать бабушку Риты!

— Я считаю, что Лере лучше поехать, — неожиданно вступилась за девушку Рита.

Марк удивленно посмотрел на нее, не ожидая с ее стороны подобного хода.

— Зачем?

— На всякий случай. Если преступник задумает что-то нехорошее, кто будет оказывать ему сопротивление? Старушка, девушка, которая даже спортом не занимается, или инвалид с тростью? Есть, конечно, надежда на участкового, но лично я даже не знаю, полагается ли им оружие. А Лера с помощью своих способностей сможет нас защитить. И потом, разве ты не обещал ей развлечений?

Лера бросилась ей на шею, поцеловав в щеку, как ребенок, которому разрешили пойти на день рождения к другу, несмотря на двойку за контрольную. Марку оставалось только согласиться.

На том конце провода отозвались сразу, как будто абонент сидел с телефоном в руке и ждал звонка.

— Добрый день, это Марго, — сразу же представилась Рита никнеймом, под которым они регистрировались на сайте, — по поводу сережек.

— Добрый вечер, Марго, — отозвался мягкий мужской голос. Рите показалось, что он словно обволакивает ее с ног до головы, укрывая мягким покрывалом. По голосу она бы сказала, что его обладателю около сорока, и он должен пользоваться невероятным успехом у женщин. — Очень рад вашему звонку. Когда я могу посмотреть товар?

Цепкий, с места в карьер.

— Не знаю, — Рита замялась. — Может быть, в выходные?

— Это же еще через неделю, — мужчина рассмеялся, — раньше никак?

— Я работаю, а сережки у бабушки в деревне.

— Так может, она мне их и покажет?

— Ну, в принципе...

— Диктуйте адрес, — в голосе абонента был мягкий, но уверенный напор, заставивший Риту порадоваться тому, что все это лишь спланированная игра. Будь это по-настоящему, она бы радостно отправила убийцу к собственной бабуле и даже не задумалась.

Договорившись о том, что бабушка будет ждать его завтра часа в три после обеда, Рита положила трубку.

— Нужно приехать туда как можно раньше, — заметил Марк, когда она пересказала разговор. — Не удивлюсь, если он не станет дожидаться обеда.

Планы на завтрашний день они строили еще пару часов, предварительно созвонившись по Скайпу с участковым. За окном уже начало темнеть, когда сначала заторопилась Лера, у которой на вечер был

назначен клиент, а потом и Рита, которой еще следовало заскочить домой перед тем, как идти на работу.

— И все же, Рита, почему ты вернулась? — не удержался Марк, когда она уже застегивала замочки на босоножках.

Она молча закончила свое дело и медленно выпрямилась, лишь затем взглянув на него.

— Что конкретно тебя удивляет? — спокойно спросила она. — Я не люблю незаконченных дел.

— Даже когда приходится их иметь с такими типами, как я?

Рита едва заметно улыбнулась, поправила одежду, повесила сумку на плечо и снова посмотрела на него.

— Вижу, ты все же хочешь правду. Ну что ж. Да, ты был прав: я умудрилась проникнуться к тебе какими-то чувствами, — спокойно, как будто речь шла о ком-то постороннем, сказала она. — Не знаю, можно ли это назвать влюбленностью или же это просто очарование новым необычным человеком. Но что-то есть. И я хочу убедиться, что ты на самом деле такая эгоистичная сволочь, какой иногда кажешься, чтобы избавиться от этого чувства.

Марк криво усмехнулся.

— Это действительно похоже на правду.

— Вот все и выяснили. Жду вас завтра в половине десятого возле больницы.

Рита кивнула ему на прощание и вышла из квартиры. Так же спокойно дошла до лифта, и лишь на улице позволила себе наконец выдохнуть. Руки дрожали как от холода, хотя футболка прилипла к спине, а мысли в голове путались. Последний разговор потребовал от нее слишком много сил, чтобы слова звучали ровно, а взгляд был безразличным. Она соврала ему: на самом деле она хотела убедиться в обратном. Потому что это не могло быть правдой.

Клиентка была беспроблемной: затюканная жизнью женщина за сорок. Таких Лера щелкала, как орешки, даже не особенно напрягаясь. Они верили всему, что она показывала, даже если реальность трещала по швам, потому что Лера периодически отвлекалась на свои мысли. Вот и сегодня она то и дело возвращалась мыслями к предстоящему разговору, мало заботясь о том, что там говорит женщине ее «мать».

Разговор предстоял сложный, поскольку она собиралась наконец потребовать каких-то взаимных услуг, а собеседник пугал ее до дрожи в коленках. Она была даже рада, что он отказывается встретиться с ней в

настоящей реальности, требуя, чтобы она создавала искусственную. У нее при этом оставалась призрачная надежда на то, что ситуацию контролирует она. Хотя, конечно, даже ей хватало ума понять, что это не так и что она никогда не посмеет причинить ему вред. Но она, по крайней мере, в любой момент могла сбежать.

Это странное сотрудничество пугало Леру, но предстоящий выигрыш манил получше миллиона долларов.

Проводив клиентку и заперев за ней салон, Лера вернулась в квартиру, уже погруженную в темноту позднего летнего вечера. После окончания белых ночей темнота спускалась на город стремительно, почти без сумерек. Она не стала включать свет, зажгла лишь приготовленные заранее две толстые свечи. Ответной смс с местом назначения пока не было, поэтому она поставила чайник в надежде успеть выпить чая.

Она не знала, зачем Никита, как называл себя мужчина, каждый раз меняет место встречи. Едва ли он боялся каких-то действий с ее стороны, мир в любом случае создавала и контролировала только она. Чудом было уже то, что он умеет проникать в этот мир без ее приглашения и воздействия. Что-то делать в нем он не мог точно.

Лера успела выпить половину чашки чая, листая какой-то журнал и наслаждаясь тем, что в одиночестве она может не носить темные очки, а потому в состоянии рассматривать картинки с новой осенней коллекцией одежды даже при свете двух свечей, когда наконец коротко пикинул телефон.

«Прага, — значилось в смс, — Староместская площадь».

Лера понятия не имела, как выглядит Староместская площадь, хотя и подозревала, что уже воссоздавала ее, просто не знала название. Несколько раз они с Марком были в этом городе, но он никогда не указывал какое-то конкретное место, предоставляя ей возможность переносить их туда, куда она хотела.

Внезапно в Лере разыграло странное чувство. Почему этот Никита смеет ей указывать? В конце концов, это ему нужна ее помощь. Она пока еще ничего не просила. Вот и пусть приходит, куда она захочет.

Лера села на диван, сердито сложила руки на груди и закрыла глаза. Прага так Прага, но место будет то, какое захочет она.

Ей нравилась эта длинная широкая улица с аллеей посередине, модными магазинами и разноцветными невысокими домами, множеством ларьков, на витрине которых лежали жареные колбаски разной толщины, щедро политые горчицей и кетчупом. Каждый раз, оказываясь тут, Лера мечтала когда-нибудь погулять по этой улице по-настоящему,

почувствовать ее запах, запомнить малейшее движение воздуха, чтобы потом создавать в своей голове. К сожалению, пока это оставалось лишь мечтами: улица хоть и походила на интерактивную картинку, но не имела ни аромата, ни вкуса. Как картон.

Лера оглянулась по сторонам, выискивая взглядом темную фигуру, но улица оказалась пуста. Быстро пробежав ее от начала до конца, она так никого и не увидела. В этом мире никого, кроме нее, не было. Подождя для убедительности еще несколько минут, Лера вернулась в квартиру в Апраксином переулке и со вздохом поднялась с дивана. Она не верила, что ее гость не нашел ее. Просто не захотел. Воспитывает. Приучает слушаться. Лера скрипнула зубами от осознания того, что привычно и послушно приучается. Не умеет она по-другому, хоть и пытается оправдать себя тем, что идет на уступки только ради того, чтобы выдвинуть свои условия сотрудничества.

Быстро найдя в Интернете картинки с нужной ей площадью, она вернулась на диван и снова закрыла глаза. Детали рассматривать не стала, она знала это место. Марк как-то показывал ей старинные часы, которые как-то смешно назывались и каждый час разыгрывали перед многочисленными туристами маленькое представление. К сожалению, воспроизводить это представление она не умела, поскольку никогда не видела, поэтому часы в ее мире всего лишь показывали время.

— Я уж думал, не явишься, — раздался насмешливый голос, едва только она очутилась на площади. — Дождь убери.

Лера подняла голову вверх, чувствуя мелкие капли на своем лице. Ощущение было приятным, но и от него пришлось избавиться.

— Зачем звала? — в голосе мужчины сквозило нетерпение, словно Лера оторвала его от какого-то важного дела, и у него совсем не было времени на разговоры с ней. Интересно, чем он занимался, когда пришла ее смс? И как он прячет телефон от *нее*?

— Хотела предупредить кое о чем.

— О чем?

Лера глубоко вдохнула, набираясь смелости, и быстро сказала:

— Только мне нужно кое-что взамен.

На лице мужчины причудливым образом смешались насмешка и удивление, как будто на его глазах маленький котенок зарычал на волкодава.

— И что же тебе нужно? — поинтересовался он, не скрывая презрения.

Лера даже поежилась от сквозившей в его тоне угрозы.

— Мне нужны документы о моих родителях, — сказала она, чувствуя, что даже голос похож на писк того самого котенка. Так требования не выдвигают, но что поделать, если в присутствии этого мужчины она путалась в собственных мыслях от страха.

— И где же я тебе их возьму?

— Они есть у Ксении.

— Ну так и попроси их у нее.

— Она не дает. Но ты же можешь их достать.

— Могу, — мужчина покладисто кивнул. — Но пока еще даже не знаю, ради чего мне так напрягаться.

Лера запнулась на мгновение, понимая, что собирается предать единственного человека, которому на нее не наплевать, но, выбирая между Марком и возможностью добыть сведения о родителях, выбрала родителей.

— Те сережки, насчет которых ты договорился, подстава, — выпалила она.

Насмешка медленно сползла с его лица, сменившись сначала недоверием, а затем угрозой.

— В каком смысле? — голос прозвучал холодно и напряженно.

— Это идея Марка и Риты, а сережки Риты. Они хотят сдать тебя полиции. Старушка тоже подставная, это Риткина бабушка. — Лера благоразумно умолчала, что привлечь бабушку было ее идеей.

Никита долго молчал, задумчиво поглядывая на те самые часы, которые являлись одной из главных достопримечательностей этой площади. Лера напряженно смотрела на него, пытаясь угадать ход его мыслей. Поверил или нет? А если поверил, то что будет делать? Просто не придет или придумает какой-то план? Как сильно она подставила Марка? Хорошо хоть не сказала, что там будет еще и участковый.

— Тебе лучше не приезжать туда и затаиться на какое-то время, — неуверенно предложила она.

— Это уж я как-нибудь без сопливых разберусь, — отрезал он, а затем снисходительно улыбнулся. — Молодец, что сказала.

Лера еще несколько секунд неуверенно смотрела на него, а затем робко спросила:

— Так что с документами?

Мужчина посмотрел на нее удивленно, словно уже забыл о ее просьбе, которая изначально задумывалась как условие.

— Посмотрим, — неопределенно отмахнулся он. — Все, свободна.

Лера сжала кулаки и стиснула зубы от обиды, но возразить не решилась.

Глава 15

До дачи они добрались только в двенадцатом часу, поскольку пришлось заезжать домой к Марку за второй машиной, чтобы Лера могла вернуться в город раньше. Неожиданно выяснилось, что на вечер в салоне уже записан один из постоянных клиентов, которому нужно пообщаться с кем-то из мертвых родственников, а потому заменить Марка или Леру Ксения не сможет. Что они вообще напели Ксении, Рита не знала и знать не хотела. Главным было то, что они потеряли лишние полчаса.

За то время, что они ехали на дачу, она заставила Марка звонить бабушке едва ли не каждые десять минут, поскольку сама находилась за рулем. С каждым разом их разговор становился все длиннее и милее, и Рита уже почти не сомневалась, что Марк бабуле страшно нравится, хоть она сама и предупреждала ее быть осторожнее. Она успокоилась только тогда, когда бабушка сообщила, что приехал участковый.

— Так что не волнуйся, она уже не одна, — сказал Марк, закончив разговор.

Рита заметно выдохнула. С утра идея втянуть в это бабулю уже не казалась ей такой хорошей. Надо бы выяснить, не обладает ли Лера еще и какими-то гипнотическими способностями, иначе как она смогла так быстро подбить ее на это?

Рита повернулась к Марку, чтобы спросить об этом, и снова заметила его странный взгляд в зеркало заднего вида. В первой половине дня понедельника дорога из города была почти пуста, да и она уже совсем привыкла к автомобилю и вождению, поэтому позволяла себе иногда поглядывать на него. Несколько раз она замечала, как он напряженно смотрит в зеркало, словно пытается что-то разглядеть позади. Сначала Рита думала, что он смотрит на Леру, которая ехала прямо за ними, но сегодня она вела себя аккуратно и не давала поводов для беспокойства.

— Марк?

Он не ответил. Казалось, даже не услышал.

— Марк! — настойчивее позвала Рита.

Он полуобернулся к ней, продолжая смотреть в зеркало.

— Что?

— На что ты смотришь?

— Здесь... — Он чуть прищурился, как будто хотел разглядеть какие-то мелкие детали, и Рите показалось, что он еще и прислушивается к чему-

то. — Поликарповна.

Рита испуганно посмотрела в зеркало, но, конечно же, ничего не увидела.

— Она едет с нами практически от самого города, — сообщил Марк.

И все равно Рите что-то казалось странным. Едет и едет, почему его это так напрягает? Она же как раз и должна быть с ними, чтобы опознать или не опознать покупателя.

— Но тебя что-то беспокоит? — полуутвердительно спросила она.

— Она что-то говорит, — кивнул Марк. — Но я никак не могу разобрать слов...

Он вдруг резко выпрямился, а потом отшатнулся от зеркала и прижался к спинке сиденья, словно кто-то держал его за плечи.

— Марк!

— Черт... — выдохнул он, а затем закрыл лицо руками, так ничего и не объяснив.

— Марк, что случилось? — встревоженно повторила Рита.

Она включила знак аварийной остановки и съехала на обочину. Лера остановилась сзади и несколько секунд спустя подбежала к ним.

— В чем дело?

— Я не знаю.

Рита растерянно кивнула в сторону Марка. Лере хватило одного короткого взгляда, чтобы понять ситуацию. Она быстро оббежала машину, на ходу снимая с себя солнечные очки, с силой распахнула пассажирскую дверь и отняла его руки от лица. Риту окатило волной горячего воздуха, но больше ничего не произошло: ее в видение не взяли.

Лера и Марк около минуты неподвижно смотрели друг другу в глаза, пока наконец Марк не улыбнулся.

— Все.

— Она ушла? — Лера не спешила надевать очки.

— Да.

— Точно?

— Все, Лер. Правда.

Она улыбнулась в ответ и вернула очки на нос. Марк расслабленно опустил в кресле, потирая лицо руками, как будто только что очнулся от кошмара.

— Что это было? — обеспокоенно спросила Рита, которая так и не поняла, что происходило на ее глазах.

— Старуха иногда любит угрожать, — ответила Лера. — Как будто пинка дает, чтобы быстрее искали ее долбаный гребень. Спасает только

переход в другой мир.

— Ладно, поехали, — нетерпеливо отозвался Марк. — На сегодня лимит исчерпан, она больше не придет. Не знаю, как она это делает, но, видимо, энергии хватает на один заход в сутки.

Рите совсем перестало нравиться все происходящее.

— А как же тогда она опознает убийцу?

— Я сам ее вызову. Она будет пользоваться моей энергией. И уж там-то я смогу ее контролировать.

Риту такое объяснение устроило. Тем более захотелось еще быстрее оказаться на даче. Они и так снова потеряли время.

Им повезло: если Никита и собирался нарушить договоренные сроки и приехать раньше, то все равно не настолько рано.

Машины пришлось оставить за заброшенной конюшней, где уже стояли раздолбанные жигули участкового из Соснянки. Они не хотели спугнуть гостя, поэтому к дому шли пешком. Едва только войдя во двор, Рита уже поняла, что бабушка встала сегодня еще раньше них: в доме пахло пирогами и имбирным чаем. Вера Никифоровна не смогла отказать себе в удовольствии накормить гостей своими фирменными пирогами. Рита только надеялась, что все это было приготовлено не для одного лишь Марка. После короткого знакомства с Лерой и приветственных рукопожатий с Максимом Витальевичем, который попросил звать его просто Максом, бабуля позвала их в дом, где накрыла небольшой стол в маленькой кухне, а не на веранде или проходной комнате, служившей ей гостиной. Видимо, она тоже предусмотрела вариант шифровки. На столе уже стояли две чашки с чаем и тарелки с кусками пирога: бабуля и участковый времени даром не теряли.

— Макс, а у тебя оружие есть? — первым делом поинтересовалась Лера.

Тот как будто даже смутился.

— Не, откуда? Чтобы получить оружие, надо в райцентр ехать. А у меня сегодня вообще отгул. Иначе как бы я к вам приехал?

— Великолепно, — проворчала Рита. Вот уж действительно хорошо, что они взяли с собой Леру.

Едва они сели за стол, бабушка тут же включила режим радушной хозяйки, а Марк, Лера и Максим оказались самыми милыми гостями на свете. Лера не уставала нахваливать пироги, пробуя каждый. Рита видела, что она делает это абсолютно искренне. Впрочем, она еще помнила, с каким энтузиазмом Лера вчера включилась в процесс приготовления пирога с мясом. Наверное, пока они пекли тот пирог и одновременно убирали в

квартире Марка, Рита вдруг поняла, почему он обратил на нее внимание в клинике, почему решил помочь, и чем так сильно она его привлекла. В ее неприспособленности к жизни была такая милая наивность, в тотальном одиночестве и ненависти к окружающему миру такое желание найти хоть кого-то близкого, что это нельзя было не почувствовать. Рите казалось, что после вчерашнего дня Лера начала воспринимать ее как старшую сестру. С одной стороны, ей это льстило, с другой — нагоняло панику и закручивало в груди тугим узлом тоски. Как бы сильно ни нравился ей Марк, никогда она не сможет отнять его у Леры. Но теперь уже не только потому, что ей никогда не превзойти ее в его глазах, но и потому, что не сможет она предать доверившегося ей человека. Обидеть Леру — все равно что пнуть котенка. Риту бабуля воспитала не так. Вполне возможно, в этом кроется причина ее одиночества накануне двадцати девяти лет. Не умеет она бороться за что-то всеми способами, идти по головам и плевать на чужое мнение. Всегда пытается всем угодить, даже если ей самой это не нравится.

Они пили чай несколько часов кряду. Максим травил байки из жизни деревенского участкового. Марк умело шутил и совсем не походил на того Марка, которого она наблюдала в кругу его семьи. Куда только делись язвительность и хамство? Он был самым милым и смешным человеком на свете, то и дело подначивая Максима в его рассказах. Бабуля смеялась так задорно, что покраснелась как юная девушка. В какой-то момент Рита снова испытала навязчивое желание заорать, чтобы он немедленно прекратил, как тогда, когда он первый раз приезжал на дачу. Не потому, что ей не нравилось. Совсем наоборот: ей казалось, что с каждой секундой она влюбляется в него все сильнее. Она ловила на себе его взгляд с задорными смешинками в карих глазах и понимала, что краснеет сильнее бабули. Сердце так гулко билось в груди, что ей казалось, она либо умрет от тахикардии, либо кто-то услышит его стук и обо всем догадается.

В какой-то момент Рита вдруг поняла, что за столом повисла пауза и все взгляды устремлены к ней. Наверное, ей задали вопрос, а она так сильно ушла в свои мысли, что даже не услышала его. Все четверо смотрели на нее одинаково вопросительно, и она не могла даже понять, кто именно что-то спросил.

— Я отвлеклась, — она улыбнулась как можно беззаботнее.

— Я говорил, что время уже к пяти приближается, а нашего гостя все нет, — повторил Марк чуть удивленно.

Рита взглянула на часы, висящие на стене. Стрелки и в самом деле стремительно приближались к пяти часам, хоть за окном еще весело светило летнее солнце.

— Странно... Может, опаздывает?

— Позвонил бы? — неуверенно предположил Максим.

Рита задумалась. Почему-то такой вариант не казался ей правдивым. Он не опаздывал, было здесь что-то другое.

— Может, нам самим позвонить? — предложила Вера Никифоровна. — У вас же есть его номер телефона.

— И что мы скажем? Меня ведь не должно быть здесь, я ему сказала, что раньше выходных не выберусь на дачу.

— Скажи, что мне нужно уходить, — пожала плечами бабуля. — И я просила тебя узнать, ждаты его или у него изменились планы.

Рита посмотрела на Марка, безмолвно спрашивая, как ему такая идея, и тот кивнул.

— Позвони, действительно.

Однако абонент оказался временно недоступен. Рита набирала номер несколько раз, но все время слышала лишь механический голос мобильного оператора. И почему-то это пугало, хотя она не могла внятно сформулировать причину.

— Может, случилось что-то? — предположил Максим.

Марк пожал плечами.

— В любом случае, оставаться здесь одной на ночь вам не следует, — сказал он Вере Никифоровне.

Рита испуганно посмотрела на него.

— Думаешь, он может приехать ночью?

— Я этого не знаю. Как и не знаю, почему он не приехал сейчас. Но вполне допускаю, что он либо решил перестраховаться, либо каким-то образом узнал, что Вера Никифоровна здесь не одна. Будет лучше, если она на несколько дней вернется в город.

— Ну что ж, могу и вернуться, — спокойно кивнула бабуля. — Мне уже давно следовало посетить врача, что-то сердце в последнее время барахлит, а огород несколько дней проживет и без меня.

— Тогда допиваем чай и собираемся? — предложила Лера. — Мне как раз через полчаса надо бы выезжать, чтобы успеть до прихода клиентки.

Все трое посмотрели на Марка, но тот не торопился с ответом. Прежде, чем Рита смогла предположить, о чем именно он думает, он повернулся к ней и спросил:

— Как ты смотришь на то, чтобы остаться со мной здесь на ночь?

В первый момент Рите показалось, что она ослышалась. Он спятил, предлагать ей такое? Да еще при Лере и ее бабушке. И только секунду спустя она сообразила, что он имел в виду совсем не то, о чем она

подумала. Ее словно горячей водой окатило от смущения за собственные мысли, и лицо тут же начало наливаться краской.

— Думаешь, он может явиться сюда ночью? — как можно спокойнее поинтересовалась она, и только когда эти слова повисли в воздухе, она вдруг поняла, что уже говорила их. Всего минуту назад.

Бабуля, Максим и Лера удивленно посмотрели на нее, а Марк если и заметил ее оговорку и побледневшее, а затем покрасневшее лицо, то виду не подал. Уже за это Рита была ему благодарна.

— Мне это кажется одним из возможных вариантов, — спокойно повторил он, словно тоже говорил это впервые. — Лера отвезет Веру Никифоровну в город, а мы вернемся утром, чтобы ты еще успела на работу.

— Я могу остаться с вами, — предложил Максим. — Мне на работу к восьми, если в пять встану, то успею.

— Это было бы прекрасно, — кивнул Марк.

— Слушай, а почему ты не можешь нарисовать фоторобот убийцы? — спросил Максим.

— В каком смысле? — не понял Марк.

Лера увезла Веру Никифоровну несколько часов назад, они уже отзвонились, что благополучно добрались до города. Рита вымыла всю посуду, расставила ее в буфете и даже от нечего делать помыла пол. С наступлением темноты свет они зажигать не стали, ограничившись лишь одной толстой свечой, чтобы с улицы было видно, что в доме кто-то есть, но силуэты не проглядывались. Постепенно голоса в деревне стихли, жители разошлись по домам, а к ним в гости так никто и не заглянул. На всякий случай Рита еще несколько раз набирала номер Никиты, но тот так и не появился в зоне доступа.

Последние полчаса она сидела за столом, глядя в темноту за окном. И хоть в прошлую ночь на дежурстве ей удалось поспать несколько часов, сон все равно медленно давил ей на плечи, закрывал глаза и выключал мысли. Тихий разговор Марка и Максима доносился до нее словно издалека. Она прислушивалась, чтобы не уснуть, но глаза при этом предательски закрывались.

— Ну, ты же художник и общаешься со старухой, — пояснил Максим. — Пусть она тебе подсказывает, а ты рисуй.

— Ты думаешь, она со мной общается связными предложениями и вообще отвечает на мои вопросы? — хмыкнул Марк.

— Так ты ж медиум! В киношках так показывают.

Что ответил Марк, Рита уже не разобрала. Мысли в голове стали вязкими, как кисель, скопились в районе лба, заставляя голову медленно клониться вниз. Она это чувствовала, но сделать ничего не могла.

...— Тебе лучше лечь в постель.

Рита вздрогнула не то от выведшего ее из полудремы голоса, не то от ладони, опустившейся ей на плечо. Она подняла голову и увидела Марка, стоящего рядом с ней. Оказывается, она умудрилась задремать прямо за столом, уронив голову на скрещенные руки.

— А ты? — сонно спросила она.

— А я посижу.

— Я могу постелить тебе в проходной комнате.

Марк комично приподнял брови.

— После того, как мы спали с тобой в одной постели, ты хочешь выселить меня в другую комнату?

Рита не выдержала и улыбнулась, хотя улыбка получилась довольно усталой.

— Ты же не надеешься снова спать со мной вместе? У нас на даче хватает места.

Марк тоже улыбнулся, глядя на нее сверху вниз.

— Макс уже уснул на диване, — серьезнее сказал он. — Мы договорились, что половину ночи спит он, вторую половину — я. Один из нас должен остаться на стреме на всякий случай. Так что пойдем. — Он протянул ей свободную руку и помог подняться.

Она больше не нашла в себе сил возражать.

В крохотной комнате, где спала бабушка, стояла лишь узкая кровать и массивный шкаф из настоящего дуба, но свободного места все равно оставалось мало. Все пространство теперь занимал Марк со своей тростью, и у Риты не было ни единого шанса аккуратно сложить покрывало. Сворачивая его в углу кровати, она оправдала себя лишь тем, что бабушка все равно об этом не узнает. Приготовив себе постель, она выпрямилась и неожиданно оказалась совсем рядом с Марком. Настолько рядом, что смогла разглядеть блики от свечи в его глазах. Только сейчас она подумала о том, что ему вовсе незачем было идти с ней в комнату, с расстиланием кровати она вполне справилась бы самостоятельно.

Ничего спросить она не успела, поскольку Марк коснулся руками ее плеч, скользнув ладонями вверх и чуть сжав их. Рита почувствовала, как сердце бухнулось о ребра, а затем снова застучало быстро-быстро. По коже волнами побежали нервные импульсы, которые в романтических книгах называют мурашками, а вязкие мысли в голове приобрели звуковую

скорость и разбежались по углам. Совсем как в машине, когда он хотел посмотреть ее сережки, касаясь кончиками пальцев шеи.

Неужели он смог угадать ее мысли, когда предлагал остаться на даче? Или же это она угадала его мысли, и он действительно именно за этим остался?

Даже если бы сейчас в их дом явились тысячи преступников, она бы не смогла сдвинуться с места и оторвать взгляд от карих глаз, кажущихся почти черными в неверном свете свечи. Марк медленно наклонился к ней, пристально глядя на нее, словно опасался, что она остановит его, и лишь когда она первой закрыла глаза в ожидании поцелуя, коснулся ее губ.

Рита разомкнула губы ему навстречу и сначала несмело, а затем увереннее обняла его. Марк провел руками выше, к тонкой шее, на мгновение коснулся ее лица, а затем скользнул кончиками пальцев по бархатной коже обратно, опуская руки вместе с краями ее рубашки. Когда он успел расстегнуть несколько пуговиц?

Сердце забилося еще сильнее, грозя вырваться из груди. Рита ничего не слышала, кроме его грохота, и ничего не чувствовала, кроме рук Марка на своей коже и его губ на своих губах.

Она даже не заметила, как оказалась прижатой к стене и когда его губы очутились уже на ее шее. Эмоции захлестывали ее с головой, и она боялась утонуть в них, захлебнуться ощущениями. Смутные напоминания о том, что она не должна так поступать, что у него есть Лера, а она собиралась не поддаваться влюбленности, стремительно угасали под наплывом чувств. Лишь огромным усилием воли Рита заставила себя вспомнить о своих принципах.

— Марк... — собственный голос показался ей незнакомым. — Не надо. Погоди...

Он поднял голову, но руки не убрал, словно в любой момент собирался продолжить. Темные глаза теперь казались совсем черными, дыхание было глубоким и прерывистым, и на мгновение Рите захотелось замолчать, дать волю тому сладкому клубку, который уже начал заворачиваться внизу живота. Судя по его взгляду, он тоже хотел этого, так зачем она его остановила?

— Что?

— Остановись, — ненавидя свою честность, повторила она.

— Почему?

— Потому что... — она запнулась. — Это неправильно.

Марк медленно убрал руку с ее груди, второй продолжая сжимать плечо.

— Мы ведь уже выяснили, что я козел и сволочь, — он едва заметно улыбнулся. — Значит, могу проигнорировать твое «нет».

Это прозвучало отчасти вопросительно, отчасти утвердительно, и Рите со страшной силой захотелось, чтобы он так и сделал. С каждым мгновением сладкий клубок в ней медленно и обиженно растворялся, сменяясь бессилием и сожалением. Но так было правильно. Что-то еще заставляло ее останавливать его, но сейчас она не могла сформулировать даже самой себе.

— Тогда это будет изнасилованием.

Марк снова улыбнулся, на этот раз чуть плутовато.

— Дай мне пять минут, и ты будешь называть это по-другому.

— Но эти пять минут я буду называть это именно так.

Он еще несколько секунд смотрел ей в глаза, продолжая улыбаться, а затем опустил и вторую руку, чуть отстраняясь от нее, насколько это позволяли размеры комнаты.

Разочарование в его глазах, в которых еще минуту назад плескалось желание, причиняло почти физическую боль, и Рита отвернулась. По звукам она догадалась, что он нашел трость и медленно вышел из комнаты.

Глава 16

К ним так никто и не приехал. Марк не знал, радует его этот факт или огорчает. Скорее, он не испытывал по данному поводу никаких эмоций. Возможно, их выключила еще и полубессонная ночь. Даже когда Максим сменил его на несколько часов, прежде чем уехать в Соснянку, он все равно уже не смог нормально поспать.

С Ритой они с самого утра перебросились лишь парой фраз. Вместе выпили кофе и отправились домой. У него не было сил разговаривать. Она тоже молча вела машину, сосредоточенно глядя на дорогу. Тоже размышляла, почему Никита не приехал? Или же ее молчание вызвано произошедшим вчера? Точнее, не произошедшим.

Марк сам не знал, зачем пытался ее соблазнить, ведь еще утром ни о чем таком даже не думал. Но что-то в ее взгляде в тот момент, когда он предложил остаться на даче, дало ему понять, что она подумала именно об этом. Он не смог удержаться. Для него это было своеобразной шуткой, проверкой, как далеко она может зайти в своих желаниях. Правильная честная Маргарита. Он осознанно дразнил ее, но не мог отрицать того, что, если бы она не остановила его, он пошел бы до конца.

Рита в каком-то плане ему нравилась, хоть порой и бесила своей правильностью и еще больше — своей влюбленностью. Но совершенно точно он не отказался бы переспать с ней. И все же кое-что смущало его: вчера, когда он целовал ее, когда держал в объятиях и касался нежной кожи, он испытывал причудливую, давно забытую смесь эмоций и чувств. В этом было нечто большее, чем просто сексуальное возбуждение. Он хотел ее, но в это желание примешивалось что-то еще. Что-то, чего он никогда не испытывал с Лерой, и чему сейчас не собирался искать определения, подсознательно понимания, что результат будет очень неожиданным.

Оставаться дома одному не хотелось, чтобы не начать копаться в своих мыслях, а заглушить внутренний голос было нечем. В воскресенье Рита вылила последний виски, а просить ее заехать в магазин казалось ему очень глупой идеей. Можно, конечно, дойти до магазина самому, когда она уедет, но он выбрал другой путь: попросил отвезти его сразу в Апраксин переулок. Либо там он отвлечется на что-нибудь, либо виски наверняка есть у Леры. Возможно, мать ошибается, и алкоголизм уже не стоит на повестке дня, а мирно расположился в его гостинной? Ему было плевать.

Им пришлось сделать приличный круг, чтобы заехать в центр города,

зато удалось уговорить Риту взять машину.

Как ни странно, в квартире стояла полная тишина. Лера крайне редко куда-то ходила сама, а когда находилась дома, либо слушала музыку, либо включала телевизор, даже если для фона. Тишину она соблюдала только тогда, когда в салоне проходил очередной сеанс. Насколько он помнил, первая половина дня собиралась быть свободной.

Марк быстро прошелся по комнатам и даже заглянул на кухню, но Леры нигде не было. Неужели Ксения ее куда-то увезла? Он прислушался к звукам, проходя мимо салона, но там тоже было тихо. На всякий случай заглянул и туда, и наконец нашел хоть одного живого обитателя в этой квартире. Мертвых искать было без надобности: знакомую старуху он давно приметил в коридоре. Она стояла в темном углу как молчаливое напоминание об их провале. Нападать пока не решалась, чему он не мог не радоваться.

Ксения сидела за столом, молча разглядывая разложенные на столе карты Таро, и курила длинную сигарету в мундштуке. Судя по терпкому запаху в воздухе — вишневую. Марк такие терпеть не мог. Не только из-за запаха, но и из-за того, что они неизменно означали: Ксения нервничает. Она и так обладала сложным характером, а в такие моменты становилась совершенно невыносима. Появилось трусливое желание сбежать, но бессонная ночь, проведенная наполовину за столом, наполовину на неудобном диване, утверждала, что бегун из него сейчас крайне неважный.

— Привет, — поздоровался он, делая вид, что не замечает вишневой сигареты.

Ксения лишь одарила его тяжелым молчаливым взглядом.

— Где Лера?

— Пошла по магазинам.

— По магазинам? — Марк удивленно уставился на нее. — Одна?

— Ей двадцать пять лет, — Ксения поморщилась, как от зубной боли, и сделала глубокую затяжку, выпуская в воздух новую струйку противного дыма. — Пора уже приучаться к самостоятельности.

— Да, но...

Именно Ксения всегда была сторонницей держать Леру на коротком поводке. Марк давно дал бы ей немного больше свободы. Он не считал Леру готовой к ней, но был уверен, что лучший опыт набирается собственными ошибками. Ксения словно прочитала его мысли, усмехнулась презрительно и снова затянулась своей вонючей сигаретой.

— Садись, чего стоишь.

Марк подошел к столу и послушно сел на стул напротив нее.

— Ты что же думаешь, что мы вечно сможем ее контролировать? — продолжила она. — Тебе скоро надоест весь этот маскарад с призраками, захочешь обычной жизни. Влюбишься, женишься чего доброго. Леру мне оставишь или себе забереешь? Вот жена будет счастлива...

— Не собираюсь я ни в кого влюбляться, — перебил ее Марк, — тем более жениться. Хватит, наигрался в любовь в молодости.

Ксения фыркнула, затушила сигарету в пепельнице и посмотрела на него так, словно видела перед собой безмозглую амебу.

— Посмотри на карты.

Марк посмотрел на разложенный пасьянс, но он никогда не разбирался в Таро. Не понял, что предсказывают карты, и в этот раз.

— И что здесь?

— Любовь. На твоём пути.

— В самом деле? — он рассмеялся. — Тогда, конечно, это все меняет. Теперь я просто обязан влюбиться, раз твои карты так сказали. Кандидатку сам могу выбрать или ты и это знаешь?

Ксения несколько секунд молча смотрела на него, не обращая внимания на сарказм в его голосе, а затем растянула губы в ухмылке.

— Можно подумать, ты не знаешь.

Как всегда, разговор о личной жизни начал его раздражать. А после прошедшей ночи казался особенно неприятным. Он вообще не мог понять, зачем Ксения завела эту странную тему. Даже если карты действительно так предсказывали, ей-то какое дело?

— Я не собираюсь с тобой это обсуждать, — он снова поднялся на ноги. — И если уж все же так случится, Леру заберу, не волнуйся, тебе не оставляю.

— Сядь! — теперь ее голос звучал как приказ, и он снова подчинился, разозлившись на самого себя. Уже больше года он не в больнице, не обязан делать все, что она скажет, а все никак не может избавиться от дурацкой привычки. — Это не все, о чем я хотела поговорить, — продолжила Ксения.

— Страшно представить, что ты скажешь дальше, — съязвил он.

Она молча перевернула еще одну карту, до этого лежавшую на столе рубашкой вверх. Даже Марку было знакомо ее значение — Смерть. Он вопросительно посмотрел на Ксению, ожидая дальнейших объяснений, но в животе уже начал завязываться неприятный узел. Это его смерть? Или, как это часто бывает в раскладах дурацких Таро, Смерть означает не физическую смерть, а что-то другое? Никогда ему в этом не разобраться.

Несмотря на постоянное общение с призраками и добровольный

эксперимент по переходу границы для общения с Павлом, умирать он не хотел. Иногда сам себя убеждал в том, что терять ему в этой жизни нечего, а значит, и держаться за нее особого смысла нет, но мысли о возможной смерти его пугали.

— Я разрешила Лере побродить по магазинам не только потому, что хотела приучить ее к самостоятельности, — сказала Ксения. — Но и потому, что нам нужно поговорить наедине. Полагаю, ты узнал карту.

Марк кивнул.

— Я нагадала кому-то из нас смерть.

Значит, все же первый вариант. Неприятно.

— Кому-то из нас троих? — уточнил он.

— Четверых.

— Рита здесь причем?

Ксения улыбнулась, и в этой улыбке Марк разглядел презрение победителя. Ксения часто так улыбалась, когда оказывалась в чем-то права.

— Мы втянули ее в свои дела, и теперь для карт она одна из нас.

— И ты... не знаешь точно, чья это смерть?

Ксения развела руками, и теперь на ее лице читалась искренняя тревога.

— Карты отказываются говорить. Формулировки становятся слишком расплывчатыми, когда я пытаюсь гадать на каждого из нас. Лишь для всех четверых они предсказывают смерть одному.

Марк встал и нервно прошелся по темной комнате, пропахшей удушливым смрадом вишневой сигареты. Трость его раздражала, поэтому он оставил ее у стола и хромал сильнее обычного. Левая нога отзывалась болью всякий раз, когда он переносил на нее вес, но сидеть он не мог. Почему-то он был уверен, что это его смерть. Проклятая старуха, явившаяся в салон вместе с ним, следила за ним с насмешкой.

— И что делать? — спросил он, все же остановившись посреди комнаты и посмотрев на Ксению.

Та уже успела закурить новую сигарету, но на этот раз не стала вставлять ее в мундштук, держала пальцами.

— Бросить это дело с Павлом, старухой и ее гребнем? — предложила она. — Павел к тебе больше не является, так зачем ты продолжаешь в это лезть? Еще и девчонок тащишь. Лера мне рассказала о том, что вы удумали с Ритой и ее бабкой. Ладно Лера, у нее мозгов никогда не было, но ты и Рита?.. Ей бабку не жалко?

Марк бросил взгляд в угол, где маячила темная фигура. Ксения проследила за его взглядом, понимающе нахмурившись.

— Она здесь?

Марк кивнул.

— Ну и забей! — Ксения внезапно бросила сигарету в пепельницу, хотя та не догорела и до половины, и наклонилась вперед, почти легла грудью на стол, пристально уставившись на него. — Пусть приходит. Тебе не привыкать к призракам. Помаячит и уйдет. Она же не доставляет таких хлопот, как этот даун.

— Ты не понимаешь, — Марк медленно дошел до стула, стараясь почти не наступать на левую ногу, и снова сел. — Она еще хуже Павла. В самый первый раз, когда она пришла, я чуть не задохнулся. Не знаю, что произошло, но весь воздух в этой комнате словно испарился. Я уже почти потерял сознание, когда вернулась Лера, и старуха исчезла. И с тех пор она приходит почти каждый день, угрожает, заставляет видеть страшные вещи, — он поморщился, вспоминая. — Даже когда молча ходит за мной, у меня такое чувство, словно у меня за спиной держат нож. Как только я перестану искать ее гребень, она найдет способ меня убить. Так не это ли, — он с кривой усмешкой кивнул на стол, — видят твои карты?

Ксения взяла в руки пустой мундштук, медленно крутя его между пальцев и о чем-то думая.

— Значит, старуха обладала какой-то силой, — произнесла она спустя несколько секунд. — Возможно, и сама о ней не догадывалась, но обладала, раз может после смерти вытворять такие вещи. Ты прав, — она снова посмотрела на него, — она не отстанет. Гребень для нее теперь как навязчивая идея. То, что держит ее в этом мире. Она не успокоится, пока не получит его. Или пока ее принудительно не упокоит кто-то другой.

— Это возможно? — спросил Марк, наконец понимая, почему и он, и Лера продолжают выполнять все, что говорит Ксения, хотя давно уже не обязаны этого делать.

— Есть одна идея. Помнишь старого колдуна, к которому я как-то ездила? — и, дождавшись утвердительного кивка, продолжила: — Это самый сильный колдун из всех, кого я знаю. Возможно, он не подскажет, как найти этот чертов гребень, но нам это и не надо. Наверняка он сможет отвести от тебя старуху, а то и вовсе упокоить ее. Так что собирайся, поедem еще сегодня. Я возьму билеты на ближайший Сапсан, выйдем в Твери. Если расписание автобусов с прошлого раза не изменилось, то к ночи уже будем на месте.

— А Лера?

— Ты хочешь потащить с собой Леру? — Ксения выразительно выгнула бровь. — Может, еще и Риту позовем? Мало мы ее во все втянули.

Марк поднялся, соглашаясь с ее словами, и вышел из салона в квартиру. Здесь хранилось достаточно его вещей, чтобы собрать их в поездку на пару дней.

Ксения проводила его взглядом и взяла в руки карту Смерти. Как хорошо, что Марк не разбирается в раскладах Таро и поверил в то, что она не знает, чья это Смерть. К сожалению или к счастью, она знала. И собиралась сделать все, чтобы этого избежать.

В маленький провинциальный городок они добрались уже поздно вечером, когда летнее солнце скрылось за горизонтом, а землю укутала темнота. Последний автобус довез их до небольшого деревянного строения с надписью «Автовокзал», где высадил вместе с еще несколькими пассажирами.

Ближайшая и, как подозревал Марк, единственная гостиница находилась на противоположной улице, поэтому долго идти не пришлось, что не могло его не радовать. И два свободных номера в ней тоже нашлись. Неожиданно улыбчивая для этого маленького городка и позднего времени суток администратор даже подсказала им, где можно поужинать: местный грузин держал небольшое кафе и всегда закрывался поздно.

— Завтра с утра я схожу к мужику, который подвозил меня к колдуну в прошлый раз, — сказала Ксения, когда перед ними на столе уже стояли пластиковые тарелки с шашлыком и крупно порезанными овощами.

— Это далеко? — поинтересовался Марк.

— Не очень, но ты не дойдешь. И вообще проще заплатить, чем шагать несколько километров пешком. Старик живет за городом, на хуторе.

— Как ты вообще познакомилась с ним? Едва ли у старика на хуторе есть Интернет.

Ксения хмыкнула, несколько секунд молча жуя овощи и словно раздумывая над ответом.

— У него и электричества нет, не то что Интернета, — наконец ответила она и снова замолчала. Марк уже думал, что она не продолжит, но она все же это сделала: — Я ведь наполовину цыганка. — Заметив его взлетевшие к челке брови, только рассмеялась. — Какой же ты невнимательный к женщинам, которым больше сорока, даже обидно.

Теперь он удивился еще больше, скосив глаза на бокал с пивом. Не добавил ли ей туда грузин чего покрепче? Ксения никогда не рассказывала о себе. Раньше, пока он лежал в клинике, а она была его врачом, говорили они много, но только о нем, как врач и пациент. А за последний год Марк и припомнить не мог, чтобы они обсуждали что-то личное. Не считая

сегодняшнего утра. Да и просто когда разговаривали, никогда ее тон не звучал так... по-женски. Наверное, если бы он знал ее чуть хуже, принял бы это за кокетство. Впрочем, что он вообще о ней знает?

— Моя мать была цыганкой, — продолжила Ксения, так и не дождавшись от него ответа. — Не из тех, конечно, кто ходит по рынку и пристает к прохожим с просьбой позолотить ручку, но кое-что она умела.

— Способности к гаданию тебе генетически передались? — поинтересовался Марк, не зная, как правильно реагировать на такую неожиданную откровенность, однако Ксения серьезно кивнула. — Ты же не хочешь сказать, что это передается с генами?

— А почему нет? Внешность же, характер, привычки даже — передаются. Почему экстрасенсорные способности не могут? Просто никто не изучал этот вопрос. Люди вообще крайне консервативны во всем, что касается экстрасенсорики.

— Вот уж чего я не пожелаю своим детям.

Ксения отложила в сторону вилку и посмотрела на него.

— Значит, ты все-таки думаешь о них?

— Ни о чем я не думаю, — отмахнулся он, — просто к слову пришлось.

— Ну да, ну да, — она усмехнулась. — Но ты не волнуйся, твоим детям это не грозит. Ты свой дар получил, шагнув за грань, а не по наследству, так что и передать не сможешь. Но я получила от матери, тут ты прав. Мой отец был пожарным, мать — бухгалтером. Картами развлекалась только дома, для ближайших подруг. Но меня кое-чему научила.

— И все же, как это связано с тем, откуда ты знаешь колдуна?

— Я знакома с ним с детства. И знаешь, — она снова улыбнулась, хотя Марк не припоминал, когда бы она вообще так часто улыбалась, — он уже тогда был старым и дряхлым, а все никак не умрет. Не зря же говорят, что колдуны не могут умереть, пока не передадут свой дар кому-нибудь. А ему вот некому. Он какой-то то ли дальний родственник, то ли просто знакомый моей матери. Но она меня к нему возила иногда.

— Она умерла?

Ксения кивнула.

— Давно уже, мне пятнадцать было. Отец после этого выбросил из дома все гадальные карты и велел учить химию с биологией. К колдуну я больше не ездила, вспомнила о нем только тогда, когда мы салон открывали и нам понадобились некоторые магические предметы. И представляешь, он меня сразу узнал. Я думала, придется напоминать, рассказывать. А я зайти

не успела, как он сразу: «Здравствуй, Ксюша».

Марк даже вздрогнул, так чуждо и странно прозвучало это имя. Он, конечно, знал, что имя Ксения сокращается до Ксюши, но ему даже в голову не могло прийти, что кто-то когда-то называл ее так. С самого начала она была Ксенией Борисовной, затем стала просто Ксенией. Даже колдунья Ксения шло ей, на его взгляд, гораздо больше, чем... Ксюша. Возможно, дело было в том, что он никогда не воспринимал ее как женщину. Не то чтобы считал мужиком в юбке, скорее она была для него существом без пола и возраста. Пожалуй, у нее действительно есть право упрекать его в невнимательности.

— Откуда ты знаешь, что он сможет помочь мне? — осторожно спросил Марк. — Что если он давно уже утратил силу, только вот свечи магические делать и горазд?

Ксения перевела на него взгляд, поскольку до этого уже разглядывала стены, смотря прямо в прошлое, и улыбнулась.

— Такие, как он, силу не теряют. С возрастом она только растет. Ты и сам это почувствуешь, когда увидишь его, это нельзя не почувствовать. Как он год назад сразу меня узнал, так и я сразу поняла, каким он стал.

Марк согласно кивнул, хотя на самом деле пока понимал мало. Они молча доели свой ужин, который оказался на удивление вкусным. Местный грузин умел делать действительно сочное мясо.

— Ты иди, я приду чуть позже, — сказала ему Ксения, когда они допили чай. — Посижу еще немного, пока не выгоняют.

Марк не стал возражать, решив, что ей просто необходимо побыть одной, возможно, предаться каким-то своим воспоминаниям. Да и он был не против медленно дойти до гостиницы, наслаждаясь тишиной летней ночи. Здесь, в нескольких сотнях километров от Питера, угасающее лето еще оставалось довольно теплым, он даже снял с себя куртку, в которой приехал.

Когда-то давно, в той, *прошлой* жизни, он иногда мечтал о покупке домика в какой-нибудь глуши. Чтобы по утрам его будил птичий гомон и шелест листьев, по вечерам можно было пить чай на маленькой террасе и слушать стрекот кузнечиков. А днем писать. Ставить мольберт среди деревьев и переносить на холст все то, что видят глаза. Закончив одну картину, перемещать мольберт на несколько метров в сторону и писать уже совсем другой пейзаж. Марк умел писать и сносные портреты, и натюрморты, но больше всего его привлекали пейзажи. Городские, деревенские, лесные, горные. Он даже путешествовал ради того, чтобы забраться подальше и запечатлеть то, что обязательно сотрется из памяти

через некоторое время. Фотографии могут передать вид, но только картины способны передать чувства.

Марк никогда не делился подобными фантазиями с Белль, поскольку точно знал, что она их не поймет. Яркая, стремительная Белль чувствовала себя в большом городе как рыба в воде. Магазины, рестораны, клубы, театры — вот что ей было нужно. Она, в отличие от него, не задыхалась смогом, умело разбавляя его ароматом тонкой сигареты, сидя где-нибудь на крыше пафосного ресторана. Какой уж тут домик в глуши? Кто будет ею восхищаться в лесу?

Вот Риту в подобном месте он представлял очень хорошо. Надо как-нибудь спросить у нее, поехала бы она или нет. Он почти не сомневался в том, что поехала бы.

Марк дошел на гостиницы и на мгновение остановился, решая, не пройтись ли еще немного, однако нога уже противилась подобным мыслям, поэтому он все же вошел внутрь. В холле было пусто, даже администратор куда-то ушла. Темноту разбавляла лишь небольшая настольная лампа на конторке. Он направился к лестнице, когда услышал мужской голос:

— Марк!

Марк обернулся, но не успел разглядеть зовущего, поскольку в этот момент ему на голову опустилось что-то тяжелое, мгновенно погрузив мир в темноту.

Глава 17

Ночь выдалась не из легких. Еще вчера днем было довольно тепло, а ближе к вечеру начался страшный ливень с грозой. Пациенты в отделении неврологии лежали в основном с повышенным давлением, поэтому отреагировали на такую резкую смену погоды остро. Всю ночь Рита с двумя дежурившими медсестрами меряла давления, раздавала таблетки и ставила капельницы. Вдвоем девчонки не справились бы, поэтому ей пришлось забыть, что в ее обязанности входит только назначение лечения, а не его выполнение. Не то что уснуть, даже прилечь не удалось ни разу.

Едва сдав утром смену, она поплелась в душ. Быстро ополоснуть уставшее тело горячей водой и ехать домой спать. Бабушка собиралась сегодня вернуться обратно на дачу, но наверняка обед ей еще приготовит. Они решили, что раз за прошедшие дни Никита так и не объявился, а телефон его по-прежнему оставался выключен, то он уже не приедет, по какой-то причине потеряв интерес к сержкам, а бабушка еще не все дела закончила в огороде.

Вместе с Никитой исчез и Марк. Они расстались два дня назад, он обещал позвонить и забрать машину, но так и не сделал этого. Рита дважды звонила ему сама, но он не брал трубку. Она терялась в догадках, но ехать в салон или к нему домой после произошедшего на даче отчего-то стеснялась. В ее собственных глазах это выглядело слишком унижительно. Если он не хочет с ней разговаривать из-за того, что она отказалась переспать с ним, то пусть проваливает. Значит, правильно отказалась. Не это ли смущало ее тогда? Она никак не могла избавиться от мысли, что он просто пользовался ситуацией, не испытывая к ней никаких теплых чувств. Иногда человека невозможно заставить быть хорошим, если он сам этого не хочет. Рите не нравилось так думать, но она допускала мысль, что ему очень комфортно в роли эгоистичной сволочи. И если бы не его машина во дворе, она бы даже не звонила.

Как ни странно, горячие струи не сняли усталость, а еще больше расслабили, и Рита уже раздумывала, не заказать ли такси. От больницы до ее дома не так и далеко, большой суммы не выйдет, но ехать общественным транспортом не было никаких сил. Идти пешком под проливным дождем тем более. Она включила воду чуть попрохладнее, чтобы ополоснуть волосы, и вдруг замерла от испуга: ей показалось, что в душевой кто-то есть. Она точно помнила, что заперла дверь, но какая-то неясная тень

только что прошла мимо матового стекла душевой кабины. Рита распахнула дверцу и быстро окинула взглядом укутанное паром помещение: то было совершенно пустым.

— Привидится же всякое от усталости, — вслух пробормотала она, отжимая волосы и заворачиваясь в большое шершавое полотенце.

Она не успела даже просушить волосы, как услышала тихий скрип двери в небольшом предбаннике между душевой и коридором, а затем и голос одной из дежуривших с ней медсестер:

— Маргариточка Санна, а можно я зайду?

— Конечно, Катя, заходите.

Молоденькая медсестра влетела в душевую и тут же начала раздеваться.

— Простите, ради бога, что я вот так, — на ходу говорила она, — но Виталик скоро приедет, а мне еще душ принять и накраситься надо.

Рита улыбнулась в ответ. О желании Катерины захомутать некоего Виталика знало все отделение, хотя этого таинственного парня не видели даже ближайшие подружки Кати. Старшая медсестра — дородная женщина с седыми, никогда не видевшими краски волосами — как-то со смехом обмолвилась, что это уже третий «Виталик» Кати за последние два года. И ни один захомутаться не соизволил.

— А вы как вошли? — спросила Рита, так и стоя в полотенце посреди душевой. В отличие от Кати, она стеснялась одеваться при посторонних. — Я забыла запереть дверь? — Это объяснило бы таинственную тень, хотя она предположить не могла, кто из сотрудников мог быть таким наглым.

— Не-а, — Катя швырнула свои вещи на скамейку и пулей дунула в душевую кабинку. — Замок еще вчера утром сломался. Алла Петровна просила Николаича починить, но вы же его знаете, он без ста грамм не разбежится, а Александр Сергеевич пригрозил всем ему не наливать. Мол, кто ослушается, останется без квартальной премии.

Катя включила воду, продолжая сыпать именами, но Рита уже не слышала ее. Быстро вытеревшись, она кинула полотенце в корзину для грязного белья и принялась одеваться. Она старалась не делать сильно горячую воду, но зеркало все равно запотело. Проведя по нему ладонью, Рита тут же шарахнулась назад. Из зеркала на нее смотрел Марк. Она резко обернулась, задев рукой расческу, но позади нее предсказуемо никого не оказалось. Когда она повернулась к зеркалу снова, то уже отражало только ее одну.

— Что случилось? — испуганно спросила Катя, приоткрыв дверцу кабинки.

— Расческу уронила, ничего страшного, — пробормотала Рита, стараясь унять бешено бьющееся сердце.

— Вы такая бледная, — сочувственно протянула Катя. — Езжайте домой, выспитесь. С непривычки, конечно, тяжело всю ночь пробегать.

Рита кивнула, все еще немного нервно оглядываясь по сторонам.

Когда она вышла на улицу, дождь уже немного стих. Адреналин, выбросившийся в кровь, прогнал сон и даже как будто снял усталость, поэтому Рита решила не только не брать такси, но и вообще не ехать домой. Ей нужно было срочно выяснить, что происходит с Марком, не просто же так он привиделся ей в зеркале. Это не было галлюцинацией, она точно знала. Это был сам Марк. И если он вдруг пришел к ней в виде... призрака, видения — она не знала, как это правильно назвать — значит, с ним наверняка что-то случилось. Она снова набрала его номер, придерживая зонт плечом, но на этот раз телефон оказался выключен. Нужно было срочно ехать в салон. Возможно, Лера или Ксения знают, что случилось.

Дождь в центре шел еще сильнее, чем на окраине. Потоки воды неслись по тротуарам, гонимые плохо работающей ливневой системой, и Рита решила дожидаться трамвая, чтобы подъехать чуть ближе и не промочить ноги окончательно.

На остановке толпилось очень много людей. Видимо, трамвая не было давно, что легко объяснялось огромной пробкой на Садовой. Пока она раздумывала, не пойти ли все-таки пешком, к остановке подъехал большой блестящий черный джип и остановился прямо возле нее. Стекло пассажирской двери плавно уехало вниз, показав водителя джипа. Им оказался старший брат Марка. Вот уж кого Рита не ожидала увидеть.

— Маргарита! — улыбнулся Франц. — Садитесь, я вас подвезу.

— Спасибо, — Рита качнула головой. — Я подожду трамвай.

— Бросьте, его будете долго ждать. Там авария на трамвайных путях. Садитесь.

Отказываться и дальше казалось Рите невежливым, к тому же она успела сильно замерзнуть, поскольку вчера утром, уходя на работу, оделась слишком легко. Она скользнула в уютный салон, быстро захлопнув за собой дверь, но дождь все равно успел зайти вместе с ней.

— Простите, я намочила вам салон, — виновато сказала она, но Франц только рассмеялся.

— Ерунда, высохнет. Куда вам?

— Апраксин переулок, дом пять.

Улыбка Франца на мгновение изменилась, из вежливой став презрительной, но он быстро вернул лицу прежнее выражение.

— Мне следовало догадаться. — Он вывел машину обратно на дорогу, нагло вклинившись перед какой-то маленькой машинкой отечественного производства, а затем снова спросил, уже не глядя на Риту: — Скажите, Маргарита, зачем вам мой брат?

— В каком смысле? — искренне не поняла та.

— Зачем он вам? Вы молодая, красивая девушка с хорошим образованием и приличной работой, а он безмозглый инвалид, изображающий из себя медиума.

— И вы считаете, что в нем нет ничего, за что его можно было бы любить?

— Мне сложно в это поверить.

— Вы плохо его знаете.

Франц рассмеялся.

— Напротив, я знаю его слишком хорошо.

На светофоре загорелся красный свет, вереница машин замерла, поэтому Франц повернулся к ней. Теперь на его лице не было улыбки, только довольно фальшивое сочувствие.

— И мой вам совет, Маргарита, бегите от него. Бегите, пока можете. Ничего хорошего вас с ним не ждет. Он эгоист. Любит только себя, никогда никого другого не любил и не будет.

— Даже вашу жену? — Рита сказала это прежде, чем успела подумать, и тут же пожалела о своей несдержанности. Голубые глаза Франца, совсем не такие, как у младшего брата, гораздо больше подходящие светлокожему блондину, превратились в два кусочка льда.

— Я смотрю, у него совсем не осталось совести, раз он теперь рассказывает об этом всем подряд, — холодно заметил он.

Рите захотелось извиниться, но она сдержала в себе этот порыв. Извинение будет выглядеть так, как будто ей жаль, но жаль ей не было.

— Возможно, я для него не все подряд? — предположила она, хотя вовсе не испытывала подобной уверенности. Но ведь для Франца она была его девушкой.

Он снова презрительно усмехнулся и посмотрел на дорогу, так как уже загорелся зеленый свет.

— Мне вас искренне жаль, если вы так думаете. Но раз уж вы все знаете, скажу вам еще кое-что. Марк не только эгоист. У него есть еще одна особенность: он счастлив, когда несчастен. Звучит странно, но так и есть. Возможно, в этом сложность его *творческой* натуры. С Ириной мы познакомились одновременно. На свадьбе у нашей двоюродной сестры, они были подругами. Марку тогда было восемнадцать, ей девятнадцать, а мне

двадцать три. И вы думаете, Марк обратил на нее внимание? Черта с два. Она ему понадобилась, когда вышла замуж за меня. Потому что какая же трагедия в том, чтобы встречаться со свободной женщиной? А вот запретная любовь с женой родного брата — это уже сложность. Препятствие, в котором можно черпать тонны вдохновения.

— В измене всегда виноваты двое, — упрямо сказала Рита. — Если Марку не хватало трагедии в любви со свободной женщиной, то чего не хватало вашей жене в счастливом браке с вами?

Она видела, как вздулась венка на шее у Франца. Наверное, не стоило злить его, однако она не смогла сдержаться.

— Она была молода и глупа. В двадцать лет, знаете ли, тянет на романтических мудаков. И талантливый художник, посвящающий ей картины, привлекает гораздо сильнее, чем успешный адвокат, оплачивающий шмотки.

— Почему же она вышла замуж за вас?

— Потому что он не предлагал. И знаете, что самое интересное? — Франц снова скривился. — Он не предлагал ей замужество даже тогда, когда они... встречались. Ему было удобно иметь ее в качестве любовницы, а не жены. Потому что про трагедию я вам уже объяснял. Но теперь это в прошлом. Ирина раскаялась, и я простил ее. Теперь у нас сын и счастливая семья, а Марк черпает вдохновение в других трагедиях. Впрочем, — на этот раз его ухмылка показалась Рите довольно мерзкой, — судя по тому, что с тех пор он больше не рисует свои картинки, видимо, не очень получается. Наверное, ему нужна новая муза, с которой можно страдать на пару? — Он резко свернул к поребрику и с усмешкой посмотрел на Риту.

Та сжала зубы, но ничего не ответила.

— В любом случае, надеюсь, я его больше не увижу, — закончил Франц.

Рита взяла сумочку и зонтик и вышла из машины.

— Спасибо, что подвезли, — сказала она прежде, чем захлопнуть дверь.

Салон неожиданно оказался закрыт, хотя на двери не было никаких предупреждений о том, что колдунья Ксения временно не принимает. Рита несколько раз подергала ручку, а затем вытащила телефон. На визитке, которую ей когда-то дал Марк, был указан номер телефона этой квартиры. Наверное, ей стоило позвонить сразу, как вышла из больницы, однако в тот момент она об этом почему-то не подумала.

Трубку долго никто не брал, а затем она услышала голос Леры:

— Алло?

— Привет. Это Рита.

— Ох, Рита! — в ее голосе неожиданно послышались слезы, что испугало Риту еще больше, чем видение Марка в зеркале сегодня утром. — Как хорошо, что ты позвонила!

— Что случилось?

— Ты можешь приехать?

— Я уже тут. Стою под дверями, но у вас заперто.

— Я сейчас открою.

Лера положила трубку, но не прошло и минуты, как повернулся замок, и дверь распахнулась. Лера выглядела растрепанной и взволнованной, и по красным следам на щеках Рита догадалась, что девушка плакала.

— Что случилось? — встревоженно повторила она, идя следом за Лерой по темному коридору.

— Марк с Ксенией пропали.

— В каком смысле?

Они вошли в магический салон, который сегодня совсем не походил на приемную колдуньи. Под потолком горела яркая лампочка, о существовании которой Рита раньше даже не подозревала. Освещенная искусственным светом, комната походила на декорации к странному фильму: темные стены оказались покрашены неровно, где-то темнее, где-то светлее, незажженные свечи не вызывали таинственного трепета, а хрустальных шар на столе походил на обычный сувенир.

— Позавчера они уехали куда-то под Тверь к колдуну, — сказала Лера, плюхнувшись в кресло. Рита осторожно села напротив нее, положив зонтик и сумочку на стол, отчего черная скатерть мгновенно намокла.

— Зачем?

— Ксения сказала, что один колдун может помочь избавить Марка от призрака старухи.

Рита удивленно вздернула брови.

— А почему она раньше этого не говорила?

Лера замялась и принялась ковырять ногтем скатерть.

— Она была чем-то там занята, и мы с Марком не посвящали ее в эти дела.

Рита еле сдержалась, чтобы не сказать что-нибудь резкое. Марк заставлял ее воровать ожерелье у родителей, она рисковала своей бабушкой — и все потому, что они ничего не сказали Ксении?! Она глубоко вдохнула и на мгновение прикрыла глаза.

— И что дальше?

— Вечером Марк позвонил мне, сказал, что они добрались до Дубков.

Это небольшой городок, рядом с которым живет этот колдун. И с тех пор от них ни слуху, ни духу. Телефоны у обоих выключены, хотя они должны были вернуться еще вчера. Мне кажется, что-то случилось.

Рита медленно кивнула. Теперь ей тоже так казалось. Она коротко рассказала Лере, что ей привиделось утром, и та испугалась еще сильнее.

— Это плохо, это очень плохо, — пробормотала она, потирая лицо руками.

— Почему ты так думаешь?

Лера посмотрела на нее, хотя из-за темных очков Рита не видела ее глаз.

— А ты сама подумай. Марк — медиум, но он не умеет выходить из своего тела, значит...

— Это еще ничего не значит, — перебила ее Рита. — Ты знаешь, куда они поехали? Как найти этого колдуна?

— Только примерно.

— Значит, поедem и попробуем разобраться на месте. Если они добрались до этих Дубков, возможно, кто-то их там видел. У меня сегодня и завтра выходной, попробуем узнать, что произошло.

Лера заметно повеселела и даже улыбнулась.

— Надо было сразу тебе позвонить, — сказала она. — Но я так растерялась.

Рита улыбнулась ей в ответ. Конечно, растерялась. Девочка, за которую всю жизнь все решали, просто понятия не имеет, как решать проблемы самостоятельно.

Они взяли билеты на ближайший Сапсан и уже через два часа сидели в поезде. Лера, до этого никогда в жизни не путешествовавшая на поездах, попросила сесть у окна и никак не могла замолчать от восторга. Казалось, она совсем забыла о том, что еще несколько часов назад металась в панике по салону и размазывала слезы по щекам. Теперь ей не надо было думать, что делать, за нее все решили, ей осталось только выполнять, поэтому она снова обрела душевное равновесие и могла удивлять пассажиров детскими восторгами.

Зато Рите до душевного равновесия было очень далеко. Проплывающие за окном на огромной скорости леса и деревни ее мало волновали. Мысли были заняты совсем другим. Почему Марк пришел к ней, а не к Лере? Просил о помощи? Знал, что Лера совершенно беспомощна, когда остается одна, и ничего предпринять не сможет? Или прощался? Нет, на прощание это не было похоже. Впрочем, Рита сама не

знала, на что похоже. Она корила себя за то, что испугалась и отпрянула от зеркала. Надо было понять, что он хотел. И жив ли еще. Но об этом она старалась не думать. Самое плохое случиться всегда успеет, пока надо думать о хорошем.

После того, как стюарды разнесли еду и напитки, и Лера заполучила стаканчик с кофе и холодный гамбургер, она немного успокоилась и принялась молча смотреть в окно. Рите кусок в горло не полез, хотя кофе она выпила. Голова после бессонных суток раскалывалась пополам. Уснуть в поезде у нее тоже не получалось, слишком много мыслей, и все они мрачнее друг друга, как ты ни уговаривай себя не думать о плохом.

— Лера, — наконец тихо позвала она, — а как ты думаешь, насколько возможен вариант, что с ними ничего не случилось, просто они решили... взять каникулы, отдохнуть от всех?

Лера непонимающе нахмурилась.

— В каком смысле?

— Ну... что у них роман, и они просто выключили телефоны.

Рита сама не знала, откуда у нее в голове появились подобные мысли, но раз уж решила рассмотреть все варианты, то и об этом тоже стоило подумать. Однако Лера, видимо, так вовсе не считала. Непонимание на ее лице сменилось удивлением, а затем и возмущением.

— Рит, ты что? Марк и Ксения? Она же старая!

— Сколько ей?

— Сорок шесть или сорок семь, я точно не помню.

— Разве же это старая?

— А разве нет? Слушай, я с трудом осознаю тот факт, что у нее в принципе есть поклонники, и они в своем возрасте еще занимаются сексом. А тут Марк... Ты что? Нет, с Ксенией Марк точно не стал бы.

Рита улыбнулась. Обычно девушки к возрасту Леры уже перестают считать всех, кто приближается к полувековому рубежу, забальзамированными фараонами, но Лера, всю жизнь прожившая взаперти, видимо, сильно отставала от сверстников в мышлении.

— То есть тебя особо не удивляет тот факт, что у Марка может быть роман с кем-то другим, главное, не с Ксенией? — зачем-то спросила она, ступая на очень зыбкую почву.

Лера несколько долгих секунд разглядывала ее, и Рита уже пожалела, что спросила. Вдруг она догадается, чем вызван ее вопрос? Нет, Рита не боялась ее. Возможно, потому что на ней Лера никогда не демонстрировала темные стороны своей фантазии, и она не понимала до конца, на что та способна. Но все же ссориться с ней не хотелось.

— Хочешь знать, чтобы я сделала, если бы у Марка появилась другая? — наконец спросила Лера, демонстрируя поразительную догадливость.

Рита кивнула. Раз уж начала, стоило идти до конца. Второй раз она может и не решиться.

— Порадовалась бы.

— В самом деле? — Рита ожидала какого угодно ответа, но только не этого.

— Если бы он любил эту другую, и эта другая любила его, я бы порадовалась за них и ушла с его пути.

— Но почему?

— А ты считаешь, я ему подхожу?

И вот теперь Рита пожалела еще больше. Она вовсе не считала, что Лера ему не подходит, но страстно этого хотела. Однако сказать ей подобное не могла. Как и солгать.

— Я слишком плохо вас знаю, чтобы судить об этом, — осторожно ответила она.

Лера рассмеялась.

— Брось, Рит, — она откинулась на спинку кресла и посмотрела на нее. — Ты уже достаточно хорошо нас знаешь, чтобы судить.

— И все же я предпочла бы не отвечать.

— Тогда хочешь, я отвечу за тебя? — И, не дожидаясь ее согласия, Лера продолжила: — Если есть на свете кто-то — ну, кроме Ксении, конечно — кто подходит Марку меньше всего, то это я.

Лера испытующе посмотрела на нее, словно ждала, что она подтвердит или опровергнет ее слова, и Рита не знала, чего она ждет больше. Иногда Лера удивляла ее: в большинстве своем оставаясь совершенно несамостоятельным ребенком, она порой проявляла столько мудрости и догадливости, что Рита не знала, как реагировать. В такие моменты Лера казалась ей какой-то ненастоящей, неправильной, как будто где-то сбилась программа Вселенной.

— Почему ты так считаешь? — спросила она.

Лера как будто только и ждала этого вопроса.

— Потому что даже если сейчас тебе кажется, что у нас много общего, то это не так. Общее у нас только одно. Ну ладно, два: психушка и магический салон. А так мы из разных миров. Он умный и образованный мужчина, выросший в хорошей семье, хоть я ее и терпеть не могу. Он много знает, много путешествовал. Упрямый, привык отстаивать свое мнение, получать то, что хочет. Иначе разве стал бы он художником в той

семейке? А кто я? Никому не нужная девочка, выросшая в четырех стенах, которая никогда в жизни не принимала самостоятельных решений. Абсолютно неприспособленная к жизни, которая даже билет на поезд купить не может. У меня нет друзей, нет родных, нет даже более или менее приличного образования. Хочешь правду? Я даже читаю по слогам и пишу с ошибками. Чем я могу зарабатывать себе на жизнь? Или «магией», или мошенничеством. Все.

— Марк говорил, ты быстро учишься, — улыбнулась Рита, испытывая причудливую смесь из жалости, облегчения и благодарности.

— Двадцать лет жизни, которые я провела в психушке, мне все равно не догнать. Он сейчас со мной, потому что это удобно. Не нужно тратить время и силы на завоевание девушки, на ухаживания, свидания и все в таком духе. Со мной ведь этого можно не делать, я и так есть, я и так его. — В ее голосе Рите на мгновение почудилась обида. — Захотел — приехал. Захотел — остался на ночь. Захотел — позвал на озеро. Не захотел — не приехал, не остался, не позвал. Иногда даже не позвонил. Но рано или поздно ему это надоест. И эта магия, и я. Или он встретит ту, на которую захочется тратить время и силы, ради которой захочется все изменить. Я это прекрасно понимаю.

— И ты отступишь? Я думала, ты его любишь.

— Я ему благодарна, — поправила ее Лера. — Он сделал для меня столько, сколько никто и никогда не делал. Я считаю его лучшим из людей и пойду на что угодно ради него. Но люблю ли я его? — Она пожала плечами. — Иногда мне кажется, что я вообще не умею любить. Я не знаю, что это. Меня никто никогда не любил и не научил любить в ответ. А благодарность подразумевает делать человеку так, как ему лучше. И если ему будет лучше с другой, я уступлю.

Рита молчала, жалея о том, что не знала этого три дня назад. Возможно, тогда Марк не уехал бы один. Разумная ее часть говорила, что она остановила его не только из-за Леры и что ничего не изменилось бы от того, ночевали бы они в одной постели или в разных. Дальше события все равно слились бы в одно русло: она ушла на работу, а он уехал с Ксенией, но Рита не слушала эту часть.

— Так что путь свободен, — заключила Лера, глядя на нее с грустной улыбкой. — Дерзай.

— О, я вовсе не это имела в виду, — смутилась Рита и отвела взгляд, хотя это ее не спасло: Лера и так знала, что это.

— Мое дело предложить, — пожала плечами она. — А дальше разбирайтесь сами.

До самой Твери они больше не разговаривали. Лера теперь молча смотрела в окно, а Рита чувствовала себя крайне неловко. Не стоило заводить этот разговор, хоть его результат и грел ее изнутри ласковым теплом. Быть может, Лера и согласна отойти в сторону, но вовсе не жаждет этого, Рита это видела. По крайней мере, сейчас она кому-то нужна, и ее наверняка пугает, что с ней станет, когда это изменится. Да и нужна ли сама Рита Марку, тоже большой вопрос.

Они успели на автобус до Дубков и спустя полтора часа оказались там. Солнце уже клонилось к закату, заливая тихие зеленые улочки желтовато-оранжевым светом. Сама того не зная, Рита, как двумя днями ранее Марк, вдруг подумала, как чудесно было бы жить в таком месте. Подальше от шумных улиц, толп людей, ярких витрин магазинов. Городок походил на большую деревню, сплошь застроенную деревянными домами, в огородах которых копались люди. Бабуля могла бы точно так же сажать свой огород и ухаживать за садом.

— И что будем делать дальше? — спросила Лера, прерывая ее мысли, когда все пассажиры, приехавшие вместе с ними, уже разошлись, а автобус уехал на стоянку.

— Нужно показать их фотографии кому-нибудь, — решила Рита, — возможно, кто-то их видел и узнает. У тебя есть фотки?

— Только Марка.

Лера вытащила из кармана смартфон и вывела на экран снимок, где они с Марком вдвоем улыбались в камеру. Судя по заднему фону, фотография была сделана где-то на лесном озере. Рита сразу вспомнила палатку в багажнике машины Марка и испытала острый укол ревности.

— Жалко, не подумали об этом еще в Питере, — пробормотала она, отводя взгляд. — Взяли бы с собой фотографию и Ксении.

Лера молча кивнула.

Первым делом они подошли к единственной кассе автовокзала, но женщина в окошке Марка не узнала.

— Если они сюда приехали, и это был их конечный пункт, то им незачем было подходить к кассе, — сказала она, увидев растерянность на лицах девушек. — Вам нужно искать в других местах. Куда они дальше собирались?

— Тут неподалеку есть хутор, — неопределенно ответила Лера.

— Тогда либо они сразу туда отправились, либо на ночь в гостинице остановились. Вы сходите туда, спросите, — сочувственно посоветовала кассирша. — Это через дорогу, синий дом двухэтажный, увидите вывеску.

Рита и Лера поблагодарили отзывчивую женщину и вышли на улицу.

Синий дом с обшарпанной вывеской «Гостиница» действительно находился через дорогу. И, к их общему счастью, женщина за столом администратора, заменявшего здесь стойку, Марка узнала. Однако что-то в ее взгляде заставило Риту насторожиться.

— А вы ему кто? — с подозрением спросила администратор.

— Я его сестра, а это его девушка, — быстро ответила Рита, кивнув на Леру.

— Он сюда со своей тетушкой приехал, и оба не отвечают на звонки, — добавила Лера.

Женщина помрачнела и в ее взгляде тоже промелькнуло сочувствие, но на этот раз смешанное с жадной посплетничать.

— Что случилось? — нетерпеливо спросила Рита. Плохое предчувствие внутри подняло голову еще выше, ее даже немного затошнило.

— Они приехали, сняли номера, — начала женщина, — а потом ушли поужинать. Это здесь, неподалеку. У Ваногрузина. Я отлучилась ненадолго, а когда вернулась, нашла вашего брата. Он лежал возле лестницы в луже крови.

Рита почувствовала, как немеют ноги. Стоять вдруг стало так тяжело, что она схватилась рукой за стол.

— Живой? — выдохнула где-то рядом Лера.

— Ну да, — в голосе администратора проскользнуло сожаление, словно ее порадовал бы другой исход, дающий еще больше поводов для сплетен, но она тут же смутилась. — В больницу нашу забрали.

— А Ксения?

— Она в тюрьме.

— В каком смысле? — не поняла пришедшая в себя Рита.

— Так ведь это она его... по голове... лампой. — Женщина кивнула на пустой угол стола, где, видимо, стояла лампа, ставшая для Марка роковой. Полиция, должно быть, забрала ее.

— Откуда вы знаете, что это Ксения, если вас тут не было? — недоверчиво уточнила Лера.

— Так полиция сказала. Свидетели видели, как она входила за ним следом. И отпечатки пальцев на лампе ее.

Рита и Лера переглянулись. Обе понимали, что это не может быть правдой, и им необходимо выяснить, что здесь на самом деле произошло.

— У вас будет свободная комната для нас? — спросила Рита, снова повернувшись к администратору.

Глава 18

В первую очередь они, конечно же, отправились в больницу. Время приближалось к вечеру, и в больнице как раз были часы посещений, поэтому они беспрепятственно вошли внутрь. Но дальше все оказалось не так-то просто. Стол справок представлял собой обычную женщину пожилого возраста, которая сидела на первом этаже за сильно пошарпанным старым письменным столом. Перед ней лежала книга в яркой обложке, в которой легко угадывался женский любовный роман. Спустив очки с толстыми стеклами на самый кончик носа, женщина увлеченно бегала глазами по строчкам.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась Рита, подходя ближе. — Нам нужно узнать информацию о пациенте.

Женщина тут же оторвалась от книжки и внимательно посмотрела на посетительниц.

— Это о каком же? — поинтересовалась она.

— Марк Гедеонович Гронский.

Она вытащила из ящика стола огромный толстый журнал, прошитый белыми нитками, и принялась неторопливо листать его. Рите хотелось вырвать этот журнал у нее из рук и самой найти нужную запись. Судя по переминающейся с ноги на ногу Лере, ее обуревали те же желания.

— А какое отделение?

Рита запнулась. Она понятия не имела, какие точно травмы были у Марка и в какое отделение его могли положить.

— Неврология или хирургия, наверное, — неуверенно предположила она, посчитав, что едва ли в этой маленькой провинциальной больнице существовало сильное разделение.

Женщина тут же оторвалась от журнала и уставилась на нее.

— Что же вы, не знаете, в каком он отделении? Вы ему вообще кто?

— Я его сестра, — начала терпеливо излагать уже придуманную ранее легенду Рита. — Нам позвонили и сказали, что кто-то ударил его по голове, и его отвезли в больницу. Это было позавчера. Мы приехали, как смогли. Его телефон выключен, возможно, села батарейка.

В глазах женщины промелькнуло выражение, говорящее о том, что она поняла, о ком речь. И это выражение отчего-то очень сильно испугало Риту. Ей показалось, что администратор в гостинице сказала им неправду или же сама не знала, как обстоят дела на самом деле. Даже если бы у Марка села

батарейка в телефоне, а в больницу его увезли без зарядного устройства, неужели он не нашел бы способ добыть необходимую вещь? Только не Марк, Рита была в этом уверена. Значит, дело не в севшей батарееке.

— В реанимации ваш брат, — сочувственно вздохнула женщина. — Черепно-мозговая травма, до сих пор не очнулся.

Рита услышала, как рядом испуганно ойкнула Лера.

— А мы... можем его увидеть? — спросила Рита, но тут же подумала, что это едва ли это возможно, раз он в реанимации. — Или хотя бы поговорить с лечащим врачом?

— Так идите в реанимацию, — с готовностью кивнула женщина. — Петр Николаич еще не ушел вроде бы, я не видела. Он вас и в палату пустит, небось, сестра же.

Рита кивнула, хотя не думала, что неизвестный ей Петр Николаич пустит ее в реанимацию, тем более у нее нет ни единого подтверждения о родстве с Марком, поскольку их и быть не может.

Реанимацией в этой маленькой больнице назывались четыре палаты в конце коридора, отгороженные от отделения хирургии лишь деревянной дверью, которая неожиданно оказалась распахнутой. Пока они шли по длинному коридору к ней, Лера выглядела испуганной и молчаливой, что само по себе еще больше усиливало впечатления от происходящего.

— Все плохо, да? — тихо спросила она, когда до двери оставалась пара шагов.

— Я пока не знаю, — напряженно ответила Рита, понимая, что боится переступить порог.

— Эта тетка на входе говорила так, как будто смерть Марка уже вопрос решенный...

— Я пока не знаю, — чуть более раздраженно повторила Рита. — Мне нужно поговорить с врачом, узнать точный диагноз. Возможно, договориться о транспортировке в более приличную больницу, понимаешь?

Лера молча кивнула, больше ничего не говоря.

Петр Николаевич Смолин нашелся в небольшом кабинете с надписью «Ординаторская», дверь в который тоже оказалась открыта. Как будто здесь проходной двор, а не реанимация.

— Проходите, — вежливо улыбнулся он Рите, когда она назвала себя.

Рита попросила Леру посидеть в коридоре на стуле, а сама вошла, прикрывая за собой дверь. Не нужно ей слышать всего, о чем они будут говорить. Она ничего не поймет, только испугается сильнее.

— К сожалению, у меня для вас не очень хорошие новости, Маргарита Гедеоновна, — начал врач, даже не спросив ее документов, — когда она

села в кресло напротив него. — У вашего брата тяжелая черепно-мозговая травма, проломлена затылочная кость, осколки которой повредили мозг. Он не дышит самостоятельно, плохо держит давление, сердцебиение сильно замедлено без препаратов. Мы сделали операцию, для этого вчера даже приезжали специалисты из Твери. Вытащили осколки, но о тяжести повреждения мозга пока говорить рано. К сожалению, у нас нет подходящего оборудования, а транспортировать его куда-то в ближайшее время невозможно, он этого не перенесет. Я бы на вашем месте... — он запнулся на мгновение, — готовился.

Рита кивнула, разглядывая какое-то невидимое пятнышко на столе и радуясь тому, что оставила Леру в коридоре. Она хотела попросить историю болезни, но решила, что ознакомится с ней чуть позже, когда они будут решать, что делать дальше. Возможно, для этого придется просить Леру помочь. Сейчас же ей просто хотелось поскорее увидеть Марка.

— Удар был сильный, — продолжил врач. — Думаю, били с целью убить. Полицейский сказал, что он приехал вместе с женщиной, которая это сделала, то есть знал ее.

Рита почувствовала на себе любопытный взгляд, которым их одаривали все, с кем пришлось общаться в этом городке. Наверное, для тихой провинциальной местности событие нерядовое.

— Я могу увидеть его? — спросила она, не подтверждая и не опровергая последние слова врача.

— Конечно, дальняя палата налево.

Рита поблагодарила его и вышла из ординаторской. Лера, ссутулившись, как будто ей на плечи уронили всю тяжесть мира, сидела на стуле, однако тут же подскочила на ноги.

— Ну что? — спросила она, торопливо следуя за Ритой и вглядываясь в ее лицо.

— Пока еще рано о чем-то говорить, — неопределенно ответила та, так и не найдя в себе сил сказать Лере правду. — У них нет необходимого оборудования, а транспортировать его сейчас куда-то слишком опасно. По крайней мере, так сказал врач. Я чуть позже хочу сама посмотреть историю болезни.

— И что, просто ждать?

— Иногда это лучшее, что можно сделать...

Рита замолчала, остановившись на пороге палаты. Наверное, к кровати Марка свезли все оборудование, какое только имелось в этой захолустной больнице. По крайней мере, он почти скрывался за трубками и мониторами. А то, что было видно, не внушало никаких надежд. И без того

светлокожий блондин, он сейчас казался таким бледным, что почти сливался с простыней, который был накрыт, только под глазами ярко алели синяки.

Рита с опаской покосилась на Леру, но та выглядела спокойно, только покусанные почти до крови губы выдавали ее волнение.

— Ты... ничего не можешь сделать? — едва слышно спросила она, поскольку медсестра, которая находилась в палате и деликатно вышла, когда они зашли, не отходила далеко, а стояла в коридоре у самой двери.

— А что я могу? — так же тихо ответила Рита. — Я не целитель. А врачебного опыта у меня гораздо меньше, чем у докторов этой больницы.

— А если... — Лера оглянулась на дверь и придвинулась к Рите еще ближе. — Ну... отключить все эти препараты? Он умрет, и тогда ты сможешь оживить его.

— Ты с ума сошла? — шепот Риты звучал возмущенно, а потому слишком громко. Любопытная медсестра тут же заглянула в палату, и Рите пришлось понизить голос еще сильнее. — Во-первых, я так и не знаю, как это работает. Что если у меня не получится?

— Но в прошлый раз же получилось.

— Во-вторых, все это не может не сказываться на Марке, — продолжила Рита, проигнорировав ее замечание. — Даже если мы пока не видим как, подобные опыты наверняка как-то влияют на него. А это будет уже третья клиническая смерть. Поверь, Лера, с такими вещами не шутят. Ну и в-третьих, даже если я смогу его оживить, я верну его практически в то же состояние, в котором он находится сейчас. Я всего лишь приведу его с той стороны, но здесь все останется по-прежнему.

Лера молчала, разглядывая бледное, чуть заострившееся лицо Марка.

— Но что-то же мы должны сделать, — упрямо сказала она.

— Пока лучшее, что мы можем сделать — это ждать. Я посмотрю историю болезни и позвоню своему главврачу, проконсультируюсь с ним. Может быть, мы все-таки найдем способ забрать его отсюда.

Лера кивнула, хотя по ее лицу Рита видела, что идея попробовать оживить его ей нравилась больше, чем ждать и надеяться на лучшее.

— Давай навестим Ксению, — предложила Лера.

— Это хорошая идея, — кивнула Рита. — Мне страшно интересно, что такого у них произошло, — в ее голосе проскользнули ледяные нотки. — Ты же сможешь провести нас к ней?

— Без проблем, — пожала плечами Лера, коснувшись рукой дужек очков.

— Только сначала история болезни. Возможно, здесь тоже понадобятся

твои способности.

Проводить с собой Риту для разговора с Ксенией Лера вовсе не собиралась. Лучше ей не слышать то, о чем они будут говорить. И Лере даже не пришлось выдумывать причину, по которой она не может взять с собой Риту. Едва только они вышли на улицу, как она почувствовала такое сильное головокружение и тошноту, что пришлось хвататься за стену.

— Лера!

Голос Риты донесся до нее как будто издалека. Пальцы крепко схватили за плечо, помогая удержаться на ногах.

— Все в порядке, — с трудом проговорила она, стараясь выровнять дыхание и удержать гамбургер из Сапсана в желудке. — Просто... голова кружится. И тошнит.

— Ты переволновалась.

Рита подвела ее к лавочке и усадила на нее, сама села рядом.

— Дыши. Спокойнее.

Лера кивнула, чувствуя, как тошнота понемногу проходит, хотя мир вокруг все еще вращался.

На изучение истории болезни Рите понадобилось всего десять минут, но уже тогда Лера чувствовала себя неважно, сидя в кресле перед врачом и демонстрируя ему пустой кабинет, пока Рита копалась в шкафу. Страшно хотелось заорать, затопать ногами от несправедливости происходящего, устроить настоящий ад хотя бы в мыслях, спустить его на всех, кто попадется под руку. Но вместо это приходилось думать о мертвой тишине реанимации. Возможно, ее теперь поэтому так тошнило.

— Ты знаешь, я вдруг подумала, — начала она, разглядывая песок под своими ногами, — что у меня никогда в жизни никто не умирал. То есть в клинике, конечно, люди иногда умирали, но я это не видела. Нам просто говорили: такой-то умер, но меня это никак не касалось. Мне не было до них никакого дела, как и им до меня. Когда мы проводили этот... эксперимент, чтобы Марк мог поговорить с Павликом, я это воспринимала скорее как игру. Я знала, что ты его вернешь, что все будет хорошо. А теперь... — Она всхлипнула и на мгновение задержала дыхание.

Рита подвинулась к ней ближе и обняла за плечи. Лера не удержалась, уткнулась ей в плечо и разрыдалась. Тихо, почти бесшумно. Она давным-давно научилась не плакать, чтобы не проявлять свою слабость, но сейчас не могла удержаться. Может быть, это и есть любовь? И она все-таки не просто благодарна ему?

В любом случае, думать об этом теперь было уже поздно. Лера

предала его, обменяла на возможность когда-нибудь завладеть вожаделенной бумажкой с адресом своих родителей. Доля ее вины в том, что произошло, тоже есть. И, возможно, довольно большая.

— Не стоит терять надежду, пока он еще жив, — сказала Рита, поглаживая ее по волосам. — Мы обязательно что-нибудь придумаем. Можно ведь рискнуть и перевезти его в Питер. Я поеду вместе с ним и, если что-то случится в дороге, смогу помочь.

Лера выпрямилась и посмотрела на нее.

— Да, ты права. Иногда из самых безвыходных ситуаций можно найти выход. Марк много раз так говорил, когда мы были в клинике. Пойдем, нам надо поговорить с Ксенией. Только... наверное, я пойду одна.

— Почему?

— Потому что я не знаю, сколько там будет человек, кому мне придется запудривать мозги. Голова все еще кружится, и я не уверена, что смогу удерживать видение. Будет лучше, если хоть кто-то из нас в случае форс-мажора останется на свободе.

Рита понимающе кивнула, освобождая ее из своих объятий.

— Да, конечно, — она улыбнулась. — Об этом я не подумала. Я подожду тебя на улице.

До местного отделения полиции они дошли довольно быстро, всего лишь один раз спросив дорогу. Лера не помнила, что она показывала немногочисленным полицейским, которые в это вечернее время еще находились на работе, и что говорила. Самое главное, что ее видения сработали, и уже спустя двадцать минут она шла по длинному полутемному коридору к камере в самом конце, где за решеткой находилась Ксения.

— Лера? — не то со страхом, не то с затаенной радостью спросила она, неуверенно поднимаясь на ноги с кушетки, на которой лежала, и тут же отступила на шаг назад, встретившись с ней взглядом.

Конечно же, Лера сняла очки сразу, едва вошла в отделение полиции, и теперь спустила на Ксению всю ту боль и отчаяние, которые испытывала с тех пор, как увидела Марка. Ксения плескалась в их волнах, захлебываясь и отчаянно отплевываясь, но Лера позволяла ей выплыть лишь на мгновение, а затем обрушивала на нее новую волну гнева. Тошнота наконец-то начала отпускать ее.

— Лера, стой! — крикнула Ксения, в очередной раз показавшись на поверхности.

— Зря потратила секунду не на вдох, — безэмоционально констатировала Лера, обрушивая на нее новую волну. Алую, как сама

кровь.

— Лера!

И снова волна. На этот раз побольше, чтобы долго не могла всплыть.

— Лера, пожалуйста!

Крики словно не долетали до стоявшей на берегу Леры. Однако убивать Ксению в ее планы не входило. Она погасила волны и вернула Ксению обратно в камеру. Только с потолка продолжал лить проливной дождь, который Лера не могла остановить, даже если бы захотела. Этот дождь шел в ее голове, и не было никакой возможности избавиться от него.

Ксения медленно поднялась с пола, мокрая с ног до головы, немного подрагивающая от холода, и со страхом посмотрела на Леру, стараясь не совершать резких движений, как будто та была опасным преступником с пистолетом.

— Лера, давай поговорим, — медленно предложила она.

— О чем нам с тобой говорить? — холодно спросила та. — Марк почти мертв. Рита пытается меня ободрить, но она хреновая актриса.

— Это не я, ты же знаешь.

— На лампе твои отпечатки пальцев. Для полиции это ты.

— Я могла трогать лампу, например, когда мы оформляли документы на комнаты, — Ксения заискивающе улыбнулась. Как побитая собачонка. Лере стало противно. Даже в самые плохие времена она сама ни перед кем не унижалась.

Она несколько секунд молча раздумывала над словами Ксении, а затем медленно кивнула.

— Зачем вы сюда приехали? — спросила она. — Ведь не для того, чтобы колдун избавил Марка от старухи. Я больше не верю в это.

— Почему?

— Потому что если бы колдун был в принципе на это способен, ты привезла бы Марка сюда еще до того, как мы вмешали во все Риту. Еще тогда, когда его преследовал Павел. Мы испробовали все, что могли, но ты ни разу не упомянула колдуна.

Ксения кивнула, окончательно выпрямляясь и уже не обращая внимания на льющийся сверху дождь.

— Тогда я об этом не подумала, вспомнила о нем позже. Я не исключаю возможности, что колдун сможет помочь, поэтому и взяла с собой Марка, но ты права, поехала я сюда не из-за этого.

— А из-за чего?

— Карты привели меня к нему. Они сказали, что старый друг может помочь справиться с самой главной моей проблемой. И я подумала на

колдуна. Нет у меня больше старых друзей, способных на такое. Только он.

Лера надолго замолчала, обдумывая услышанное.

— Думаю, Никита как-то узнал об этом и решил проблему таким вот образом, — закончила Ксения, так и не дождавшись ее ответа.

— Посадив тебя в тюрьму? Сомнительное решение.

— Возможно, у него не было другого выхода, это могло быть спонтанным решением. Откуда же мне знать?

Лера на несколько секунд прикрыла глаза, чувствуя в себе непреодолимое желание спустить на Ксению еще одну кроваво-красную волну.

— Почему ты не позвала меня? — наконец спросила она. — Я бы смогла отвлечь его.

Ксения пожала плечами.

— Он давно не появлялся, и я подумала, что успею съездить без тебя.

— Молодец, съездила, — язвительно отозвалась Лера, а затем придвинулась к решетке вплотную. — Если Марк из-за тебя умрет, будь уверена, ты умрешь следом. И твоя смерть будет намного мучительнее, уж поверь мне.

Ксения прищурила глаза, и Лере показалось, что она сейчас снова велит не угрожать ей, но она сказала другое:

— Вытащи меня отсюда, поедem вместе к колдуну. Может быть, он сможет помочь, если Рита не может.

— Нет, — Лера покачала головой. — Нет, ты останешься за решеткой. Так будет безопаснее.

— Он не убьет меня.

— Можно подумать, я за тебя переживаю. Он убьет нас, если ты будешь с нами. Просто скажи, как найти этого колдуна, мы с Ритой съездим сами. Если он поможет, пусть Марк сам решает, что с тобой делать.

— Ты все ему расскажешь?

— Это следовало сделать уже давно. Таким, как ты и твой Никита, не место на свободе.

Ксения несколько долгих секунд смотрела на нее, видимо, взвешивая все за и против, а затем медленно кивнула.

— Хорошо, поступим так.

Глава 19

К хутору, где жил знакомый колдун Ксении, они добрались лишь к двум часам следующего дня, поскольку, переночевав в гостинице, с самого утра отправились в больницу проведать Марка. На этот раз испытывать доброту врача не стали и зашли сами. Отдохнувшая и успокоившаяся Лера без труда смогла продемонстрировать всем окружающим пустые и сонные коридоры больницы. Состояние Марка оставалось прежним, и это внушило Рите некоторую надежду на то, что он, по крайней мере, их дождет. Главное, чтобы колдун действительно мог помочь, чтобы надежда, которую дала им Ксения, не оказалась пустым звуком в попытках оправдать себя.

Рита не знала, каким образом Лере удалось узнать у полиции подробности дела, но, по их словам, все обстояло так: Марк ушел чуть раньше, а Ксения еще немного задержалась, что подтверждал и хозяин кафе. Она допила чай, рассчиталась и ушла примерно через семь минут после Марка. Гостиница находилась недалеко, но она все равно успела добраться до нее почти одновременно с ним. Мужчина, живущий по соседству, курил во дворе и видел, как молодой блондин с тростью вошел в гостиницу, а за ним бегом бросилась высокая темноволосая женщина. Он даже подробно описал ее одежду. Что произошло между ними дальше, установить было невозможно, поскольку свидетелей не нашлось, а Марк, по понятным причинам, показания дать не мог, но в какой-то момент Ксения схватила со стола администратора тяжелую бронзовую лампу и ударила ею Марка по голове. Затем она преспокойненько вернулась в свою комнату, приняла душ и легла спать. Там ее и обнаружила полиция.

Сама же Ксения все отрицала. По ее словам, покинув кафе, она решила прогуляться по тихому ночному городу, а в свой номер вернулась через задний вход, ключи от которого им дала администратор, поскольку на ночь центральный вход закрывался изнутри. Она не видела полиции в холле, ничего не знала о том, что произошло. Поэтому, вполне естественно, приняла душ и легла спать.

Полицию во всем этом смущало только то, что на ее одежде не было крови, но они посчитали, что других улик все равно достаточно для задержания.

Рита не хотела сейчас разбираться, что, как и почему произошло, ей было важно найти колдуна и попросить его о помощи.

Заявленные семь километров от автобусной остановки до хутора

превратились в десять, поскольку они умудрились пройти нужный поворот и опомнились, лишь когда дошли до ближайшей деревни. Оттуда их до поворота на хутор подвез какой-то местный мужик, который как раз собирался в город. К самому колдуну он поворачивать не стал, заявив, что местные предпочитают держаться подальше. Даже когда он заходит в деревню в магазин или еще по какой причине, стараются побыстрее разминуться с ним.

— Только Нюрка, бедная, вынуждена каждый месяц к нему заезжать, — охотно делился с девушками мужик. — Почтальонша наша, пенсию ему отвозит.

— И что, он ее как-то обижает? — поинтересовалась Рита.

— Пусть только рискнет! — мужик помахал кулаком в воздухе. — Быстро с ним разберемся.

Девушки только переглянулись. Обе были почти уверены, что колдун ведет себя спокойно и вежливо, не позволяя себе глупостей с местными, но его боятся, а потому не любят. Лера лучше всех знала, как это обычно бывает.

— Так что вы там аккуратнее, — посоветовал мужик, высаживая их возле поворота. Ему они представились по старой доброй традиции социальными работниками, которых обязали посетить пожилого человека.

— Обязательно, — нетерпеливо пообещала Лера. — Никогда не пойму, почему люди так не любят всех, кто умеет что-то, что не умеют они? — пробормотала она, когда старый драндулет скрылся из виду.

— Если бы все не любили, разве у вас было бы столько клиентов? — поддела Рита.

— Можно подумать, они нас любят, — фыркнула Лера. — Они нам — деньги, мы им — ответы на вопросы, которые они нигде больше не смогут получить. Обычные товарно-денежные отношения, как говорит Ксения. Для любви здесь места нет.

Рита молча кивнула, не став ничего отвечать. Наверное, ее отношение к одному известному ей медиуму действительно исключение из правил.

Дорога постепенно превратилась в узкую тропинку, затерявшуюся между высоких сосен, но спустя пару километров они наконец пришли к хутору. Сначала среди деревьев показался большой, но уже изрядно потрепанный жизнью и временем сарай. Крыша у него прохудилась и опасно провисла посередине. Еще несколько лет без ремонта — и совсем обвалится. На больших двустворчатых дверях висел тяжелый амбарный замок, который уже успел поржаветь: видимо, его очень давно не открывали. Это же подтверждали и такие же поржавевшие и уже начавшие

врастать в землю вилы недалеко от двери.

Девушки обогнули сарай с некоторой опаской, как будто боялись, что замок сейчас откроется, старые двери распахнутся, выпустив на волю из заточения что-то страшное.

Дом оказался в ненамного лучшем состоянии. Деревянные стены, никогда не видевшие краски, были изъедены жучками, крыша просела не так сильно, как на сарае, но вскоре грозила оказаться в таком же состоянии. Два небольших окошка были такими грязными, что едва ли пропускали солнечный свет. Входная дверь оказалась плотно закрыта, но не заперта. По крайней мере, снаружи.

Рита опасливо огляделась по сторонам и замерла, чуть не доходя до порога.

— Боишься? — насмешливо поинтересовалась Лера, хотя у самой глаза были, как у кошки, увидевшей добычу.

— Опасаюсь, — не стала отпираться Рита. — А как его зовут? — вдруг спросила она, осознав, что не выяснила этот вопрос раньше.

— Архип Степанович. Но Ксения сказала, что звать его стоит просто дедом Архипом. Он так больше любит.

Рита кивнула, теперь понимая, почему Ксения вчера предупредила Леру, чтобы они купили каких-нибудь продуктов, а не предлагали колдуну деньги. Если хозяйство деда Архипа находится в таком плачевном состоянии, едва ли у него остались силы, чтобы таскать из магазина, находящегося за несколько километров, много продуктов. Большое количество еды они покупать не стали, решив, что тащить на себе будет тяжело. Если колдун согласится помочь и поедет с ними в город, там и обеспечат его благодарностью, отправив назад с кем-нибудь на машине.

Подойдя к дому, они постучали сначала в дверь, а затем и в окно, но никто не спешил пускать их внутрь.

— Кажется, там никого нет, — объявила Лера, прижавшись носом к стеклу и прислонив к лицу ладони, чтобы было лучше видно. — Может, ушел куда-то?

— Не заперев дверь? — усомнилась Рита.

— А кого ему бояться? Здесь вокруг ни души, а деревенские боятся к нему ходить. И потом, — Лера соскочила с бревна, на котором стояла, и огляделась по сторонам, — он же колдун. Может, какую-то магическую защиту поставил, чтобы никто не вошел. Мы это сейчас проверим.

Она толкнула входную дверь, и та с натужным скрипом отворилась.

— Лера, стой! — Рита схватила ее на предплечье. — Наверное, не стоит входить внутрь, пока нас не позвали.

— Да ладно тебе, мы же только посмотреть. Вдруг он спит?

— Днем?

— И что?

Рита пожала плечами, несмело входя за Лерой в темные сени. Здесь пахло чем-то затхлым, давно немытым телом и нестиранными вещами. Если бы с девушками был Марк, он наверняка уловил бы и еще один едва заметный запах, но они ничего не почувствовали. И только когда аккуратно открылась еще одна дверь, ведущая из сеней в сам дом, Лера шагнула внутрь первой и тут же испуганно отпрянула назад.

— Что там? — спросила Рита, которая так и стояла в темноте сеней. Глаза еще не привыкли к свету, а потому она не сразу разглядела лежащего на полу старика в луже крови.

— Твою мать... — выругалась рядом Лера. — Не успели.

Рита потратила несколько секунд на пару вдохов, чтобы привести себя в чувство, а затем шагнула в комнату. Старик, безусловно, был мертв. Широко распахнутые глаза, безжизненно смотревшие в потолок, уже подернулись пеленой, но она все же присела возле него, коснувшись рукой расписанной морщинами шеи. На вид колдуну было лет сто, если не больше. Покрытые щетиной щеки ввалились внутрь, через чуть приоткрытый рот виднелись остатки гнилых зубов.

— Кто мог это сделать? — пробормотала Рита, все еще разглядывая мертвое лицо.

— Да мало ли кто, — слишком нервно отозвалась Лера. — Мы уже поняли, что его в округе не сильно любили.

Рита поднялась на ноги и осмотрелась. Убранство комнаты состояло из старой печи, возле которой, несмотря на лето, лежала вязанка дров, лавки возле нее, и стола с двумя табуретками возле окна. На столе на нескольких щербатых тарелках лежали кусочки уже заветревшейся вареной колбасы, дольки помидоров и пара краюх хлеба. Возле окна стояла погасшая керосиновая лампа. Ксения была права, когда говорила, что даже электричества у колдуна нет. Два мутных стаканчика и полупустая бутылка водки выдавали, что перед смертью дед Архип принимал гостя. Видимо, ужин или обед — что бы это ни было — и закончился для него ударом топора по голове. Топор лежал тут же, в углу.

— Ничего не трогай, — велела Рита Лере, хотя та так и стояла возле двери, не делая и попытки подойти к труп. — Не стоит оставлять здесь свои отпечатки.

Рита собиралась заглянуть во вторую комнату, но настороженный голос Леры остановил ее:

— Рит, нам нужно срочно уходить.

— Что? — Рита обернулась, только сейчас обращая внимание на бледный вид спутницы. Та стояла, обхватив себя руками, и заметно дрожала. — Почему?

Лера молча кивнула в сторону окна. Рита перевела взгляд туда, куда она показывала: над окном в стене ровной полосой торчали не то иголки, не то булавки.

— И там... — Лера указала на дверь.

Рита медленно обернулась вокруг своей оси, понимая, что иголками усеяны все стены, имеющие какие-либо отверстия на улицу. Они торчали даже вокруг печи. Видимо, из-за дымохода, через который на улицу мог попасть кто-то маленький и юркий. Или бестелесный.

— Что это? — спросила она, чувствуя, как внезапно сел голос.

— Защита... — Лера тяжело сглотнула. — Защита от проникновения злых духов. Только здесь, похоже, она действует наоборот. Тот, кто убил деда Архипа, хотел, чтобы его душа не покинула пределы этого дома.

— То есть... он все еще здесь?

— Да.

Словно в подтверждение этих слов, со стола съехала одна из рюмок и с оглушающим грохотом упала на пол, но не разбилась. Толстые стенки выдержали падение. Рита вздрогнула, не сдвинувшись с места.

— Тогда, может... мы сможем уговорить его помочь нам, несмотря на то... что он уже умер?

— С ума сошла? — в голосе Леры послышалось раздражение. — В первые дни души людей, погибших насильственной смертью, меньше всего расположены кому-то помогать. Идем. Только очень медленно. Он уже заметил наше присутствие, но пока еще не проявляет агрессию. Можем успеть.

Напуганная ее словами, Рита медленно двинулась к двери, забыв смотреть под ноги. И когда Лера уже вышла в сени, Рита запнулась ногой о стакан. Тот отлетел к стене и стал словно спусковым крючком. Мгновение спустя дверь между сенями и комнатой захлопнулась, разделив девушек.

Рита навалилась всем телом на дверь, а Лера тянула ее с другой стороны, но она не поддавалась. Словно невидимая сила тянула ее в обратную сторону. Рита не слышала, как с пола поднялся тяжелый топор, и только какой-то древний инстинкт заставил ее отпрыгнуть в сторону, когда он просвистел у самого ее лица, ударившись острием в дверь.

— Рита, иголки! — закричала с той стороны Лера. — Вытащи иголки! Выпусти его из дома!

Не думая о том, что собирается выпустить на волю агрессивный призрак мощного колдуна, Рита взлетела на стол и принялась дрожащими пальцами вытаскивать из стены иголки, бросая их вниз. Она не собиралась жертвовать собой ради того, чтобы задержать дух деда Архипа в доме. Если он хочет отомстить своему убийце, тем хуже для того.

В тот момент, когда последняя иголка над окном упала на стол, входная дверь с грохотом распахнулась, отбросив Леру в противоположную сторону. Рита спрыгнула со стола, и обе спустя несколько секунд оказались во дворе.

— Черт побери, чуть не вляпались, — тяжело дыша, пробормотала Лера, отбежав на приличное расстояние от дома.

— Что... что это было? — испуганно спрашивала Рита, упираясь руками в собственные колени.

Рюкзак за спиной стал во сто крат тяжелее, но она только сейчас вспомнила о его наличии. Хорошо, что не сняла в доме. Едва ли она вспомнила бы о нем, убегая, а возвращаться в дом, даже если призрак оттуда уже убрался, было выше ее сил. И тогда не стоит даже гадать, кто стал бы первым подозреваемым в убийстве старого колдуна.

— Что было, что было, — передразнила ее Лера. — Добро пожаловать в наш мир, детка.

— Я в нем не первый день, — уязвленно заметила Рита. — Выходит, что убийца деда Архипа не только хотел его убить, но еще и призрак заточить?

— И правильно хотел. Держу пари, теперь ему недолго жить осталось. Пойдем отсюда.

Не дожидаясь ее ответа, Лера развернулась и торопливо направилась в ту сторону, откуда они пришли. Рита еще раз оглянулась на мрачный темный дом. Что теперь делать с Марком, она не представляла.

— Попробуй!

— Лера, я не умею этого делать.

— Откуда ты знаешь, если не пробовала?

— Я даже... не представляю, с чего начать. Что делать. Понимаешь?

— А что ты делаешь, когда возвращаешься из мертвых?

Рита задумалась. Они спорили уже несколько минут, стараясь не повышать голос, чтобы их не услышали в коридоре.

Вернувшись из своего неудачного похода к колдуну, они первым делом направились в больницу к Марку. Рита не имела ни малейшего понятия, что именно показала Лера медсестре в палате, почему та ушла и до сих пор не

возвращалась, но это было и не важно. Главное, их оставили одних.

Показатели оставались на прежнем уровне, и если утром это вселяло надежду, то что делать теперь, Рита не знала. Колдун мертв, помощи больше ждать неоткуда. Тогда-то Лере и пришла в голову идея, что она может попробовать исцелить его. Сама же Рита была уверена, что делать этого не умеет. До тех пор, пока Лера не задала ей этот вопрос.

— Ну... — Она нахмурилась, вспоминая свои ощущения в тот момент, когда пыталась вернуть Марка *оттуда* около месяца назад. — Если честно, я тоже плохо понимаю, как это делаю. Просто прикладываю руки к голове, а потом внутри меня как будто рождается клубок энергии. Распространяется по всему телу и переходит в того, кого я хочу вернуть.

— Так попробуй сделать так же сейчас, — предложил Лера. — Вдруг получится?

— Главврач моей больницы обещал узнать о возможном переводе в Питер, — все еще сопротивлялась Рита, словно предчувствуя что-то нехорошее.

— И когда это будет? — не сдавалась в свою очередь Лера. — Завтра? На следующей неделе? Через год?

Рита молчала.

— Рит, чем мы рискуем? Попробуешь — не получится, окей, будем давить на твоего главврача. Я лично наведаюсь к нему в гости. Но если ты не попробуешь ему помочь, и он умрет, не дождавшись помощи, ты сможешь себе это простить?

Рита вздохнула. Теперь ей было нечего возразить.

— Ты права, — кивнула она. — Я попробую.

Лера улыбнулась.

— Вот и отлично. Пробуй, а я послежу, чтобы тебе никто не помешал.

Она сняла очки и вышла в коридор, тем не менее оставаясь возле приоткрытой двери. Рита еще несколько секунд смотрела на неподвижное обескровленное лицо Марка, а затем потерла ладони друг о друга и подошла ближе.

«Мы ничем не рискуем», — мысленно повторила она себе, хотя почему-то казалось, что она рискует очень многим. Просто пока не понимает, чем именно.

Ладони легли с двух сторон его головы, и почти сразу она ощутила легкое покалывание. Словно из его висков исходил едва заметный электрический ток, проникал сквозь кожу в ее тело и по сосудам струился к голове. Это совсем не походило на те ощущения, которые она испытывала, возвращая его к жизни. Тогда энергия шла от нее к нему, сейчас же все

было наоборот.

Электрический ток попадал в черепную коробку и скручивался в тугой узел. Все новые и новые нити увеличивали его, и Рита почувствовала, как начинает болеть голова. Боль была распирающей, словно энергия занимала какое-то пространство, вытесняя все то, что ей мешало. Рита сжала зубы и попыталась дышать ровнее и глубже, но каждая новая ниточка в клубке только усиливала боль, и вскоре голова болела так сильно, что темнело в глазах. Она попыталась отнять руки, но те словно приклеились к Марку. Ей казалось, еще немного — и она упадет в обморок от невыносимой боли, но даже повернуть голову в сторону, чтобы дать понять Лере, что ей необходима помощь, она не могла.

В глазах стало совсем темно, очертания лица Марка потускнели, и Рита медленно осела на пол, хотя оторвать руки от его головы так и не смогла.

Что происходило дальше и сколько это продолжалось, она помнила плохо. Просто в какой-то момент темнота вокруг наполнилась голосами, которые доносились откуда-то издалека и которые она никак не могла распознать.

— Посади ее.

— Куда?

— Черт. Давай сюда.

Чьи-то руки подхватили ее и куда-то потащили, но ощущения были странными: словно ее тело почти полностью потеряло чувствительность.

— Как она?

— Почему я знаю?

— Посмотри пульс.

— Как?

— Твою мать, Лера...

Рита несколько раз медленно моргнула, каждый раз улавливая перед собой лица, которые казались ей смутно знакомыми, но она опять же не могла их узнать.

— Рита? Рита, слышишь меня?

Серебристый клубок в голове начал медленно разматываться, давление постепенно становилось не таким сильным, и Рита наконец смогла разглядеть перед собой бледное лицо с карими глазами, на которые падала светлая челка.

— Марк? — едва слышно прошептала она.

— Тихо, — велел он, улыбаясь, — молчи.

Она попыталась растянуть губы в ответной улыбке, но те словно

онемели и слушались плохо.

— Как ты? — спросил Марк.

— Что случилось?

Она вдруг поняла, что лежит на его кровати. Скорее даже на нем самом: он сидел, прислонившись к изголовью, а она лежала в его объятиях, прижимаясь к нему спиной. И между ними было лишь тонкое одеяло. Она слышала стук его сердца, поскольку ее голова оказалась как раз на его обнаженной груди.

Чертов серебристый клубок в голове. Он развеялся слишком рано, вернув ей способность думать и заставив покраснеть.

Она попыталась встать, но Марк тут же прижал ее к себе.

— Лежи. Не шевелись.

Перед ее глазами появилось испуганное лицо Леры.

— Кажется, ты потеряла сознание, — сообщила она. — Я стояла в коридоре, а потом увидела, как ты лежишь на полу.

— О, — только и смогла сказать она, вспоминая последнее, что помнила перед обмороком. — Голова болела очень сильно. Как будто это меня по ней ударили.

— Зато у нас все получилось.

Рита кивнула и снова закрыла глаза, наслаждаясь тем, что лежит в объятиях Марка. И тем, что просто лежит. Только сейчас она поняла, как сильно устала за последние дни. Закончившееся вчера утром дежурство казалось уже прошлым годом. Однако жалеть себя было не самое подходящее время, поэтому ей все же снова пришлось открыть глаза.

— Отпусти, — попросила она, — я уже хорошо себя чувствую.

Марк разжал руки, и она наконец смогла сесть, хотя перед глазами все на мгновение поплыло.

— А ты как? — спросила она, отодвигаясь чуть дальше, чтобы восстановить приличное расстояние.

— Прекрасно, как будто и не было ничего, — заверил он. — Спасибо тебе.

— Я же говорила, что ты сможешь, — улыбнулась Лера.

Рита кивнула, хотя повторять подобное не стала бы ни за что. По крайней мере, в данный момент.

— Марк, что случилось? — Рита посмотрела на него и наконец задала тот вопрос, который волновал ее со вчерашнего вечера. — За что Ксения тебя ударила?

Тот непонимающе нахмурился, посмотрел сначала на нее, затем на Леру, но у той на лице читался этот же вопрос.

— Ксения? — недоверчиво переспросил он. — При чем здесь Ксения?
— Обвиняют ее, — сказала Лера.

Марк снова перевел недоверчивый взгляд на Риту, как будто считал, что они его разыгрывают.

— Это не Ксения, — наконец сказал он, — вы что?

— Есть свидетели, которые видели, как она входила в гостиницу следом за тобой. На лампе, которой тебя ударили, отпечатки ее пальцев, — пояснила Рита.

— Нет, — Марк уверенно качнул головой. — Это был мужчина.

— Мужчина? — переспросила Лера. — Ты видел его?

— Нет. Я вошел в гостиницу и почти дошел до лестницы, как кто-то окликнул меня по имени. Обернуться уже не успел, он ударил сзади.

Рита вдруг почувствовала, как неприятно засосало под ложечкой. Как наяву она услышала голос Франца Вебера:

«Надеюсь, я его больше не увижу».

Ведь в тот момент, когда он это говорил, Марк уже лежал в коме. Сколько времени нужно, чтобы вернуться отсюда в Питер? Полдня на поезде, а на машине — так еще быстрее.

— Ты узнал этот голос? — спросила она, стараясь не выдать своих чувств.

Марк на мгновение задумался.

— Вроде бы нет, но... Все произошло так быстро, мне кажется, даже если бы я его знал, то не успел бы сообразить. Но это точно был мужской голос, это не Ксения.

— Ну ладно, — Лера поправила очки на носу и посмотрела в сторону выхода. — Разберемся потом. А сейчас предлагаю сматываться. Где тут твоя одежда?

Марк посмотрел на себя, словно только сейчас замечая, что на нем нет одежды, а ноги прикрывает лишь тонкое одеяло.

— Ему лучше остаться здесь, — заявила Рита прежде, чем он успел что-то ответить. — Если из реанимации пропадет человек в коме, это будет чрезвычайное происшествие. На уши поставят весь городок. А если учесть, что к нему приходили только мы... Мы сейчас просто уйдем, а ты позовешь врачей, — она посмотрела на Марка, словно хотела убедиться, что он не попытается ей возразить. — Все будут думать, что ты сам пришел в себя. Поскольку чувствуешь ты себя хорошо, все показатели в норме, можешь настаивать на выписке. Они, конечно, едва ли согласятся выписать тебя быстро, но через несколько дней, думаю, уже выйдешь.

Марк нахмурился, всем своим видом показывая, что этот план ему не

слишком нравится, но возражать действительно не стал.

— А что с Ксенией? — он вопросительно посмотрел на Леру. — Ты сможешь вытащить ее?

— Постараюсь, — кивнула та. — Нужно только тщательно продумать, что показать ментам, чтобы они ее выпустили и не объявляли в розыск.

— Мы что-нибудь придумаем, — пообещал Марк. — Нам же еще к колдуну ехать.

Рита и Лера испуганно переглянулись.

— В чем дело? — спросил Марк, заметив их взгляды.

— Колдуна убили, — наконец призналась Лера.

— Что?!

— Завтра, все завтра. Тебе нужно отдыхать, — велела ему Рита. — И мне бы тоже не помешало.

Глава 20

Рита была вынуждена вернуться домой вечером того же дня, когда Марк пришел в себя. На субботу у нее по графику стояло дежурство, а терять с таким трудом найденную работу ей не хотелось. Все жизненные показатели Марка говорили о том, что помощь ему больше не нужна. Даже если бы она рискнула снова повторить подобный эксперимент.

Каждый день она звонила ему, и разговоры становились все длиннее. Она никогда не подозревала в нем такого любителя поболтать, но он отчаянно скучал, а Лера не могла проводить с ним все дни напролет, поскольку он по-прежнему находился в реанимации, хоть в этом и не было особой необходимости. Застилать глаза медицинскому персоналу несколько часов подряд Лера не могла. По словам Марка, она не умела так долго держать в голове безобидные картинки в виде пустого коридора и мирно спящего на кровати пациента, постепенно скатываясь в кошмары. Марк со смехом рассказывал ей, с каким визгом однажды вылетела из его палаты медсестра, увидев приближающегося к ней огромного тарантула. Впрочем, Риту удивляло уже то, что ему разрешали держать в реанимации мобильный телефон. Хотя порядки в той больнице показались ей странными с самого начала.

Им даже не пришлось особенно напрягаться, чтобы вызволить из тюрьмы Ксению. Очнувшаяся жертва нападения, давшая показания, что на нее напал неизвестный мужчина, а не хорошо знакомая женщина, стала лучшим способом избавиться от заключения.

Марка выписали только через неделю, в следующую пятницу. Так долго его держали потому, что никто из врачей не мог понять, каким образом ему удалось очнуться и так быстро выздороветь. Снимки больше не показывали ни гематом, ни повреждения головного мозга, а по жизненным показателям его вполне можно было отправлять в космос. Если бы, конечно, не нога. Врачи как будто все время ждали какого-то подвоха. И лишь убедившись, что он не собирается снова впадать в кому, наконец отпустили домой.

Они договорились, что Рита приедет к нему завтра. Вместе немного прогуляются и подумают, что делать дальше. На самом деле она была готова поехать к нему уже сегодня, поскольку сильно соскучилась, но с дачи должна была вернуться бабушка, которую она тоже не видела почти две недели.

По дороге с работы Рита заскочила в магазин купить чего-нибудь к чаю. Если доверить это дело бабушке, она купит самое сладкое и вредное. Поэтому домой она пришла поздно: бабуля уже была там.

— Привет, дорогая! — Вера Никифоровна расцеловала внучку в обе щеки, а потом скептически посмотрела на диетическое печенье. — Завтра испеку пирог со смородиной. Я привезла целую корзину красной, надо ее активно есть, пока не испортилась.

— Почему не сказала, что будешь что-то везти? — мгновенно нахмурилась Рита. — Я бы тебя встретила.

— Меня сосед привез, — нетерпеливо отмахнулась бабушка. — Витя. Ты его знаешь. И корзину помог донести. Так что не переживай. Надо только утром за сахаром и мукой сходить, а то у тебя ни крошки. Как всегда на диете сидела?

Рита улыбнулась, скрываясь в ванной, чтобы помыть руки.

— Мне нельзя много сладкого, и так с трудом в джинсы влезаю, а денег на новые нет.

— Так уж и нет, — добродушно проворчала бабушка. — Вон в коробочке сколько лежит.

— Это тебе на рождественскую поездку в Вену. — Рита вытерла руки и снова показалась в коридоре. — И это не обсуждается. Пойдем лучше чай пить, я сегодня не успела пообедать. И мне есть что тебе рассказать. Кажется, я все-таки умею исцелять болезни.

Рита уже прошла в кухню, поэтому не увидела, как на бабушкином лице проскользнул неподдельный страх.

— Что ты умеешь? — переспросила она, тщательно контролируя голос.

— Исцелять болезни. — Рита улыбнулась, наливая воду в чайник. — Или, по крайней мере, серьезные травмы. Садись, я тебе сейчас все расскажу. По телефону не хотелось.

Рассказ занял почти час. За это время они успели выпить по две чашки чая и съесть не только все печенье, но и остатки пирожков с яблоками, которые Вера Никифоровна привезла с собой.

— Но я практически ничего не помню, — закончила Рита. — Голова болела так сильно, что я, кажется, потеряла сознание.

Она замолчала, ожидая реакции бабушки, но та смотрела исключительно в свою чашку и тоже молчала.

— Наверное, это просто с непривычки, — добавила Рита, видя, что ответа не дожидается. Неужели бабушку так напугал ее рассказ? — И если почаще тренироваться, то больше голова так болеть не будет.

— Голова болела, потому что ты лечила голову, — неожиданно сказала Вера Никифоровна. Она посмотрела на внучку, как показалось той, со страхом и вызовом одновременно. — Захотела бы исцелить ему ноги — сама получила бы паралич.

Рита несколько долгих секунд смотрела на нее, словно не понимая смысла сказанных слов. Ей вдруг вспомнилось, как однажды на даче бабушка обронила, что не у нее одной есть дар. Рита же собиралась выспросить подробности, но потом совсем забыла.

— Ты тоже это умеешь? — догадалась она.

Бабушка медленно кивнула.

— Этот дар передается по нашей линии каждому, только с небольшими изменениями.

— Ба, почему ты мне ничего не говорила? — Рита восторженно улыбнулась. — Ведь наверняка ты знаешь и умеешь гораздо больше меня, ведь это же можно...

— Нельзя! — бесцеремонно перебила ее Вера Никифоровна, стукнув по столу кулаком.

Рита оторопела, с испугом глядя на бабушку. Та вдруг показалась ей совершенно незнакомой, чужой... страшной. Изрезанное морщинами добродушное лицо неожиданно стало злым, а добрые серые глаза — колючими льдинками.

— Нельзя, слышишь меня? — Вера Никифоровна уперлась ладонями в столешницу и медленно встала, нависая над внучкой. — Ты не исцеляешь, ты забираешь болезнь на себя. Она не убьет тебя сразу. Быть может, ты даже наловчишься не падать в обморок и делать так, что никто ничего не заметит, но каждое твоё исцеление будет медленно уничтожать тебя, по чуть-чуть, по кирпичику, и рано или поздно убьет. Травма твоего Марка уже сидит вот здесь, — бабушка уперла палец ей в лоб, и теперь в ее словах Рита слышала неподдельный страх. — А добавь к этому то, что ты трижды вытаскивала людей с того света. Сколько жизненной энергии ты на это потратила? На сколько лет сократила свою жизнь?

— Значит, ты поэтому не пользуешься своим даром? — осторожно спросила Рита, чувствуя, что почему-то готова расплакаться.

— Я никогда им не пользовалась. Никогда. — Бабушка устало опустила обратно в кресло и прижала руку к груди, словно у нее разболелось сердце. — И отцу твоему не разрешала, но разве он меня слушал? И чем все это закончилось? Инфаркт миокарда в тридцать один год. А ведь я его и об этом предупреждала. Кроме целительства, я хорошо вижу чужие болезни. Человек еще сам не знает о том, что болен, а я уже

вижу. И я видела, что сердце у него изношено, как у дряхлого старика.

Рита непонимающе нахмурилась.

— Он же умер из-за аварии.

— Это авария случилась из-за того, что у него прихватило сердце.

Рита почувствовала, как мгновенно ослабели ноги. Если бы она стояла, они бы не смогли ее удерживать. То, во что она верила больше двадцати лет, вдруг оказалось неправдой.

— Расскажи, — охрипшим от волнения голосом попросила она.

— Да что рассказывать? — бабушка сделала глоток из своей чашки и поморщилась: чай стал совсем холодным. — Об этом даре в нашей семье знали давно. Моя бабка была знахаркой, как тогда это называли. Лечила людей даже от тех болезней, с которыми тогда не справлялась медицина. Она знала какой-то секрет пополнения энергии, и дожила до седин. Только вот своим детям этого рецепта почему-то не передала. Отец говорил, у нее был скверный характер, хотя я не верю, что она могла специально не рассказать детям. Думаю, она говорила, только они по молодости не отнеслись серьезно и забыли. Ее дочь, моя тетка, сгорела вскоре после смерти матери. Тогда-то отец и решил, что заниматься целительством без пополнения энергии слишком опасно. И мне это с детства в голову вдалбливал. Однако тогда мы еще не скрывали дара. Я была уверена, что твой отец тоже не станет этим заниматься, но... Ты родилась раньше срока и с воспалением легких. Больше двух недель провела в реанимации. Твоих родителей туда пускали раз в день, и то потому, что отец нашел нужные связи. Они с твоей матерью мне даже не сказали, что собираются сделать, зная мое отношение к дару. Просто однажды у тебя вдруг наметились значительные улучшения, а спустя неделю уже выписали. Саша только покашлял немного, даже антибиотики пить не стал, все прошло само. Тогда-то он решил, что дар ему дан для того, чтобы спасать людей, а не держать его в себе.

Рита молчала. Ее отец умер слишком молодым, но однажды в старых газетах она нашла большую статью, посвященную ему. Его называли «молодым талантом, лучшим кардиологом больницы» и прочили большое будущее в медицине. Теперь она наконец поняла, каким именно талантом он обладал. И каким обладает она сама. Наверное, ей тоже не составит труда стать лучшим неврологом больницы.

— После его смерти я поклялась, что ты не узнаешь о своем даре, — закончила бабушка.

— Поэтому ты никогда не говорила со мной о том, что произошло тогда в машине? — догадалась Рита. Ей так часто хотелось обсудить это с

бабушкой, понять, что и как она сделала, но та всегда уходила от ответа, переводила разговор на другую тему. Со временем она и сама перестала заговаривать об этом. До тех самых пор, пока таким же образом не спасла попавшего в аварию молодого парня. Но и тогда бабушка замяла тему.

— Я не хотела, чтобы ты проявляла к этому интерес. У тебя и так дар самый сильный, никто в нашей семье не умел возвращать к жизни умерших.

— А мой отец... — Рита запнулась, не решаясь спросить то, что хотела. Слишком страшно было услышать ответ. — Он умер тогда же, во время аварии?

Бабушка несколько долгих секунд смотрела на нее, и по ее взгляду Рита уже все поняла.

— Во время аварии погибла только твоя мама, — наконец сказала она. — Ну и я. Саша умер вечером в больнице. Он не получил серьезных травм, но сердце не выдержало.

— То есть... — Рита снова боялась сформулировать вопрос. — Ты могла его спасти?

Вера Никифоровна отвела от нее взгляд и ничего не ответила.

— Он же был твоим сыном.

— Я в первую очередь думала о тебе. Он не слушал меня и из-за этого едва не погубил всю свою семью. Я не хотела, чтобы в случае моей неудачи ты росла в детдоме.

— От одного раза ничего бы не случилось.

— Где один, там и второй. Всегда найдется тот, кому очень нужна будет помощь. Именно с этого и начал твой отец.

— Значит, лучше бы я умерла от пневмонии в роддоме? Хотя, о чем это я? Конечно, ты считаешь, что лучше. Ведь ты не спасла ни дедушку, ни папу.

Бабушка поджала губы.

— Мы не имеем права вмешиваться в законы мироздания, Рита. Кому суждено умереть, тот должен умереть. И ни ты, ни я, ни твой отец не можем менять законы, которые придумали не мы, как бы сильно нам этого ни хотелось.

Рита медленно поднялась из-за стола, словно боялась расплескать те чувства, которые зарождались в ней, как волна в океане, угрожая затопить берег.

Молчать. Ничего не говорить. Сначала все обдумать.

— Рита, куда ты? — спросила бабушка, когда она уже была в коридоре.

— Мне надо подумать, — почти не разжимая губ, ответила она. — Побывать одной и подумать.

— Рита!

«Замолчи! Замолчи, не говори ничего!» — мысленно закричала она, только сильнее стиснув зубы, чтобы не закричать уже вслух.

Скорее выйти. Из квартиры. На свежий воздух. Подальше от бабушки и от правды. Лучше бы ей и дальше не знать ничего.

В квартире было невероятно душно. Последние несколько дней погода, словно забыв, что на дворе уже начало сентября, радовала солнечными днями. За то время, что Марк провел в больнице, огромную студию никто не проветривал, и сквозь стеклянную стену она нагрелась до состояния раскаленной сковородки. Поэтому первым делом, едва войдя в квартиру, он распахнул настежь все маленькие окна, которые открывались, и только затем отправился в душ, чтобы смыть с себя впитавшийся в кожу больничный запах.

Он все еще чувствовал себя немного уставшим, хотя голова больше не болела. Наверное, дело было в том, чем его кормили. Врачи почему-то никак не могли поверить в то, что он уже полностью здоров, и все норовили подsunуть ему какие-то скользкие каши и протертые супчики. В маленьком городишке не было даже Макдональдса, из которого Лера могла бы таскать ему приличные гамбургеры.

Выйдя из душа, Марк открыл ноутбук, чтобы заказать себе стейк из ресторана по соседству, но не успел даже загрузить браузер, как раздался звонок в дверь. Он поднял голову, удивленно посмотрев в сторону выхода и не представляя, кто это может быть. С Лерой и Ксенией он расстался пару часов назад, слишком воспитанная Рита наверняка позвонила бы перед тем, как прийти. Тем более они договорились на завтра.

На пороге к его невероятному удивлению стояла Белль. Марк приподнял брови, даже не поздоровавшись.

— Я могу пройти? — поинтересовалась она, глядя на него с вызовом, как будто он с утра уже успел перейти ей дорогу. Волнуется. У нее всегда была такая своеобразная реакция на стресс.

Он молча посторонился, пропуская ее в квартиру, затем запер дверь и вернулся следом за ней. Белль остановилась посреди комнаты, с интересом оглядываясь по сторонам, словно видела всю обстановку впервые, хотя он не делал ремонт и почти не менял мебель с тех пор, как она проводила здесь часы, а то и ночи, когда Франц куда-то уезжал.

— Удивляешься моему консерватизму? — с усмешкой

поинтересовался Марк, проходя мимо нее к стулу возле барной стойки. Ее присутствие в этой квартире спустя восемь лет будили в нем странные чувства, заставляя язвить. — Не смог выбросить диван, на котором ты занималась со мной любовью. С возрастом я становлюсь сентиментальным.

— Марк, не надо, — болезненно скривилась Белль, отчего на высоком лбу появилась некрасивая морщинка, которой раньше там не было. — Я пришла не за этим.

— Жаль, тебе вроде нравилось.

Он видел, что она разозлилась, и не смог отказать себе в удовольствии подразнить ее еще немного:

— Хотя едва ли мой любезный братец простит тебе еще одни рога. Особенно опять моего авторства.

— Я пришла, чтобы попрощаться, — перебила она. — Мы уезжаем.

— Хм, — он притворно нахмурился. — С чего вдруг такая честь — личное прощание?

— Мы уезжаем навсегда.

На его лице не дрогнул ни один мускул, хотя ему вдруг показалось, что на голову вылили целый ушат холодной воды. Не то чтобы он надеялся, что между ними когда-нибудь что-то еще будет. Скорее, теперь он этого даже не хотел, но... Восемь лет назад, когда она сказала, что уходит от него, его мир развалился на части. Вчера еще он был талантливым молодым художником, которого любила лучшая в мире женщина, а сегодня стал одиноким инвалидом, прикованным к постели. И хоть сейчас Белль уже не значила для него так много, мир по привычке снова подозрительно зашатался, скрипя всеми частями, с таким трудом когда-то склеенными вместе.

— Вот как?

Белль кивнула, обхватив себя руками за плечи.

— Франц не хотел, чтобы ты знал. Завтра мы устраиваем прощальный ужин с его и моими родителями, и он настоял, чтобы от тебя это скрыли. Чтобы ты не испортил его. А послезавтра мы улетаем. Но мне показалось, будет нечестно ничего не сказать тебе.

Мир раскачивался все сильнее, но Марк точно знал, что в этот раз не даст ему рухнуть.

— И поэтому ты зашла попрощаться хотя бы одна?

Она кивнула.

— Ну что ж, — он нагло улыбнулся. Хамство и цинизм были лучшим клеем, он давно это понял. — Раздевайся, ложись. Попрощаемся.

Секунду на ее лице отразилось непонимание, словно она думала, что

ослышалась, а затем некрасивая складка на лбу появилась снова.

— Марк, черт тебя побери! Можешь ты хоть иногда не делать этого?

— Не делать чего? — уточнил он.

— Строить из себя такого циничного козла. Я же знаю, что ты не такой!

— О, опять двадцать пять, — развеселился он, а затем встал и, даже не беря в руки трость, приблизился к ней. — Знаешь, какая у вас, женщин, самая большая проблема? — Он наклонился к ней ближе, так что она с трудом удержала себя от того, чтобы сделать шаг назад. — Вы все думаете, что лучше меня знаете, какой я. Что ты, что Рита. Ты не поверишь, но однажды она сказала мне почти те же слова. И если я не соответствую вашим ожиданиям, вы злитесь и уверяете, что я не такой. Потому что считаете, что не могли влюбиться в козла? — Он снова выпрямился, увеличив между ними расстояние. — Привыкай: теперь я такой. Спасибо сказать можешь себе. Но раз уж ты пришла, ответь мне на один вопрос, он давно меня мучает.

— Какой?

— Алекс — мой сын?

Промелькнувшая на ее лице паника сказала ему все гораздо красноречивее слов. Черт бы побрал Риту, которая однажды задала ему этот вопрос. Не то чтобы он его никогда не волновал, но Марк давно сумел убедить себя в том, что ему плевать.

— Я не знаю, — ответила Белль, отведя взгляд в сторону.

Марк презрительно скривился.

— Все ты знаешь.

— Нет! — она снова посмотрела на него. — Я тогда спала с вами обоими, и он может быть как твоим сыном, так и сыном Франца.

— Но когда ты говорила мне о том, что остаешься с ним, потому что беременна, ты ни словом не обмолвилась, что можешь быть беременна от меня.

— А ты сам не догадывался, да? — она зло прищурилась. — Не знал, как появляются дети?

— Мне тогда было не до того.

— Вот именно! Тебе тогда было не до того. А каково тогда было мне, ты никогда не думал? Я же любила тебя, хотела быть с тобой, а не с твоим братом. Но когда узнала, что жду ребенка, поняла, что в первую очередь обязана думать о нем. Ты был прикован к постели, и врачи почти не давали шансов на то, что ты когда-нибудь сможешь ходить. Я не могла повесить себе на шею двух беспомощных существ, понимаешь?

Марк молчал, но выражение его лица говорило само за себя.

— Ты никогда не жил в бедности, — устало произнесла Белль. Она прошла мимо него и села на стул, с которого он встал до этого. — У тебя всегда было все, что ты хотел, даже если ты это не ценил. Ты не знаешь, каково это — делить одну шоколадку на пятерых и мечтать, что когда-нибудь ты съешь ее один, ни с кем не делаясь. Не знаешь, каково сразу с зимних сапог, которые, между прочим, достались тебе от соседской девочки, переходить на летние босоножки, потому что у тебя даже туфлей нет, не то что ботинок. Когда после школы вместо уроков ты в десять лет готовишь ужин, потому что мать работает на двух работах, приходит уставшая, а младшие дети хотят есть. Ты ничего этого не знаешь. И когда я узнала, что беременна, я поклялась себе, что мой ребенок этого тоже никогда не узнает. Да, в тот момент я выбрала не тебя, но я сделала это ради Алекса. Ты не мог обеспечить ему счастливое будущее, а Франц мог.

Марк слушал все это, стоя к ней спиной, а затем медленно обернулся, жалея лишь о том, что трость осталась так далеко. Стоять без нее стало невыносимо тяжело.

— А сейчас? — глухо спросил он. — Почему ты увозишь его от меня сейчас? Ты уже заранее решила, что я все еще ни на что не годен?

— Марк! — Белль даже руками всплеснула от негодования. — Ты посмотри на себя. Чем ты занимаешься? Во что ты превратил свою жизнь? Мы уезжаем в Германию, где Францу предложили хорошую работу с прекрасными перспективами. Алекс получит блестящее образование, устроится в жизни, станет преуспевающим человеком. А что ему можешь дать ты? Научить общаться с привидениями? Гадать на хрустальном шаре? Он же будет стесняться такого отца перед сверстниками!

— То есть ты решила не только за меня, но и за него тоже? — уточнил он.

— Знаешь что? — Белль вскочила со своего места и приблизилась к нему, как ранее он. — Не делай вид, что тебе есть до него дело! Тебе семь лет было плевать на него, потому что ты считал его своим племянником, а не сыном. Я могу по пальцам пересчитать те его дни рождения, когда ты соизволил хотя бы прийти. Вот и продолжай поступать так дальше. Я не дам тебе сломать ему жизнь только потому, что тебе вдруг захотелось поиграть в отца.

Марк попытался что-то ответить, но Белль не дала ему и рта раскрыть.

— Если только ты хоть раз попробуешь сказать ему что-то, если у него хотя бы подозрения возникнут о том, что Франц не его отец, даже если не ты будешь тому причиной, клянусь, я убью тебя.

Она замерла, стоя прямо перед ним, тяжело дыша и глядя на него с еще большим вызовом. В ее глазах он видел отчаянную готовность выполнить все свои угрозы. И как бы противно ни было признавать это, он понимал, что она права. Ему нечего предложить своему сыну, который еще пару месяцев назад ему и не нужен был. И винить в этом, кроме себя, тоже некого. Может быть, еще немного — водителя того внедорожника, вылетевшего ему навстречу, но себя все же больше.

Марк усмехнулся.

— Видимо, секса все же не будет.

Белль еще несколько секунд стояла перед ним, словно осознавая смысл его слов, а затем размахнулась и влепила звонкую пощечину.

— Ненавижу тебя, — сквозь зубы процедила она. — Искренне надеюсь, что никогда больше тебя не увижу.

Она развернулась и, громко стуча каблуками, вылетела из комнаты. Секунду спустя хлопнула входная дверь.

Рита сама не знала, как оказалась у дома Марка. Осознала, куда приехала, только тогда, когда уже шла от остановки через маленький сквер, где они однажды гуляли, ожидая такси. Как и тогда, сейчас сквер был погружен в темноту, которую разрезали только несколько тусклых фонарей.

Она подняла голову и посмотрела на большие окна квартиры на последнем этаже. Там горел свет, а сами окна в нескольких местах были приоткрыты. Значит, Марк уже дома. На мгновение она замерла, решая, не поехать ли обратно домой, но затем уверенным шагом направилась к парадной. Она была не готова разговаривать с бабушкой, а та наверняка не станет откладывать решение проблемы на завтра.

Рита едва успела дойти до двери парадной, как из нее выскочила женщина. Та была слишком взволнована, чтобы узнать ее, хоть и скользнула по ней взглядом. В ней же Рита без труда узнала жену брата Марка. Она остановилась, глядя на то, как быстро Белль пересекла небольшую дорожку и подбежала к большой серебристой машине. Движения ее были нервными, рваными, что выдавало взволнованное состояние. Она даже уронила ключ от машины, а затем так громко хлопнула дверцей, что Рита вздрогнула. Лишь когда машина на бешеной скорости пролетела мимо нее, она наконец очнулась.

Зачем Белль приезжала? Наверняка к Марку, едва ли у нее в этом доме есть кто-то еще. И почему выбежала так стремительно? На фоне подозрений Риты в адрес Франца Вебера, поведение Белль показалось ей крайне пугающим.

Она открыла дверь парадной и почти бегом кинулась к старому лифту. Тот на шестой этаж взбирался так медленно, что она успела накрутить себя еще сильнее, поэтому, добежав до квартиры Марка, проигнорировала звонок и заколотила в дверь кулаком. Несколько бесконечно долгих секунд внутри оставалось тихо, а затем послышались тяжелые шаги и стук трости по паркету. Рита облегченно выдохнула: значит, жив.

Дверь еще не успела открыться до конца, как она услышала и голос Марка, в котором сквозила откровенная насмешка:

— Все же передумала?

Распахнув дверь и увидев на пороге Риту, он мгновенно переменялся в лице: насмешка уступила роль удивлению и, как ей показалось, затаенной радости. Или, по крайней мере, ей страшно хотелось так думать.

— О, это ты? — Заметив ее запыхавшийся вид, Марк удивился еще больше: — Ты бежала от кого-то?

— Не от кого-то, а к кому-то, — смущенно поправила его Рита, стараясь дышать ровнее. — Я видела, как Белль выходила из твоей парадной.

— Так она же уже выходила, — лицо Марка снова стало насмешливым. — Застать нас в постели у тебя не было ни единого шанса.

Рита не обратила внимания на его откровенную издевку.

— Я переживала за тебя, — призналась она. — Белль вела себя слишком... испуганно. Как будто натворила что-то.

Марк снова приподнял брови и наконец посторонился, пропуская ее в квартиру.

— Она всего лишь дала мне пощечину. Едва ли это могло плохо для меня кончиться.

— Пощечину? — переспросила Рита, проходя за ним в комнату. — За что?

— Испугалась, что я скажу Алексу, кто его отец на самом деле.

Рита остановилась, с тревогой глядя на то, как он медленно дошел до кресла и тяжело опустился в него.

— Они уезжают, — продолжил он, снова повернувшись к ней лицом. И теперь в его голосе совсем не осталось насмешки. В нем было что-то другое, чего Рита никак не могла распознать. — В Германию. Навсегда.

Рита на мгновение прикрыла глаза. Значит, вот что имел в виду Франц, когда говорил ей, что надеется больше не встречаться с Марком. Переезд в другую страну, а вовсе не убийство младшего брата. Ей стало даже смешно от своих подозрений.

— Завтра устраивают прощальный ужин, — продолжал тем временем

Марк. — Без меня, конечно же. Франц настоял на том, чтобы от меня это скрыли. Боится, что я все испорчу. Наверное, у него есть на это право?

Марк вопросительно посмотрел на Риту, словно ждал ее ответа. Она наконец поняла, что теперь было в его голосе: разочарование. Разочарование в себе самом. Она медленно подошла к нему и села в кресло напротив, ничего не говоря.

— Я всегда все портил, — снова заговорил он. — Ты была права, когда сказала, что я специально делаю им плохо. И была права в том, зачем я это делаю. Но знаешь почему? — И, не дожидаясь ее ответа, продолжил: — Потому что я всегда хотел, чтобы мной гордились. Чтобы мной гордились так же, как Францем, как Аней. Но этого никогда не было. Аню хвалили за третье место в каких-то там танцевальных соревнованиях, а мне не говорили ни слова за победу в художественном конкурсе. Я занимал первые места, меня неизменно считали лучшим в художественной школе, прочили большое будущее, а родители видели только двойки по математике. Потому что Марк Вебер не может быть талантливым художником, он должен стать преуспевающим юристом. Или хотя бы великим ученым. Именно поэтому я сменил фамилию. Мне казалось, что так будет проще, ведь Марка Вебера, на которого родители возлагали такие надежды, больше не будет, — он снова ненадолго замолчал. Рита не перебивала, позволяя ему самому сказать все, что он хотел. — Ни одного из них не было на моей выставке. И знаешь, что я понял за эти восемь лет? Быть куском говна намного проще. От тебя никто ничего не ждет, ты никого не можешь разочаровать. Что бы ты ни сделал, что бы ни сказал — максимум, что можешь увидеть в их глазах: «Ну это же Марк, чего еще от него ожидать». Так что советую. Прекрати быть хорошей для всех, и посмотришь, насколько проще тебе станет жить.

Рита протянула руку и сжала его ладонь, лежащую на колене.

— Мне жаль, — искренне сказала она.

Марк криво усмехнулся, но рукой даже не пошевелил.

— Не стану их разочаровывать и в этот раз. Раз уж Белль сказала мне о прощальном ужине, попрощаюсь как следует. Конечно, Алексу ничего не скажу, я все же не законченная сволочь, но на ужин приеду.

— Марк, не надо, — Рита покачала головой. — Не стоит. Останься завтра дома. Это ведь не принесет тебе облегчения.

— Зато испортит им настроение.

— Пожалуйста, — она заглянула ему в глаза. — Не надо.

Он отвернулся и почти целую минуту рассматривал что-то через окно, а затем снова посмотрел на нее, неожиданно сжав ее руку.

— Тогда останься со мной. У тебя ведь завтра выходной? Не позволяй мне ехать туда, потому что я не уверен, что смогу удержаться сам.

Рита кивнула и улыбнулась.

— Хорошо.

— В самом деле останешься?

— Да.

— Несмотря на то, как я вел себя все это время по отношению к тебе?

— Ты можешь пообещать мне, что больше не будешь так себя вести.

Он улыбнулся в ответ.

— Я собирался заказать ужин. Ты будешь?

— Я не хочу есть.

— Наверное, я теперь тоже. Тогда кино? Спать ведь еще рано. У меня есть новый фильм про шпионов.

— С удовольствием. А выпить нечего?

Марк, уже успевший подняться, удивленно повернулся к ней.

— Выпить? Это говоришь ты?

— Не надо считать меня святой. Это ты решил, что я правильная, — она пожала плечами. — И у меня тоже был тяжелый день.

Он несколько мгновений разглядывал ее, как делал это раньше, в самом начале их знакомства, словно запоминал каждую черту ее лица, а затем снова растянул губы в улыбке.

— И тем не менее, из выпивки есть только конфеты с ликером. Купить новую порцию виски я не успел, а старую бутылку ты выбросила.

Они разложили диван и вдвоем устроились перед телевизором, подложив под спины подушки и поставив рядом коробку с конфетами. Марк развернул фольгу, откусил верхушку шоколадной бутылки и лукаво посмотрел на Риту.

— Тогда за нас?

Она рассмеялась, коснувшись своей конфетой его, как будто в руках у них были два бокала. Сладкий алкоголь она не любила, а шоколад для ее фигуры вообще был противопоказан, но тем не менее, она не заметила, как половина большой коробки опустела. И в этом была заслуга не только Марка. Зато по телу разливалось приятное тепло, в голове немного помутилось, и разговор с бабушкой казался таким далеким и ненастоящим, как будто произошел несколько лет назад.

Рита поймала себя на мысли, что ей нравится лежать на этом диване рядом с Марком, есть конфеты и смотреть дурацкое кино, в котором перестрелок было больше, чем диалогов. Ни о чем не думать, не решать никаких проблем. Пожалуй, она не отказалась бы провести так весь

завтрашний день.

— Надеюсь, ты не станешь прогонять меня спать на полу? — поинтересовался Марк, когда и коробка, и фильм подходили к концу. — Обещаю, я буду вести себя благоразумно. Я понимаю с первого раза.

Рита посмотрела на него и секунду спустя неожиданно даже для самой себя спросила:

— А если вдруг я не захочу, чтобы ты вел себя благоразумно?

Он пожал плечами, изобразив равнодушный вид.

— Тогда тебе придется как-то дать мне это понять.

Она на мгновение замерла, словно раздумывая над чем-то, а затем наклонилась к нему и прижалась губами к его губам.

— Так достаточно понятно? — спросила она спустя короткое время, чуть отстраняясь.

Марк молчал несколько секунд, глядя на нее удивительно серьезно, как будто она только что не поцеловала его, а задала математическую задачку.

— Сможешь повторить? Я боюсь, что мог принять желаемое за действительное.

Рита улыбнулась и снова наклонилась к его губам. На этот раз он обнял ее, не давая больше отстраниться, а затем одним ловким движением перевернул на спину, перехватывая инициативу. Она не сопротивлялась. Ей нравилось ощущать вес его тела на себе, руки, медленно скользящие по ее коже, чувствовать привкус сладкого ликера на его губах. В первый раз все произошло так неожиданно, что она не успела ничего понять и запомнить, зато теперь наслаждалась каждым мгновением.

От нее не укрылось, что он так и не пообещал ей отныне вести себя по-другому, но теперь это было неважно. Теперь ей почему-то не казалось, что он всего лишь пользуется ситуацией, как тогда, на даче. Он наконец-то был таким, каким она хотела его видеть: настоящим.

Когда она уже почти перестала что-либо соображать, Марк неожиданно остановился, приподнялся над ней и заглянул ей в глаза.

— Если ты собираешься снова меня остановить, — прошептал он, — то сделай это сейчас. Потому что еще немного — и я превращусь в того самого козла, который уже не услышит твоего «нет».

— Я больше никогда его тебе не скажу, — ответила она, понимая, что это действительно так.

Глава 21

Рита не относилась к той категории людей, которые любят долго валяться в постели по утрам. Даже по выходным она вставала не позже восьми часов. За рабочие будни обычно скапливалось много дел, которые требовали времени в выходные, поэтому спать лишнего она себе не позволяла. Однако сегодня она намеревалась провести в постели если не весь день, то как минимум первую его половину.

За окном моросил противный дождь — первый признак наступившей осени. Из-за этого в квартире даже в девять утра было еще довольно темно. Идти куда-то гулять, как она собиралась еще вчера, уже не хотелось. Ей нравилось лежать в этой постели, чувствовать незнакомые запахи, слушать дождь, мелкими каплями разбивающийся о стекло. И, конечно, знать, кто находится с ней рядом. Пожалуй, сейчас она могла с чистой совестью признаться себе, что влюблена.

Она просыпалась несколько раз, чувствовала, что Марк уже не спит, видела даже свет от тусклой лампы на столе, которую он включил, но тут же снова проваливалась в сон. Лишь когда время приблизилось к сумасшедшей отметке в одиннадцать часов, Рита смогла наконец разлепить глаза. Марк сидел здесь же, на диване рядом с ней, но, по всей видимости, тоже еще не вставал. По крайней мере, светлые волосы оставались включенными после сна, и на нем не было футболки, которую она вчера лично с него сняла. Зато на коленях лежал большой альбом в твердой обложке, в котором он что-то увлеченно рисовал простой шариковой ручкой.

— Ты давно проснулся? — спросила она, сонно улыбаясь.

Марк вздрогнул и тут же захлопнул альбом, как будто испугался, что она увидит его рисунок.

— Я не спал, — признался он. — В отличие от некоторых. Не подозревал в тебе такую соню, думал, ты вскакиваешь ни свет ни заря, как Золушка.

— Совсем не спал? — Рита удивленно посмотрела на него, пропустив дальнейшую торопливую речь, а затем медленно села, прижимая тонкое одеяло к груди.

— Не хотелось, — он пожал плечами.

— Покажешь? — она кивнула на альбом.

Марк как будто замялся, но потом все же протянул его ей. Рита села

поудобнее и раскрыла альбом. За ночь он успел сделать три наброска. И на каждом из них кроме обычных пейзажей она видела женскую фигуру, подозрительно напоминающую ее саму. В больничном парке на скамейке, в сквере возле его дома и еще в каком-то странном месте, которое она не узнавала. Оно походило на озеро или даже скорее на лесное озеро. Ее фигуру Марк обозначал лишь схематично, отмечая только важные черты, по которым она и узнавала себя, зато детали пейзажа прорисовывал гораздо тщательнее. Правда, одним только черным цветом. И все равно это оказалось невероятно завораживающе. Простой черной ручкой он умудрялся передать не только силуэты, но и оттенки, хотя Рита не представляла, как такое вообще возможно.

— Почему все черное? — поинтересовалась она, с интересом разглядывая рисунки.

Он усмехнулся.

— Ксения наверняка поставила бы по этому какой-нибудь диагноз, но на самом деле у меня просто нет другого цвета. Хотя... — он задумчиво посмотрел на черную шариковую ручку в своих руках. — Почему у меня нет другого цвета, тоже интересный вопрос.

— В любом случае, это гораздо лучше того, что ты рисовал две недели назад, когда мы с Лерой без приглашения наведались к тебе в гости, — поддела Рита, продолжая разглядывать пейзажи.

Марк заметно смутился и отвел взгляд в сторону. Наверное, не знал, что она тогда видела его рисунок. Рита и сама не понимала, зачем развернула бумажный комочек, брошенный в угол, но то, что было нарисовано там, определенно тянуло на один из диагнозов Ксении.

— И это все, что ты можешь сказать о моем творчестве? — он притворно нахмурился, явно желая увести разговор в другую сторону. — Я работал всю ночь, между прочим.

— Я бы предпочла, чтобы ночью ты спал, — улыбнулась она. — А работал днем.

— Я просто хотел проверить, могу ли еще рисовать что-нибудь нормальное, — после недолгого молчания вдруг признался Марк, глядя на альбом в ее руках. — Или, как у Леры, в моей голове остались одни кошмары. Заодно подумать над тем, что мне вчера сказала Белль. И что ты как-то тоже говорила.

— Вот как? — Рита вопросительно посмотрела на него, давая возможность продолжить самому, если он захочет.

— Какое у тебя самое яркое впечатление в жизни? — вместо ответа неожиданно спросил он.

Она задумалась.

— Наверное, когда я впервые попала в Вену.

— Расскажи.

— Мне было двенадцать, и нас пригласила на Рождество бабушкина подруга по переписке. Фрау Шульц. Это был девяносто седьмой год, денег у нас было мало, но бабушка все равно наскребла на поездку. И вот та Рождественская ярмарка, где фрау Шульц купила мне невероятно красивую елочную игрушку в виде огромного заснеженного шара, а бабушка даже разрешила попробовать глинтвейн, наверное, и есть самое яркое впечатление.

Марк улыбнулся.

— Хочешь знать, какое у меня?

В отличие от самого необычного места, где он занимался сексом, это Рита знать хотела.

— Моя выставка. Это невероятное чувство, когда вокруг ходит толпа людей, рассматривает то, во что ты вложил свою душу. А ты, в свою очередь, вглядываешься в их лица и пытаешься угадать, заметили ли они ту деталь, которую ты хотел выделить? Почувствовали ли то, что чувствовал ты, когда писал эту картину? Нравится ли им? Что они скажут? И потом, когда они подходили ко мне, восхищались, покупали. Вот мое самое яркое впечатление. И я тут подумал, что снова хочу почувствовать это.

Рита несколько долгих секунд разглядывала его лицо, которое казалось ей необычно вдохновленным. Ей определенно нравился этот новый Марк, в существовании которого она уже начала сомневаться.

— Это очень хорошее желание, — наконец улыбнулась она. — Если, конечно, ты внезапно снова не решишь, что куском говна быть намного проще.

Он рассмеялся.

— Конечно же, решу. И наверняка очень скоро. Люди не меняются за одну ночь, на это нужно время и огромное желание. Или обстоятельства. Смотря в какую сторону меняться. Но... — Он запнулся, словно передумал говорить то, что собирался, внезапно наклонившись и поцеловав ее в лоб. — Лучше расскажи, кто тебе испортил вчерашний день. Должно было случиться нечто крайне серьезное, если ты приехала ко мне, пила со мной... кхм, конфеты, а потом не стала заставлять меня спать на полу.

— Никогда я тебя не заставляла спать на полу, — проворчала Рита.

Утро перестало казаться таким добрым, даже дождь за окном как будто усилился. Крупные капли тревожно стучали по стеклам, слезами скатываясь вниз.

— И все же? — Марк смотрел на нее с улыбкой, но в его глазах она заметила тревогу, и это отчего-то было очень приятно. Захотелось рассказать ему все. Разве не за этим она приехала вчера, хоть и не признавалась даже себе самой?

— Я поругалась с бабушкой, — сказала она. — То есть... не поругалась, вовремя успела сбежать. Но если бы осталась, то наверняка наговорила бы лишнего.

Его брови удивленно взметнулись вверх.

— Боюсь даже предположить, что такого могло произойти, чтобы вы поругались.

Рита вздохнула, а затем выложила ему все. Она никогда не причисляла себя к компанейским людям. У нее было мало друзей даже в школе, а с возрастом их вообще почти не осталось. Близкая подруга была только одна, но и она несколько лет назад вышла замуж и уехала жить в Англию. Они продолжали общаться в соцсетях и мессенджерах, встречались, когда она приезжала в Питер, но все это было уже не то. Рита не привыкла делиться своими секретами с кем-то, кроме бабушки. А если о чем-то нельзя было поговорить с ней, то и вовсе держала в себе. И тем необычнее для нее самой было рассказать все Марку.

Он слушал внимательно, не перебивая и не комментируя. Лишь когда она замолчала, поинтересовался:

— У меня только один вопрос: что задело тебя больше? То, что бабушка не стала спасать твоего отца? Или что он сам оказался вовсе не таким выдающимся врачом, как ты считала, а всего лишь пользовался своим даром?

— Не знаю, — Рита пожала плечами. — Наверное, и то, и другое. Отец всегда был для меня примером. Я в медицинский пошла только из-за него. Хотела стать таким же хорошим врачом. А оказывается, я могу им стать в любое время. Нужно только было не учебники штудировать, а развивать в себе дар. И бабушка... она всегда казалась мне самым добрым в мире человеком. Я, конечно, знала, что как преподаватель она довольно строга, да и всем моим капризам никогда не потакала, но, тем не менее, ради меня она была готова на все. Как я думала. И вот оказывается, она не стала спасать ни своего сына, ни еще раньше — горячо любимого мужа. Да и меня, по ее логике, спасать не следовало.

— Ну, тут уж ты преувеличиваешь, — Марк обнял ее за плечи, прижимая к себе, и поцеловал в висок. — Спасать тебя был не ее выбор. Точно так же, как и спасать ее саму, как и меня. Никто не имеет права осуждать действия другого человека или навязывать свою точку зрения.

Твой отец выбрал свой дар. Он помогал людям, за что заплатил своей жизнью. Но это была его жизнь и его выбор. Твоя бабушка предпочла от дара отказаться. И это тоже ее выбор. Как она не имеет права осуждать своего сына, так и ты не можешь осуждать ее. Вместо этого тебе тоже нужно выбрать. То, что хочешь ты сама, а не кто-то другой. И потом, даже если ты решишь отказаться от дара, это не помешает тебе стать хорошим врачом. Тысячи врачей спасают жизни благодаря своим знаниям, а не экстрасенсорным способностям. Вполне возможно, и без дара твой отец стал бы прекрасным профессионалом.

Рита молча кивнула, глядя в стену. В его словах определенно была логика, с которой она, наверное, обязательно согласится, когда схлынут эмоции, но пока же разочарование в двух любимых людях было сильнее нее.

— Хочешь, поедem куда-нибудь? — предложил Марк, словно чувствуя, что она пока не может согласиться с его словами. Он и сам пришел к такой жизненной позиции далеко не сразу. И не всегда ей следовал, если уж на то пошло. Теперь он понимал выбор Белль восемь лет назад, но принять его все равно не мог. По крайней мере, пока. — Нам обоим стоит проветрить мозги, не так ли?

Рита с тоской посмотрела в большое окно, за которым сквозь мокрые разводы виднелось серое тяжелое небо.

— В такой дождь?

— Есть куча прекрасных мест, которые находятся под крышей. Например, как давно ты была в Океанариуме?

Она улыбнулась.

— Лет сто назад.

— И я примерно тогда же. А ведь это замечательное место. Тихое, спокойное и очень медитативное, несмотря на толпы народа. Так что скажешь? — Он чуть отстранил ее от себя и заглянул в глаза.

Рита не выдержала и тоже улыбнулась.

— Согласна. Только сначала надо где-нибудь поесть. Я умираю с голоду.

— Это само собой. Во мне не было нормальной еды целую неделю. Все эти каши и протертые супы, должен сказать, та еще мерзость. Только сначала мне нужно вымыть руки. Вроде рисуешь ручкой, а грязи больше, чем от красок.

— Душ вообще будет не лишним, — согласно кивнула Рита. — Иначе я не проснусь.

Он снова быстро поцеловал ее, а затем выпустил из объятий и

поднялся с дивана, но не успел сделать и шагу, как тут же рухнул на пол.

— Марк!

Рита бросилась к нему, запутавшись в одеяле, однако он выставил руку вперед, словно хотел остановить ее.

— Нет.

Она замерла, так и не спустившись с дивана.

— Просто нога затекла. Так бывает по утрам. Особенно если всю ночь не шевелиться. Все нормально.

— Я только помогу тебе встать.

— Я же сказал — нет! — Его голос звучал достаточно раздраженно, чтобы Рита не решилась послушаться.

Он поморщился, садясь, а затем дотянулся до лежащей неподалеку трости и медленно поднялся на ноги. Так ни разу и не взглянув на нее, он поковылял в ванную, хлопнув дверью, на взгляд Риты, несколько сильнее, чем было необходимо.

Она еще несколько секунд молча смотрела в ту сторону, а потом потянулась к сумке, чтобы вытащить из нее мобильный телефон. Она могла сколько угодно обижаться на бабушку, однако заставлять ее волноваться не следовало. В тех редких случаях, когда Рита не ночевала дома, она всегда сообщала, где находится. Вчера был первый раз, когда она этого не сделала, и теперь чувствовала угрызения совести.

Бабушка ответила быстро, словно ждала ее звонка. Впрочем, наверняка так и было.

— Я хотела сказать, что у меня все хорошо, — без предисловий заявила Рита. — Чтобы ты не волновалась.

— Где ты?

Бабушкин голос звучал несколько взволнованно, однако громко и отчетливо, из чего Рита сделала вывод, что она не рыдала всю ночь, капая себе в стаканчик валерьянку и запивая ею таблетки от давления. Это немного успокоило совесть.

— У Марка, — честно ответила она.

— Рита, не говори ему ничего.

— Почему?

Вера Никифоровна на секунду замаялась, словно подбирала слова, но затем, так и не придумав, как смягчить формулировку, сказала прямо:

— У него серьезная травма, мешающая ему жить. Ты уверена, что, узнав о твоём даре, он не захочет им воспользоваться?

Рита уже открыла рот, чтобы заявить, что она уверена в обратном, но так ничего и не сказала. Они ведь уже ночевали вместе раньше. После двух

дней, проведенных на ногах, и ночного забега на кладбище. И тогда он вполне себе бодро встал утром. Он спал на даче на неудобном диване и нормально ходил после этого, насколько речь могла идти о нормальности в его случае. И затем, когда они с Лерой приехали к нему домой. Он проспал почти двое суток, тоже едва ли сильно шевелясь, но встал сам. А сегодня вдруг так затекла нога, что он упал. Не было ли это способом вызвать ее жалость? Заставить ее саму предложить воспользоваться даром?

Она тут же разозлилась на себя и на бабушку за эти нелепые подозрения. Наверняка глупые и беспочвенные. Разочаровываться в еще одном безразличном ей человеке было слишком тяжело.

— Он так не сделает.

— Рита...

— Как ты себя чувствуешь? — перебила она. — Все хорошо?

— Конечно.

— Тогда я приеду позже. Не волнуйся.

Не дав бабушке ответить, она выключила телефон.

Марк ненавидел чувствовать себя беспомощным. Он часто пользовался своей инвалидностью, если ему это было выгодно в том или ином случае, но на самом деле зависеть от других не любил больше всего на свете. Поэтому первые месяцы в больнице стали для него настоящим адом. Если бы он мог добраться до окна, наверное, выпрыгнул бы. К счастью, когда он наконец смог до него дойти, прыгать уже не было нужды. Да и этаж, к его разочарованию, оказался всего лишь третьим. Так скорее можно было заново переломать себе с трудом срастающиеся кости, нежели убиться насмерть.

Не в этом ли крылась причина того, что он работал как проклятый, только бы научиться заново ходить вопреки всем прогнозам врачей? И почти перестал заниматься ногой после того, как смог посещать туалет и душ самостоятельно.

Его всю жизнь бесили те, кто пренебрегал элементарными правилами безопасности, а затем плакал от последствий. Не то чтобы он всегда поступал правильно, но, как минимум, не обвинял мироздание, когда получал по заслугам. Даже в пять лет, вообразив себя Бэтменом и прыгнув с крыши гаража, не проронил ни слезинки, сломав руку. Он понимал, что сам виноват и теперь отвечает за свои поступки. В той аварии и ее последствиях не было его вины. Она была в том, что за восемь лет после нее он так и не избавился от трости.

Узнав о целительских способностях Риты, он не мог не думать об

этом. За неделю в больнице он не раз и не два мысленно строил разговор с ней, чтобы убедить попробовать развить этот дар. В том числе и с корыстной целью. Это выглядело так соблазнительно: вылечить ногу, не прилагая усилий. Однако теперь он запретил себе даже думать об этом. Рита не виновата в том, что он бездарно потратил восемь лет. Ну ладно, шесть. Первые два года он ногой как раз активно занимался. Она не обязана платить за это своим здоровьем. Марк хотел бы пообещать себе возобновить лечение и тренировки, но понимал, что не стоит хвататься за все сразу, иначе желание снова сдаться и стать куском говна только усилится. Хватит пока и живописи.

В принятом решении снова была виновата Белль. Восемь лет назад, бросив его, она забрала с собой и желание заниматься искусством дальше. Теперь же, отказав ему в праве хотя бы попробовать стать отцом своему сыну, она его вернула. Нет, Марк вовсе не собирался ничего говорить Алексу. Никогда в жизни тот ни о чем не узнает, по крайней мере, от него. Но желание доказать хотя бы самому себе, что она не права, что он мог бы дать повод своему ребенку гордиться им, было почти физически осязаемым. Оказывается, она — как, наверное, и его родители, и брат — уже поставили крест на нем. Марк собирался показать им, насколько они не правы. Если в ад действительно распределяют по смертным грехам, то тщеславие уже обеспечило ему там тепленькое местечко. Он всегда был падох на восхищение, но в последние годы им восхищалась только Лера. И он думал, что ему этого хватает.

Вспомнив о Лере, Марк мгновенно нахмурился, выключил воду и вышел из душа, не обращая внимания на лужицы воды, растекающиеся под его ногами. Ее поведение давно казалось ему странным, но все не находилось времени поговорить с ней. Он не хотел заводить этот разговор в больнице, поскольку она в любой момент могла уйти, сославшись на то, что больше не может удерживать видение. На обратной дороге рядом с ними все время находилась Ксения. Он собирался расспросить ее сегодня, но Белль спутала ему все карты.

Присутствие в его квартире Риты странным образом не казалось ему лишним, ломающим планы. Она вдруг так плавно вписалась и в это утро, и в его жизнь, словно имела на это все права. Еще неделю назад он думал, что ее влюбленность его раздражает, но теперь что-то изменилось. Нет, не за ночь. В сексе с влюбленной в него девушкой не было ничего необычного, он прекрасно знал, что рано или поздно она сломается. Что-то изменилось вчера вечером, когда она согласилась остаться с ним, несмотря на все те слова и поступки, которые он позволял себе в ее адрес за эти

полтора месяца знакомства.

За то время, что он был в душе, Рита успела пожарить яичницу. По крайней мере, так ему показалось, когда он вышел и замер от удивления на пороге.

— Где ты взяла продукты? Меня дома больше недели не было.

Она пожала плечами и улыбнулась, бросив на него быстрый взгляд.

— Яйца остались еще с тех пор, как мы с Лерой пекли пирог. То есть остались не только они, но все остальное пришло в негодность. Я была дико голодна, — она состроила забавную рожицу, — и не могла ждать, пока мы куда-нибудь поедem. Как твоя нога?

Он только отмахнулся, как бы говоря, что все в порядке, и нарочито бодро дошел до барной стойки. Он не стал откладывать разговор о Лере в долгий ящик, хотя портить ленивое утро не хотелось.

— Рит, нам нужно поговорить.

Видимо, его голос прозвучал немного не так, как он хотел, потому что Рита посмотрела на него довольно испуганно. Интересно, что она себе вообразила? Марк не раз замечал, что его слова она истолковывает по-своему.

— В чем дело? — голос тоже немного дрогнул, хотя она и пыталась это скрыть.

— Это касается Леры.

Марк хотел успокоить ее, но, кажется, сделал только хуже. По крайней мере, она даже расплескала чай, который как раз ставила на стол. Тут же схватила полотенце и принялась промакивать лужу, не глядя на него.

— Рит, — позвал он, улыбаясь. И лишь когда она посмотрела на него, продолжил: — Это касается *только* Леры. Не нас с тобой.

Она неловко улыбнулась в ответ.

— Мне страшно неудобно, — виновато сказала она, сядя напротив него. — Никогда в жизни не приходилось никого обманывать.

— Ты и сейчас никого не обманываешь. — Он вздохнул, понимая, что надо бы начать сначала, иначе она не поймет. — Давай я тебе изложу все свои сомнения, а ты потом скажешь, что я идиот?

Рита заметно расслабилась, хоть еще и не понимала, о чем он.

— Идет.

— Понимаешь, Лера — девочка довольно эгоистичная. Она не любит делиться своими вещами. Возможно, потому что у нее никогда раньше своих не было. И меня она ни с кем делить тоже не любит. Не то чтобы она считала меня вещью... Еще когда она жила в клинике, а я только ложился туда на лечение, она каждый раз подробно расспрашивала меня о том, с кем

я за это время общался. Особенно ее интересовали девушки. — Марк усмехнулся. — Конечно, верность ей я не хранил и любить до гроба не обещал, но все же предпочитал не рассказывать, чтобы не травмировать. Но она ревновала меня не только к ним, а вообще к людям, даже к моей семье. Только с ней одной мне должно было быть интересно и по ней одной я должен скучать. И когда нам пришла идея попросить тебя о помощи... — Он осекся, понимая, что на дальнейшее его признание Рита может обидеться, но все же решил договорить. — В общем, Ксения настаивала на том, чтобы я сначала познакомился с тобой, влюбил тебя в себя, а уж потом, когда ты не сможешь мне отказать, попросить тебя о помощи.

Лицо Риты предсказуемо исказилось, и впервые Марку это не приносило удовольствия. Велик был соблазн оправдать себя, чтобы не видеть в ее глазах этого выражения, но он решил говорить правду до конца. Пусть уж знает и с открытыми глазами решает, нужен ли он ей такой.

— Я был против, потому что не хотел терять время. Но больше всех возражала, конечно, Лера, потому что опять же ревновала. Я это все рассказал тебе, чтобы ты понимала, почему меня удивил один наш разговор в больнице.

На одно мгновение Марку показалось, что она знает, о каком разговоре пойдет речь.

— Она вдруг начала говорить о том, что не подходит мне, и всячески намекать на тебя. Если бы она была обычной девушкой, честное слово, я бы уже ждал от нее типичного женского «дело не в тебе». А ты столько для меня сделала, такая хорошая, умная и добрая, — Марк замолчал и внимательно посмотрел на Риту. — Но почему мне кажется, что ты не удивлена?

Она пожала плечами, а потом очень серьезно ответила:

— Потому что у нас с ней был такой же разговор. И мне она говорила то же самое: что она тебе не подходит, где ты, и где она. И что если найдется другая, она возражать не станет.

— Хм... — Марк потер подбородок, повернувшись к окну. — Когда она тебе это говорила?

— Когда мы ехали в Сапсане искать вас.

— То есть вы тогда еще не знали, что случилось?

— Нет.

— Что ж... это только подтверждает мою теорию.

— Какую теорию?

— погоди, давай по порядку, чтобы не портить эксперимент. Я не хочу заранее навязывать тебе свое мнение, потому что еще никогда в жизни так

не хотел ошибаться. Ты есть-то будешь?

Рита на мгновение зависла от такой резкой смены разговора, а затем взяла в руки вилку.

— Но ты все равно рассказывай, — попросила она. — Я пока плохо понимаю, к чему ты клонишь.

— В общем, дальше. Тебе не показалось странным, что этот Никита сначала не выказывал никакого подозрения, активно интересовался твоими сережками, а потом взял — и не приехал? Хотя мы действовали по той же схеме, что и внук Поликарповны.

— Может быть, он что-то заподозрил? Или приехал, но каким-то образом понял, что бабуля в доме не одна?

— Или его кто-то предупредил, что это подстава.

Рита нахмурилась.

— Но кто? Знали об этом только мы с тобой, Лера, бабушка и участковый, но общалась с Никитой вообще только я.

— Зато с Антоном разговаривала одна Лера. И то, что он стер номер телефона Никиты и не знает, как с ним связаться, мы знаем тоже от Леры.

— Ты считаешь, Лера знала его телефон и заранее предупредила? Но зачем, Марк?

Тот пожал плечами.

— Слушай дальше. Когда мы только ехали на дачу, Поликарповна пыталась мне что-то сказать. Она все время говорила о предательстве. Я тогда думал, она упрекает меня в том, что я до сих пор не нашел ее гребень, хотя обещал. Но что если она не упрекала, а предупреждала? Когда же я вернулся с дачи, Ксения накинулась на меня за то, что мы не сказали ей. Между прочим, ей я ничего не сказал именно с подачи Леры. И тогда Ксения предложила поехать к колдуну. Знала об этом снова только Лера. И мы опять получили неудачей по голове в прямом смысле этого слова.

— То есть ты думаешь, что она рассказала о вашей поездке Никите? Зачем?

— Вполне возможно, она допускала мысль, что колдун может не только упокоить Поликарповну, но и дать нам какие-то наводки на самого Никиту, поэтому предупредила его. Он вывел из строя нас с Ксенией, а затем убил колдуна, чтобы тот уж наверняка ничего никому не сказал. Знаю, звучит как бред. Мне и самому все это кажется бредом. Поэтому я и хочу, чтобы ты сказала, что я параноидальный идиот.

Рита молчала. Если это и бред, то очень правдоподобный. Лера много раз говорила ей о том, что ради Марка пойдет на что угодно, и Рита ни разу в этом не усомнилась. Не сомневалась и теперь. Зная, что предала его, Лера

уступила его ей. Оставался только один вопрос: что в ее жизни вдруг стало важнее Марка?

— Я не понимаю, зачем ей это? — она подняла на него взгляд, даже не думая опровергать его теорию. — Что такого важного ей может дать этот Никита, чтобы ради него она так поступила с тобой?

— У меня только одно предположение: она хочет, чтобы он добыл ей сведения о ее родителях. Он же вор.

— Но воровать антиквариат и информацию — это абсолютно разные вещи.

— Это ты понимаешь. Я понимаю. А Лера может не понимать. Не забывай, в некоторых аспектах она хуже ребенка.

— И что нам теперь делать?

— Для начала стоит поговорить с самой Лерой.

Рита скептически хмыкнула.

— Думаешь, она расскажет?

— Я не исключаю такой вариант. Она понимает, что делает плохо, и чувствует свою вину за это, иначе не стала бы пытаться свести нас вместе. Если будем спрашивать по-доброму, есть шанс, что расскажет. Она ведь не злая на самом деле.

— Может быть, рассказать Ксении?

Марк активно замотал головой, поскольку уже успел закинуть в рот кусок яичницы.

— Нет, не нужно, — прожевав, возразил он. — Ксения и Лера не слишком-то любят друг друга, мне бы не хотелось лишний раз провоцировать между ними ссору. Особенно если я не прав в своих подозрениях. Давай сейчас позавтракаем и сами к ней съездим.

Рита кивнула, с тоской вспоминая стоявший еще час назад на повестке дня Океанариум.

Глава 22

Лера впервые видела Никиту в реальности, и он пугал ее еще больше. Возможно, дело было в жгуче-черных цыганских глазах, которые смотрели холодно и равнодушно. Настоящий взгляд убийцы. Каждый раз, когда он смотрел на нее, Лера ежилась от ужаса, а слова застревали в горле. Сегодня он был без привычных бороды и усов. Глядя на такие знакомые черты лица, Лера тем не менее не узнавала их. Как сильно меняет внешность человека выражение глаз!

С самого утра, пока в салон не приехали Марк с Ксенией, она отослала Никите смс, в ультимативной форме требуя немедленно встретиться. И не где-нибудь, а в настоящей реальности, в их магическом салоне. Она сделала все, о чем он просил. Хотя, конечно, даже самый наивный человек в мире не мог бы принять его слова за просьбу. Это были приказы.

Когда-то давно, еще в клинике, когда Ксения только стала Лериным врачом, они разговаривали о ее семье. Предыдущий врач как-то обмолвился, что у ее родителей есть другая дочь. Лера не понимала, как можно сдать в детдом одного ребенка и родить другого, и говорила, что ненавидит родителей за все зло, что они ей причинили. Тогда Ксения рассказала ей о своем брате. Они были близнецами. Никита всегда был вредным и злым мальчиком, часто задирали других детей. Конечно же, никто не верил в то, что это он бил других, во всем обвиняли Ксению. Со временем она даже перестала доказывать что-то взрослым, молча принимая наказания за то, чего не совершала. Она ненавидела брата, но ничего не могла сделать. Лера тогда не знала наверняка, но ей казалось, что Ксения его боялась. Он следил за каждым ее шагом, специально обижал тех, кто был ей особенно дорог.

Он исчез, когда им исполнилось восемнадцать. Ксения не знала, куда он делся. Просто в одно прекрасное утро она проснулась, а его больше не было. Она поступила в университет, получила хорошую профессию, нашла престижное место работы. И простила брата. По крайней мере, так она говорила Лере, видимо, пытаясь доказать, что даже самое большое зло можно простить. Лера подозревала, что это не правда.

Никита вернулся несколько месяцев назад. Ксения рассказала ей об этом, потому что просила помощи. Никита снова следил за ней, и она почти ничего не могла сделать, чтобы он не узнал об этом. Вдвоем, тщательно шифруясь, они придумали план, по которому Лера должна была тайно

отвлекать Никиту видениями, давая Ксении свободу действий. Та и выяснила, что никуда он не исчезал на эти почти двадцать лет, все время был рядом, просто умело скрывался. Пока она училась на врача, наработывала себе репутацию, он воровал, иногда убивал, тоже наработывая репутацию, но среди совсем других людей. Призрак последней его жертвы, мальчишки с синдромом Дауна, случайно ставшего свидетелем убийства старухи Поликарповны, вцепился в него и приехал с ним, а потом перебросился на Марка, почувствовав в нем медиума.

У Ксении уже были идеи, как избавиться от брата навсегда, но тут что-то пошло не так. Лера не знала, где и как смогла проколоться, но Никита обнаружил выдуманную реальность. Если Ксении по материнской линии достались способности к гаданию, то Никита унаследовал нечто гораздо более опасное. В первый раз он без вызова пришел в выдуманную Лерой реальность тогда, на озере. А затем она отыскала его сама. Соблазн получить документы на родителей оказался сильнее, чем желание помочь Ксении. Еще не подозревая, какую ошибку совершает, Лера рассказала ему о том, что сестра хочет от него избавиться.

И вот теперь она хотела наконец получить хоть что-то за свою работу и за свое предательство.

К ее удивлению, Никита не стал возражать, и уже через полтора часа приехал в салон, открыв дверь своим ключом. Даже в этом демонстрировал власть.

— Чего тебе? — он выглядел спокойным и даже как будто удовлетворенным чем-то, поэтому вопрос тоже прозвучал почти добродушно.

Лера на мгновение подумала, что, возможно, ей даже не придется сильно угрожать, и сегодня Никита сам согласится на ее условия.

— Отдай мне документы, — потребовала она.

Он развалился на диване в гостиной, раскинув руки на спинке, и с довольной улыбкой посмотрел на нее. Лера стояла перед ним, словно школьница в кабинете директора. По крайней мере, именно так показывали в старых фильмах, которые любила Ксения.

— И что ты будешь с ними делать? — насмешливо поинтересовался Никита.

— Не твое дело.

— Да мне просто интересно. Если хочешь взглянуть им в глаза и спросить, как они могли бросить маленькую Лерочку в детдоме, то это не ко мне. А вот если бы ты сказала, что хочешь отомстить, тогда я бы подумал.

— Какое же ты чудовище.

— Как и ты, мой птенчик. — Никита расплылся в довольной ухмылке. Лера сжала кулаки и глубоко вдохнула.

— Отдай. Мне. Документы.

— Не то что?

— Я расскажу все Марку.

— Ты мне угрожаешь? — Никита даже наклонился вперед, глядя ей в глаза.

На его лице что-то неуловимо изменилось, хотя он продолжал улыбаться. Лера почувствовала, как внутри все задрожало от страха, но отступать она больше была не намерена. Хватит.

Она медленно кивнула.

Никита сорвался с места так резко, что Лера даже не успела среагировать. Уже в следующее мгновение он схватил ее за волосы, запрокинул голову и приблизил свое искаженное злобой лицо к ее лицу. Очки отлетели в сторону, но он не боялся ее способностей. Лера не знала как, но те теперь действовали на него, только когда он сам того хотел. Иначе он не смог бы приходить к ней в видения без приглашения. Впервые Лера смотрела в чужие глаза без очков и не могла ничего сделать.

— Угрожать она мне вздумала, — прошипел Никита ей в лицо. — Хочешь, я расскажу тебе, как все будет? Вы с твоим ненаглядным Марком побежите в полицию. Даже не представляю, какими словами будете все рассказывать, но, допустим, они вам поверят. Неужели ты думаешь, меня посадят? Поверь, я откуплюсь, у меня хватает связей. Но скорее всего, вам даже не поверят. И тогда берегитесь. Никому из вас троих не жить. Либо другой вариант: тебе не поверит даже Марк. После того, как ты предала его, как он практически погиб из-за тебя. Да и зачем ему твои проблемы? Теперь ты ему не нужна, у него есть Рита.

Лера скрипнула зубами от боли и обиды, чувствуя, как в уголках глаз закипают слезы.

— Отпусти меня! — потребовала она, но голос прозвучал жалко и униженно.

Никита еще некоторое время смотрел ей в глаза, словно желая убедиться, что она все поняла, а затем резко и сильно оттолкнул от себя. Лера отлетела на несколько метров и упала на стол, машинально сжав кулаки. В левой руке она почувствовала что-то твердое и холодное, но лишь несколько секунд спустя смогла разглядеть металлические ножницы с длинными лезвиями. Она крепче сжала их, тяжело дыша и стараясь контролировать мысли в голове, но те, не находя выхода, готовы были

разорвать ее изнутри.

— И запомни, паршивка: ты никогда не получишь документы, поняла? — процедил Никита. — А будешь мне угрожать, я сам все расскажу Марку. Так, как посчитаю нужным. И тогда ты точно никому не будешь нужна в этом мире, останешься совсем одна.

Лера крепко зажмурила глаза, поскольку даже от них открытых было мало толку: она все равно ничего не видела. Океан ненависти и злости требовал жертву, топя свою хозяйку в темных водах. Лера не сразу осознала, что дикий крик, разорвавший напряженную тишину, принадлежит ей самой. Она развернулась и бросилась на Никиту, продолжая кричать и ничего не разбирая перед собой. Острые ножницы вошли в чужую плоть мягко, как в невесомое облако.

Лишь когда крик прекратился, она увидела перед собой расширившиеся черные глаза, которые выглядели удивленными. Словно Никита не мог поверить в то, что произошло. Лера опустила взгляд и увидела ножницы, торчащие у него из правого бока. Они вошли глубоко, по самую рукоятку. Никита прижимал их к себе окровавленными руками, как будто хотел не дать им выпасть. Лера перевела взгляд на собственные руки, которые тоже окрасились в алый цвет. Осознание произошедшего заставило ее сердце забиться еще быстрее, однако уже мгновение спустя губы растянулись в странном оскале, мало похожем на улыбку.

— Мразь! — она толкнула Никиту, и тот тяжело повалился на пол.

Лера не удержалась, замахнулась и ударила его теперь уже ногой. Никита зарычал от боли, скорчившись возле дивана.

— Сволочь! Марку он расскажет. Это ты заставил меня предать его. Это ты его чуть не убил. Я всегда его любила, всегда. И я не хотела ему зла.

Беспрерывно бормоча, Лера опустилась на колени и принялась методично обшаривать его карманы. Где-то должен быть ключ от сейфа, она точно знала. Она сама возьмет то, что ей нужно. Сразу надо было так сделать, и не просить ничего, не унижаться, не предавать Марка.

Никита тяжело и хрипло дышал, а когда она нечаянно задела ножницы, замычал, как корова, идущая на убой, но ей было все равно. Найдя ключ в кармане его джинсов, она тут же бросилась к сейфу. Дрожащие от возбуждения руки никак не могли попасть в замочную скважину, и Лера перепачкала кровью всю дверцу возле нее. И вот наконец вожденная папка оказалась в ее руках. Она распахнула ее, и стопка бумаг рассыпалась по полу.

Вот она, копия ее свидетельства о рождении. Меркулова Валерия Павловна. Мать — Меркулова Анастасия Сергеевна, отец — Меркулов

Павел Антонович.

Лера стояла на коленях рядом с распахнутым сейфом, держала в руках собственное свидетельство о рождении и чувствовала, как внутри нее океан ненависти сменяется полыхающим огнем. Эти люди бросили ее. Отдали в интернат и ни разу не навестили. Твари. Анастасия Сергеевна и Павел Антонович. Мерзкие твари, посмеявшиеся бросить трехлетнюю дочь только потому, что не додумались надеть ей очки на нос.

Целых семнадцать лет она была никому не нужна. Семнадцать лет ее все ненавидели. Пока не появился человек, который сделал такую малость — принес ей темные очки. И этим полностью перевернул ее жизнь. А она предала его. Лера зарычала, стукнув кулаком по железной дверце сейфа. Рука тут же отозвалась полыхнувшей болью, словно огонь из головы обжег ее.

Это все из-за них, из-за этих сволочей. Из-за них она отказалась от единственного человека, которому было до нее хоть какое-то дело.

Она бросила свидетельство о рождении и принялась рыться в бумагах, ища адрес родителей.

Они за все ответят.

И за нее.

И за Марка.

Квартира встретила их гробовой тишиной. Более того, она вообще оказалась не заперта. Они не стали заходить через салон, поскольку никто из них не знал, назначено ли сегодня кому-то из клиентов. Марк сунул ключ в замок задней двери, но тот не пожелал поворачиваться.

— Странно, — пробормотал Марк, пропуская Риту в прихожую, — Лера всегда закрывается. Тут рядом Апрашка, тот еще контингент.

Рита молча пожала плечами. Ей казалось неправильным, что она тоже приехала. Наверное, стоило позволить Лере поговорить только с Марком. Если она на самом деле в чем-то виновата, то едва ли станет откровенничать с ними обоими. У одного Марка было бы больше шансов, но он настоял на том, чтобы поехали они вдвоем.

— Лера? — тихо позвал Марк, запирая дверь. — Ты дома?

Ответом ему была тишина.

— Проверь квартиру, а я загляну в салон, — попросил он.

Рита кивнула, сворачивая в сторону жилых комнат. Спальня оказалась пуста, хотя смятая постель давала понять, что ночевала Лера все же дома. Заглянув в просторную гостиную, Рита сначала заметила разбросанные по полу бумаги, а затем распахнутый сейф.

— Марк! — позвала она.

Чертова Апрашка, неужели квартиру ограбили? Но где тогда Лера? Рита подошла ближе к сейфу, заметив кровавые следы возле замка. Противный холодок пробежал по позвоночнику, на мгновение сделав ноги ватными. Она не имела ни малейшего понятия, что Ксения хранила в сейфе, но обычно туда кладут самое ценное и дорогое. Она осторожно заглянула внутрь, где среди бумаг лежало что-то черное, сначала показавшееся ей похожим на миниатюрный парик, но затем она поняла, что это накладные усы и борода. Какое-то неясное подозрение шевельнулось у нее в голове, но она не успела оформить его в слова, как на пороге гостиной появился Марк.

— Что случилось? — встревоженно спросил он. — Ты что-то нашла?

Рита обернулась и только сейчас увидела человека на полу возле дивана. Она ахнула от неожиданности, машинально сделав шаг назад и упершись спиной в дверцу сейфа. Теперь Марк тоже увидел его.

— Черт побери, Ксения!

Он, забыв про больную ногу, кинулся к ней. Ксения сидела на полу, прислонившись спиной к дивану, низко опустив голову и прижимая руки к животу, из которого торчала рукоятка ножниц. Черная рубашка пропиталась кровью, темная лужа растекалась по полу.

Рита скинула с себя оцепенение и тоже оказалась рядом, первым делом проверяя пульс. Он едва прощупывался, но все еще присутствовал.

— Она жива, Марк! Нужно отвезти ее в больницу.

— Нет, — едва слышно донеслось в ответ.

Марк приподнял ее голову, убрал с лица темные волосы. Ксения выглядела очень бледной, пересохшие губы были чуть приоткрыты, но взгляд все еще оставался осмысленным.

— Не надо в больницу, — повторила она.

— Иначе ты умрешь.

Она растянула губы в некоем подобии улыбки и прикрыла глаза.

— Я этого хочу.

— Марк, она бредит, — прошептала Рита, переводя взгляд с лица Ксении на ее рану. Та выглядела очень плохо. Судя по расположению, ножницы могли попасть в печень. Она помнила их длинные лезвия, которые наверняка вошли очень глубоко. Скорее всего, Ксения до сих пор жива только потому, что они закрывают рану и задерживают кровь. Любая самостоятельная попытка изменить положение ее тела может сделать только хуже. — Я могу сама помочь ей, — предложила она.

Ксения снова качнула головой.

— Нет.

— Ксения, не дури, — попросил Марк, все еще поддерживая ее голову. — Позволь Рите помочь.

— Вы не понимаете... — Она приоткрыла глаза и посмотрела на него, но тут же снова закрыла их. — Если вы спасете меня, он тоже... выживет. А я больше не могу. Нет другого способа избавиться...

— Кто, Ксения? О ком ты?

Она молчала несколько долгих секунд, собираясь с силами, чтобы произнести ненавистное имя.

— Никита.

Марк нахмурился и посмотрел на Риту. И внезапно она все поняла. Ксения! Все это время они искали убийцу, который был совсем рядом.

— Моя... вторая личность... — подтвердила ее страшную догадку Ксения.

— Что? — Марк снова непонимающе посмотрел сначала на Ксению, затем на Риту.

— Диссоциативное расстройство идентичности, — прошептала Рита. — Я бы никогда в жизни не догадалась... Это такая редкость.

— О чем ты? Я не понимаю.

— Раздвоение личности. Слышал о таком? Это когда в одном человеке живет две или больше личностей. Каждая из них вполне самостоятельна, со своим характером, привычками. Они могут захватывать сознание и тело по очереди, но кто-то один всегда остается главным.

— Ты хочешь сказать, что Ксения — и есть Никита? — все еще с трудом понимал Марк. Он никогда не интересовался психиатрией дальше своего собственного диагноза. — Это возможно?

— Это еще более возможно, чем твое общение с призраками, — Рита кивнула, посмотрев на Ксению. Та сидела с закрытыми глазами, тяжело и прерывисто дышала и лишь слегка кивнула, словно соглашаясь с ее выводами.

— Он появился, когда мне было пять, — с трудом произнесла она, не открывая глаз. — Есть мнение... что это происходит из-за какого-то травмирующего фактора... но если он и был, то я его не помню.

— Таким образом сознание человека словно защищается, — продолжила Рита. — Вполне возможно, в ее жизни произошло что-то такое, с чем детская психика не смогла справиться создала вторую личность. И то, что случилось, случилось как будто в жизни Никиты, а не Ксении. Она это воспоминание вычеркнула.

Ксения снова согласно кивнула.

— Он считал себя моим братом... Но это было не так... У меня не было братьев. Никогда.

— Но как же тогда все эти убийства? — Марк нахмурился, хотя теперь на его лице было написано скорее упрямое отрицание, чем непонимание. — Конечно, Ксения далеко не всегда была с нами, и я не знаю, что она делала в это время, но когда мы ездили к колдуну, на меня напал мужчина. Я слышал мужской голос.

— Когда тело захватывает другая личность, голос, походка, даже манера речи могут меняться. А что касается внешности, — Рита кивнула на раскрытый сейф, — Никита и ее менял. Усы и бороду приклеить недолго, волосы у Ксении и так короткие. И вот тебе мужчина. Держу пари, это он и убил колдуна. Ксению ведь задержали только утром, он вполне мог успеть. Я только одного не понимаю, — она снова посмотрела на Ксению. — Дух колдуна был настроен очень агрессивно, когда я выпустила его из дома. Почему он не отомстил своему убийце?

— Потому что он не смог бы убить его, не убив меня, — прошептала Ксения.

— Зачем мы вообще к нему поехали? — спросил Марк. Теперь ему казалось очень сомнительным объяснение Ксении о том, что колдун мог помочь ему избавиться от призрака.

— Карты сказали... что старый друг мне поможет, — пояснила она.

— Тогда логичнее было бы поехать самой, разве нет?

— Я надеялась, что в твоём присутствии он... не сможет взять верх надо мной... чтобы не выдать себя.

— Но он нашел способ избавиться от ненужного свидетеля, — тихо пробормотала Рита.

Ксения снова кивнула, а затем внезапно твердо сказала:

— Найдите Леру... Иначе она убьет их...

Марк машинально посмотрел на открытый сейф. Теперь все наконец-то стало на свои места. Он был прав: Лера действительно помогала Никите, потому что хотела получить документы, узнать адрес родителей. Она знала, что Никита может их достать не потому что он вор, а потому что он — Ксения.

Марк посмотрел на ее измученное лицо.

— Это Лера сделала?

Она моргнула, уже в не в силах качнуть головой.

— Он издевался над ней... Она сорвалась... Я ее не виню. Найдите ее... там... есть адрес.

Рита подползла к разбросанным бумагам, быстро перебрала их, пока

наконец не нашла листок с какими-то официальными данными, в том числе адресом семьи Меркуловых.

— Марк, останься с ней, — попросила она, поднимаясь на ноги. — Я найду Леру одна.

— С ума сошла?

— Одна я сделаю это быстрее, извини. К тому же если она захочет, то легко справится и с нами обоими. А человек не должен умирать в одиночестве.

Марк снова перевел взгляд на Ксению. Та сидела с закрытыми глазами и выглядела совершенно безучастной. Черты лица заострились и казались чужими. Она же психиатр, почему она не смогла справиться со своей проблемой? Как позволила второй личности брать над собой верх? Марк плохо разбирался в психиатрии, обычно его волновало только то, как заглушить голоса в собственной голове, но он точно знал, что Ксения была прекрасным специалистом. И если она ничего не смогла сделать, то, видимо, смерть на самом деле единственный выход.

— Будь осторожна, — попросил он.

Рита улыбнулась ему, быстро коснулась его губ, а затем выпрямилась и выбежала из гостиной. Спустя пару секунд где-то далеко хлопнула входная дверь.

— Сделай что-нибудь, — внезапно раздался рядом чужой голос. Марк узнал его: именно он окликнул его в гостинице.

Он вздрогнул и повернулся к Ксении. Теперь на него смотрели два черных глаза, одновременно таких знакомых и таких незнакомых. Ксения обладала непростым характером, но человек, сидевший перед ним, выглядел гораздо более скверным.

— Что ты сидишь? — снова спросил он. — Ждешь, пока я сдохну?

— Именно этого я и жду, — не стал отрицать Марк, отползая чуть подальше. Он не мог внятно объяснить причину, но чувствовал угрозу от Никиты, даже когда тот был при смерти. Инстинктивно хотелось находиться как можно дальше. Человек напротив него совершенно точно больше не был Ксенией.

— Если дашь мне умереть, я тебя с того света достану.

— Вот уж чего я точно не боюсь, — хмыкнул Марк, хотя не мог отрицать, что перспектива привлекательной не выглядела. Он подозревал, что если этот человек сможет приходить к нему, то Павел и Поликарповна покажутся детским лепетом.

— Тупая баба, — злобно процедил Никита, морщась от боли. Он тоже прикрыл глаза, но выглядел при этом гораздо сильнее Ксении, хотя Марк не

представлял, как такое возможно, ведь тело было одним. — Если бы она не сопротивлялась... жили бы сейчас в шоколаде... У меня куча клиентов, готовых платить за редкие вещи... а она была прекрасным алиби...

— Кому ты продал гребень старухи из Соснянки? — перебил его Марк.

Никита промолчал, словно не услышал его вопроса.

— Где Ксения? Я хочу видеть ее.

Никита оскалился, что, видимо, должно было изображать ухмылку.

— Нет ее больше.

— Тогда смотреть, как умираешь ты, я вовсе не собираюсь.

Он огляделся в поисках своей трости, но вместо этого наткнулся взглядом на пухлый файл, забитый какими-то квитанциями. Марк дотянулся до него и вытряхнул бумаги себе на колени. Это были ксерокопии квитанций об оплате за клинику. Он сразу узнал эмблему в верхнем левом углу, поскольку у него самого дома хранились такие квитанции.

«Оплата за содержание пациентки Меркуловой Валерии Павловны», значилось в графе «Назначение». Марк быстро нашел взглядом отправителя. Меркулов Павел Антонович. Квитанций было очень много. Его никогда особенно не волновало, кто оплачивал содержание Леры в дорогой клинике, и даже когда Рита однажды задала ему этот вопрос, уже на следующий день забыл о нем, не спросил у Ксении. Теперь он наконец-то это знал.

Марк нашел свою трость и медленно поднялся на ноги. Грудная клетка сидящего перед ним человека все еще судорожно вздымалась, но он уже ничего не говорил. Наверное, потерял сознание. Ксения умерла, теперь здесь осталось только это чудовище. И Марк не собирался держать его за руку, провожая в другой мир.

Не следовало вообще отпускать Риту одну.

Глава 23

Рита рассудила, что раз Ксения при таком ранении была еще жива, когда они ее нашли, то Лера ушла из салона ненамного раньше них. Она надеялась догнать девушку до того, как та успеет надеть глупостей. А в том, что она их надевает, Рита не сомневалась.

Она не знала, как относиться ко всему происходящему. Все так стремительно менялось, становилось с ног на голову, что она не успевала за происходящим. Они так долго искали и выслеживали Никиту, даже не подозревая, что он рядом, знает обо всех их действиях, предугадывает их. И несмотря ни на что, ей было жалко Ксению. Она, конечно, виновата в том, что никому ничего не сказала, не обратилась за помощью, посчитав, что справится сама, не остановила свою вторую личность, вора и убийцу, но Рита не могла точно сказать, как поступила бы на ее месте. Максимум, что она могла сейчас сделать для нее, — это позволить закончить все, поэтому не стала настаивать на вызове «скорой помощи». Рита никогда не считала, что спасать нужно даже тех, кто этого не хочет.

Теперь главной ее задачей было остановить Леру, пока ситуация не стала еще хуже. И она наверняка успела бы, если на мосту такси не встало в мертвую пробку.

— Что там такое? — нетерпеливо спросила она, когда на второй зеленый сигнал светофора они так и не тронулись с места.

— А черт его знает, — безразлично пожал плечами водитель. — Скорее всего, встретились два одиночества. Бампер поцарапали, а нам теперь стой, пока менты не приедут.

Рита закусил губу, вытягивая шею, словно действительно могла разглядеть что-то впереди сквозь вереницу машин. Когда зеленый свет загорелся в третий раз, а они ни на миллиметр не приблизились к перекрестку, она не выдержала, вытащила из кошелька деньги и протянула их водителю.

— Дальше я сама.

— Девушка, да поедem сейчас, куда же вы? — возразил тот, когда она уже взялась за ручку двери.

— Если поедете, то подберите меня чуть дальше, а пока мне некогда ждать.

Она выскочила из такси и, ловко лавируя между автомобилями, побежала к перекрестку, радуясь только тому, что Марк остался в салоне. С

ним такой маневр едва ли удался бы. Обогнув пробку, она добежала до остановки и запрыгнула в уже закрывающиеся двери автобуса.

Родители Леры жили в небольшом районе на окраине города, сплошь застроенном маленькими двух— и трехэтажными домами на закрытой территории. Выскочив из автобуса на конечной остановке, Рита бегом кинулась вперед, пытаясь на ходу сориентироваться, где может находиться нужный ей дом. Она нашла его по припаркованной рядом машине Леры. Ворота во двор оказались приоткрыты, и нигде не было видно ни кого-то из жильцов, ни охранника, ни консьержа. Недолго думая, Рита распахнула ворота сильнее и вбежала во двор.

Возле двери парадной значилась табличка только с тремя номерками. Видимо, каждая квартира занимала целый этаж. Нужная ей находилась на последнем, третьем этаже. Рита позвонила туда, однако никто не ответил. Она отчаянно надеялась, что Меркуловых субботним днем просто нет дома, однако мерзкое предчувствие внутри подсказывало ей, что она опоздала. Она набрала номер квартиры на втором этаже, но и там никто не отозвался, только длинные гудки, как минуты жизни, вели отсчет.

Она не успела набрать третий номер, как внезапно дверь распахнулась. На одно мгновение Рите показалось, что оттуда сейчас выйдет Лера, однако из парадной показалась пожилая женщина с маленькой собачкой на поводке. Рита почти толкнула ее, чтобы прорваться в парадную. Женщина что-то возмущенно выговаривала ей вслед, но она не слушала.

Лифта, конечно же, не было, а лестничные пролеты оказались на удивление длинными, как в старых домах. Видимо, потолки в этих квартирах не меньше четырех метров. Она уже почти добралась до третьего этажа, как дверь последней квартиры распахнулась, и вот оттуда действительно вышла Лера.

Обе девушки замерли, глядя друг на друга. Боковым зрением Рита видела окровавленную футболку, растрепанные темные волосы, дрожащие губы, капельки пота на лбу Леры, но только боковым. Взгляд же ее был прикован к абсолютно пустым, ничего не выражающим зеленым глазам. Они чуть покраснели и опухли, как будто Лера недавно плакала. На ней не было очков, однако ничего странного Рита не чувствовала. Словно этот безразличный взгляд не способен был генерировать никакие видения.

«Опоздала», — мелькнула у нее в голове страшная мысль.

— Отойди, — велела Лера, первой придя в себя.

Голос бы совсем другим: звенящий, как будто ставший на два тона выше. В нем чувствовалась отчаянная готовность сносить все на своем пути.

Рита не сдвинулась с места, молча глядя на нее. Лера внезапно шагнула к ней, спустилась на несколько ступенек и остановилась рядом. Только тогда Рита увидела, что глаза тоже жили. В самой их глубине, как в болоте, плескалось что-то страшное, опасное. Но не для нее, а для самой Леры.

— Каждый долг должен быть оплачен, — произнесла Лера, хотя Рита ничего не спрашивала. — Это закон Вселенной.

— Это неправильный закон, — возразила Рита. — Нужно уметь прощать.

— Меня не научили.

— Марк всегда говорил, что ты быстро учишься.

Лера прикрыла глаза. Рита видела, как еще сильнее задрожали ее губы, а края ресниц стали влажными. Еще чуть-чуть — и она заплачет.

— Теперь уже поздно. Марк меня не простит.

— Он уже простил.

— Но всегда будет помнить. И никогда больше не сможет доверять мне. — Она снова распахнула глаза, и Рита почувствовала едва заметный теплый ветерок, дохнувший ей в лицо. — Дай мне куртку.

Она молча сняла куртку и протянула ей. Лера тут же закуталась в нее, спрятав под ней окровавленную футболку, и накинула капюшон на голову. Бросив еще один взгляд на Риту, она обогнула ее и быстро побежала вниз по ступенькам.

— Лера!

— Скажи ему, что я не хотела.

— Он знает.

Лера больше не обернулась, только ее торопливые шаги становились все тише. Рита еще несколько мгновений смотрела ей вслед, а затем словно очнулась и бросилась к двери в квартиру. Может быть, еще не поздно?

Квартира встретила ее такой же тишиной, как часом ранее салон в Апраксином переулке. Рита замерла на мгновение, не то прислушиваясь, не то не решаясь пройти дальше. Она несколько раз глубоко вдохнула, а затем, не давая себе передумать, шагнула вперед. Первая комната, в которую она попала, оказалась кухней. На столе стояли чашка с недопитым чаем и раскрытый ноутбук, на экране которого все еще шел какой-то фильм. Рита огляделась, но не увидела ни одной живой души.

Она быстро вышла из кухни и заглянула в следующую комнату, оказавшуюся просторной гостиной. Через приоткрытое окно дул легкий ветерок, шевеля занавески и разнося по комнате терпкий аромат увядающих листьев. И снова ни души.

— Да где же вы? — пробормотала Рита, одновременно желая найти хозяев квартиры и боясь этого.

Она проверила две спальни, и лишь открыв дверь в большую ванную комнату, наконец увидела их. Темноволосая женщина сидела в углу, прижимая к себе молоденькую девушку лет шестнадцати. Едва Рита вошла, женщина подняла на нее испуганный взгляд, еще сильнее прижав к себе младшую дочь и чуть повернувшись к стене, словно пыталась закрыть ее своим телом.

— Не надо, пожалуйста! — воскликнула она, с ужасом глядя на Риту. — Не трогайте ее! Лучше убейте меня.

Рита мгновенно почувствовала, как ноги стали ватными. Ей даже пришлось ухватиться за стену, чтобы не упасть.

— Я хочу помочь.

Она сделала шаг вперед, услышав, как под ногой что-то хрустнуло. Рита опустила глаза и увидела, что пол усыпан осколками. Большое зеркало в полстены оказалось разбито, а его осколки ковром укрыли весь пол. Некоторые были окрашены в алый цвет крови. Не обращая внимания на хруст под ногами, Рита подбежала к женщине и присела рядом, однако та еще сильнее прижала девушку к себе.

— Покажите. Я только хочу помочь, — повторила она.

Женщина еще несколько секунд обнимала дочь, словно боялась отпустить ее, а затем медленно ослабила объятия. Рита повернула девушку к себе, стараясь справиться с головокружением. Она была удивительно похожа на Леру, словно совсем юная копия. Все лицо было покрыто мелкими порезами, а на светло-розовой футболке разливалось кровавое пятно. Рита не сразу увидела в центре этого пятна большой осколок зеркала.

Она должна сделать свой выбор, сказал утром Марк. Но разве он не был очевидным?

Она медленно вытащила осколок, отчего девушка застонала, а ее мать сжала кулаки, глядя на Риту одновременно со страхом и надеждой. Рита приложила руки к груди девушки, почти сразу почувствовав, как маленькие иголки впиваются в кожу ладоней. Серебристые нити снова заструились по венам, собираясь теперь не в голове, а где-то в районе солнечного сплетения, разогреваясь и зажигая огонь. Рита стиснула зубы, потому что огонь внутри нее разгорался все сильнее, уже причиняя боль. Как, как ее отец делал это постоянно? Никогда она не сможет привыкнуть к этому.

Она крепко зажмурила глаза и почти до хруста сжала зубы, заставляя себя не отрывать руки, но очередная серебристая ниточка свернулась в

клубок, и она не выдержала: закричала, отняла руки, прижимая их к своей груди, стараясь погасить огонь, но тот только сильнее разгорался. Она бы хотела потерять сознание, как в прошлый раз, но сегодня мироздание было к ней не так милостиво, словно показывая, чем она будет платить за свой выбор.

Она слышала, как в комнату вошел кто-то еще, как захрустели осколки зеркала под чьими-то ногами, но не могла открыть глаза, чтобы посмотреть. Только услышав голос Марка, поняла, что это он.

— Отойдите от нее, — велел он кому-то.

— Это не мы. Мы ничего не делали, — испуганно ответил ему женский голос.

Марк опустился рядом с ней на колени и попытался поднять ее, но Рита только сильнее сжималась в комок, пряча лицо в собственных коленях. Почему-то так было проще вдохнуть. Он обнял ее, прижимая к себе, и что-то прошептал на ухо. Рита не могла разобрать слов, но они проникали внутрь, медленно, ниточка за ниточкой, разматывая огненный клубок в груди. Она уткнулась лицом в его шею, осторожно вдыхая еще не слишком привычный, но уже такой любимый запах. Каждый вдох становился все глубже, и она наконец смогла отнять руки от своей груди, чтобы обнять его в ответ.

— Зачем вы сюда приехали?

— Я здесь работаю.

— Но сегодня суббота, выходной.

— Вы же работаете.

— Я следователь.

— А я медиум.

Сидящий на стуле мужчина только хмыкнул в ответ, затем что-то коротко пометил в блокноте, лежащем перед ним на столе, и потянулся к бутылке с водой, в которой осталось меньше половины.

— То есть вы не подозревали о том, что здесь произошло, и приехали не поэтому? — уточнил он, сделав несколько больших глотков.

— Не имел ни малейшего представления, — почти не соврал Марк.

Убедившись, что ни Анастасии Меркуловой, ни ее младшей дочери больше ничего не угрожает, Марк и Рита вернулись в салон и были вынуждены вызвать полицию. И Ксения, и Никита к тому времени уже умерли, а избавляться от трупa своими силами казалось обоим очень плохой идеей. Марк предлагал вызвать полицию еще у Меркуловых, но мать Леры твердо заявила, что делать они этого не станут. Она позвонила

мужу, которому повезло находиться в этот момент на рыбалке где-то за городом, и сказала, что они обеспечат собственную безопасность своими силами, если вдруг Лера вздумает вернуться. Марк не стал настаивать. Ему тоже не хотелось натравливать лишний раз на Леру полицию. Да и афишировать дар Риты желания не возникало. Анастасии Меркуловой было плевать на все дары мира, главное, что ее младшая дочь осталась жива и ей больше ничего не угрожало.

— Один вопрос, — не удержался Марк, когда они уже уходили. — Почему вы отдали Леру в интернат?

Анастасия отвернулась от него и долго смотрела в окно, прежде чем ответить.

— Мы думали, так будет лучше, — наконец едва слышно сказала она. — Первое время мы навещали ее, но каждый раз после наших визитов ей становилось хуже. Она плакала, устраивала истерики, а от этого ее мысли становились только страшнее. Врач посоветовал нам какое-то время не приходить.

— И вы перестали приходить вообще?

— У нее были улучшения! Если бы вы не подстроили ее смерть, рано или поздно она бы поправилась.

Марк скривился. Невежество — вот самый страшный из грехов.

— У нее не было улучшений. Знаете почему? Потому что она никогда не была больна. С ее даром вполне можно жить. Просто вам так было проще. Вы не видели ее, не знали, что с ней, и придумали себе, что без вас ей будет лучше. Но правда в том, что это вам без нее было лучше.

Анастасия сжала кулаки, но от своей позиции не отступила.

— Мы не знали, как с ней справиться. Да, нам было страшно. Это нормальная реакция нормальных людей. Но мы ее не бросали. Мы всегда интересовались ее состоянием, платили за клинику, сначала за детскую, потом за взрослую, хотя это были слишком большие деньги даже для нас. Мы давали ей все, что могли.

— Вы не давали ей самого главного: вашей любви, — презрительно бросил Марк. — Это единственное, что ей было нужно. Вовсе не дорогая клиника. Всем было бы лучше, если бы она знала, что вы ее не бросали.

— Мы поступили так, как посчитали нужным, — отрезала Анастасия. — И не вам нас судить.

— Теперь пожинайте.

— Вы даже не сказали нам, что она жива! Мы думали, она погибла.

— Держу пари, не сильно расстроились.

— Не смейте так говорить! — задохнулась от возмущения Анастасия.

На какое-то мгновение Марку даже показалось, что он сейчас снова получит по лицу.

— Я говорю так, как считаю нужным, — передразнил он. — И не вам меня судить.

Она ничего не ответила. Лишь когда они с Ритой уже вышли из квартиры и спустились на один лестничный пролет, позвала его:

— Марк!

Он остановился, но не обернулся.

— Скажите Лере, что мы не держим на нее зла. Она может прийти, если захочет. Мы не станем заявлять в полицию. Она... всегда будет нашей дочерью.

Марк еще несколько мгновений молча стоял на лестнице, а затем, так ничего и не сказав, медленно пошел вниз. Можно подумать, теперь все это имело какое-то значение.

Следователю о том, что произошло в доме Меркуловых, они не сказали ни слова. Хватит с него и убийства Ксении.

— Вы знаете, зачем Валерия могла убить Ксению Федорову? — поинтересовался следователь, снова что-то быстро помечая в блокноте.

— Ей были нужны кое-какие документы из сейфа, а Ксения их не отдавала, — честно ответил Марк.

— Какие документы?

— Адрес ее родителей.

— Откуда он был у Федоровой?

— Она была лечащим врачом Леры.

— Лечащим врачом? А как же колдунья? — следователь оторвался от блокнота, посмотрел на Марка и скептически приподнял бровь.

— Колдуньей она стала год назад, до этого была врачом.

— От чего лечили Валерию?

Марк усмехнулся.

— Мне не сообщали ее официальный диагноз, поскольку я был таким же пациентом, как и Лера.

— А от чего лечили вас?

— От шизофрении.

Брови следователя взлетели вверх, спрятавшись под челкой. Марк снова не сдержал усмешки. Бедняга, он явно не ожидал такой подставы в субботний день. Следователь даже вопросительно посмотрел на Риту, словно ожидая подтверждения или опровержения его слов, но та промолчала. Она вообще почти все время сидела молча, прячась в его объятиях, и отвечала на вопросы только тогда, когда их задавали конкретно

ей. Марк не знал, подействовало ли так на нее все происходящее или же она еще не до конца отошла от использования своего дара. Он крепче прижимал ее к себе, иногда тихо обещая, что, как только их отпустят, он сразу же отвезет ее домой. Рита не уточняла, куда именно «домой», но он знал, что это будет его квартира. Он отправил бы ее на такси еще до приезда полиции и не впутывал во все это, но она уже успела оставить свои отпечатки на дверце сейфа. Что-то протирать и тем самым вызывать лишние подозрения у полиции он не хотел, поэтому она была вынуждена сидеть вместе с ними на кухне квартиры в Апраксином переулке и изредка отвечать на вопросы. Из гостиной слышались голоса полицейских и криминалистов, но тело Ксении уже унесли.

— То есть речь идет о каком-то психическом заболевании? — уточнил следователь.

Марк кивнул.

— Зачем ей был нужен адрес родителей?

— Не знаю. Возможно, хотела посмотреть им в глаза и спросить, почему они отдали ее в интернат в возрасте трех лет.

— Они отдали ее в интернат?

— Да. Посчитали ее психически больной.

— А вы считаете, что это не так?

Марк равнодушно пожал плечами, предоставляя ему самому решать, что он считает.

— Может быть, она хотела отомстить им? — предположил следователь.

Марк снова промолчал.

— Мне нужен адрес ее родителей. Возможно, им угрожает опасность.

— Я звонил им. С ними все в порядке. Они предупреждены и будут осторожны.

— И тем не менее.

Марк понимал, что адрес следователю нужен для того, чтобы задержать убийцу, если вдруг Лера туда все же придет. Однако отвечать ему не пришлось. В этот момент на кухню вошел один из оперативников и протянул следователю какие-то бумаги. Марк со своего места не видел, что это, но они походили на документы. Наверное, там был и адрес Меркуловых. Следователь внимательно прочел их, а затем снова посмотрел на Марка.

— Как, вы говорите, полное имя Валерии?

— Меркулова Валерия Павловна, — сказал он, уже догадываясь, какие именно документы принес полицейский.

— Вот ее свидетельство о смерти, — следователь помахал в воздухе бумагой. — Как вы это объясните?

— Это всего лишь свидетельство о смерти. Оно не имеет к настоящей смерти никакого отношения.

— То есть вы хотите сказать, что кто-то обеспечил ей фиктивную смерть? Зачем?

— Иначе она была обречена всю жизнь провести в психушке.

— Так может, для этого были все основания? Ее родители не зря отдали ее туда?

Марк снова равнодушно пожал плечами, в очередной раз предлагая следователю самому ответить на этот вопрос.

— Кто помогал Валерии сбежать из клиники? — задал тот следующий вопрос, правильно поняв, что ответа он не дождется. — Вы?

— Я был таким же пациентом, как и она. Это сделала Ксения.

— Но вы знали об этом?

— Если бы я не знал, разве сказал бы вам сейчас об этом?

— То есть вы были соучастником преступления?

— Если вы сможете это доказать, то да.

— Марк, — тихо шепнула ему Рита. — Что ты делаешь?

Он лишь успокаивающе погладил ее по плечу. Терпение потихоньку заканчивалось, и он боялся, что может сорваться.

— Мне уже пора звонить адвокату?

Следователь ухмыльнулся.

— А он у вас есть?

— Вебер Гедеон Александрович.

Судя по изменившемуся лицу следователя, имя было ему знакомо.

— Это мой отец, — не преминул добавить Марк с заметным злорадством в голосе.

К чести сидящего напротив мужчины, он никак не отреагировал на это заявление, хотя, когда он задал следующий вопрос, по его тону Марк понял, что информацию он принял к сведению. Голос из насмешливого стал как минимум просто заинтересованным.

— Вы знали, что Валерия может убить Ксению ради адреса родителей?

Марк вздохнул. Как же ему надоели эти глупые вопросы, на которые он все равно не мог ответить честно. Следователь не походил на участкового из Соснянки, ему о призраках и телепатических способностях Леры не расскажешь. Для него все очевидно: старшая дочь Меркуловых с детства страдала психическим заболеванием, поэтому всю жизнь провела в

психушке. Затем ее оттуда вытащила Федорова Ксения Борисовна, сфальсифицировав документы. Неуравновешенная Валерия убила свою спасительницу, чтобы узнать адрес родителей и попытаться отомстить им. Именно так эта история будет выглядеть для всех, кто не знал Леру и Ксению. И у Марка сейчас не было сил кого-то в чем-то переубеждать.

Поэтому он просто кивнул.

— Почему ничего не сказали ей?

— Она тоже это знала.

— Зачем тогда хранила адрес? Почему просто не уничтожила документы?

— Я не знаю. Возможно, чтобы привязать Леру к себе. Лера на нее работала, приносила немалый доход.

— То есть Федорова не была такой уж исключительно белой и пушистой, пожелавшей спасти несчастную девушку от пожизненного заключения в психушке?

— А разве бывают исключительно белые или исключительно черные? — Марк вопросительно посмотрел на следователя, и в его голосе наконец проскользнуло раздражение. — Разве не все мы одинаково серы? Все зависит от ракурса, с которого вы смотрите на человека.

— Вы хотите сказать, что можете оправдать даже поступок Валерии?

— Вы едва ли его поймете.

Лера не знала, сколько прошло времени. Может, несколько часов, а может, и несколько дней. Дождь давно перестал барабанить по козырьку крыши, еще сохранившемуся над входом, а в мрачном помещении было и так темно. Она сильнее завернулась в куртку Риты, набросив на голову капюшон, и спрятала лицо в коленях. Становилось очень холодно. Бомжи, которых она прогнала отсюда, возвращаться не решались, и она чувствовала себя в относительной безопасности.

Выйдя из дома родителей, если этих людей можно было так называть, Лера сначала села в машину, но, проехав несколько кварталов, бросила ее. Во-первых, по машине ее будет слишком легко найти, а искать ее наверняка будут, она же убила как минимум одного человека. И тогда первый же гаишник схватит ее. А во-вторых, Лера не представляла, куда ей ехать. Ксения мертва, едва ли салон теперь будет работать. И опять же, это первое место, где ее станут искать. К Марку? Даже если Рита права, даже если он простил ей предательство, то едва ли простит убийство. Обращаться за помощью к Марку значило снова подставить его. Этого Лера хотела меньше всего на свете. Почему она не подумала о том, что будет делать, до

того, как поехала к родителям? Впрочем, она мало что соображала. Ножницы, мягко вошедшие в тело Никиты, что-то перещелкнули в ее голове. Все остальное она видела словно со стороны, как в кино.

Мать открыла ей дверь и, конечно же, не узнала ее. Откуда ей было ее знать? Что общего трехлетний ребенок может иметь с двадцатипятилетней девушкой? Она смотрела на нее удивленно, словно ждала чего-то. И лишь когда Лера сняла очки, выдохнула:

— Лера?

Только сейчас Лера задалась вопросом, а как она узнала ее без очков? Тогда ей было не до этого. Мгновение спустя мать уже пятилась от нее, пока не уперлась спиной в стену. А затем развернулась и бросилась в глубь квартиры. Лера догоняла ее кошмарами, но, загнав на кухню, растерялась. Она не знала, что ей делать. В воображении, когда она сотни раз представляла себе этот момент, у нее в руках всегда оказывался пистолет. На самом деле она никогда в жизни не то что не стреляла, но даже не держала его. Просто это было так красиво: поднять пистолет, нажать на спусковой крючок, перевести на другого человека, снова выстрелить. В реальности же никакого пистолета у нее не было. Взять нож со стола? И что дальше? Просто ударить им стоящую напротив женщину? Лера не представляла, как это возможно. С Никитой все получилось спонтанно. Ножницы словно сами оказались у нее в руке, а затем она, ничего не соображая, просто бросилась на насмехающегося над ней человека. Она не хотела его убивать. Сейчас же все было по-другому.

Несколько долгих секунд, может, даже минут они просто стояли друг напротив друга. Кошмарами она мать больше не мучила. Те словно тоже растерялись и куда-то спрятались. Женщина смотрела на нее сначала с ужасом, а затем в ее взгляде появилось что-то другое. Она робко улыбнулась и протянула к Лере дрожащую руку.

— Моя девочка... ты жива.

Лера почувствовала, как на губах появилось что-то соленое. Она облизнула их, понимая, что это слезы.

— Мама?

В первую секунду ей показалось, что это сказала она сама, но мать вдруг посмотрела на что-то за ее спиной. Лера тоже обернулась, увидев совсем рядом девушку, чуть ниже и моложе ее самой. Та смотрела на нее с любопытством, совсем без страха. Они были так похожи, как настоящие сестры. Впрочем, они и были настоящими сестрами. На этот раз пауза была очень короткой.

— Вика, беги! — крикнула мать.

Не задавая лишних вопросов, девушка бросилась к выходу, а Лера почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Эта женщина вовсе не обрадовалась ее появлению. Ее улыбка и протянутая к ней рука были лишь способом отвлечь ее. Возможно, чтобы первой дотянуться до того самого ножа. Она хотела только одного: спасти эту самую Вику. Ее сестру. Ребенка, которого родили на замену ей. Девушку, занявшую ее место.

Пальцы невольно сжались в кулаки. Лера бросила еще один взгляд на мать и кинулась за сестрой.

Вика, вместо того, чтобы бежать к выходу, вскочила в ванную комнату. Наверное, хотела закрыться на замок, но Лера успела ворваться следом. Не понимая, что делает, она схватила сестру за руку, но та вырвалась и с разбегу налетела на огромное зеркало. Осколки, словно взбесившиеся осы, посыпались на них сверху, беспощадно жала все открытые части тела. Лера поскользнулась на чем-то и упала на пол, подмяв под себя Вику. Ладони жгло огнем при каждом движении, но она быстро села, не обращая внимания на боль, и вытащила из кожи несколько крупных осколков. Сестра лежала лицом вниз и даже не попыталась подняться. Лера успела только отползти в сторону, когда в ванную ворвалась и мать. Она что-то кричала, но Лера не могла разобрать слов. Она видела только огромное кровавое пятно на футболке сестры, когда мать перевернула ее. Лера перевела взгляд на собственные руки, на которых перемешалась ее собственная кровь с кровью Никиты, а теперь и Вики. Она инстинктивно вытерла ладони о футболку и медленно, не в силах подняться на ноги, выползла из ванной.

Она плохо помнила, что было дальше. Пошатываясь и держась за стену, она поднялась и вышла из квартиры. Кажется, на лестнице встретила Риту. Все было словно в тумане. Осязаемой осталась только кровь на ее руках и футболке.

Она бросила машину, оставив в ней футболку, и несколько километров шла пешком, пока окончательно не замерзла, а затем нырнула в какой-то подвал. Группа грязных, оборванных, вонючих, наверняка пьяных мужиков, сидящих вокруг небольшого костра, крайне обрадовалась появлению молоденькой девушки. Один из них тут же подвинулся, предлагая Лере картонку, на которой сидел сам, и плотоядно улыбнулся, обнажив остатки гнилых зубов. Несколько секунд спустя вся компания с воплями и криками, отталкивая друг друга, уже бежала к выходу. Лере нужно было место, чтобы прийти в себя.

Костер давно погас, и заброшенный подвал совсем остыл. Как она ни куталась в куртку, холод все равно пробирал до костей. Вдобавок

захотелось есть. Она даже улыбнулась, подумав об этом. Странное чувство, когда в голове так и не родилось ни одной мысли, а желудок требует еды, словно ничего и не произошло.

Лера вылезла из подвала, убедившись, что уже глубокая ночь, и огляделась по сторонам. Район был ей незнаком, однако не выглядел слишком приличным. Наверняка где-то здесь есть круглосуточные магазинчики, в которых найдется еда для нее.

Такой магазинчик нашелся буквально на соседней улице. Сонная продавщица лишь мельком взглянула на вошедшую девушку, хотя, по мнению Леры, ее вид должен был насторожить любого адекватного человека. Видимо, продавщица давно привыкла к подобного рода контингенту. Лера взяла корзинку и, проходя мимо тесных прилавков, доверху наполнила ее едой. Кто знает, сколько еще ей придется прятаться, пока в голову не придет хоть какая-нибудь достойная идея. В тюрьму она точно не собиралась. Только не снова в заточение. Уж лучше умереть.

— Эй, а платить кто будет? — гневно воскликнула продавщица, увидев, что Лера направилась к выходу прямо с корзинкой.

И снова привычный взгляд, на этот раз даже очки снимать не пришлось, поскольку она их не надевала, и продавщица с визгом уже летела через прилавок. Ксения убила бы ее за такое, но теперь некому было ее ругать.

Корзинка с едой была оставлена на набережной, куда Лера вышла спустя полчаса. Она съела всего одну булочку, когда желудок наотрез отказался принимать что-либо еще.

Медленно, но неизбежно ее охватывало странное чувство, подозрительно похожее на отчаяние. С самого детства, как только научилась что-то понимать, она научилась и ненавидеть. Ненависть к родителям, бросившим ее, была такой сильной, такой поглощающей, что Лера сама от нее страдала. Ей казалось, что, если бы она смогла избавиться от нее, она смогла бы стать обычным человеком. Таким, как все. Радоваться обычным вещам, жить как обычные люди. Без бесконечных кошмаров в голове. Она видела только один выход избавиться от ненависти: избавиться от тех, кто ее вызывает. Все эти сказки о прощении были ей противны. Особенно после того, как она узнала, что и Ксения, твердившая ей о прощении, врал.

Она не раз и не два представляла себе этот момент, когда люди, которых она ненавидела, исчезнут с лица земли. Мать, отец и сестра. И вот, ей представилась такая возможность. А она не смогла. Не смогла избавиться от них. Почему никто не сказал ей, что это будет так сложно?

Лера не знала, выжила Вика или нет. Скорее всего, Рита спасла ее. И никуда теперь не деться от этой ненависти, раздирающей ее изнутри, ничего с ней не сделать. Если раньше у нее была надежда избавиться от нее, то теперь этой глупой надежды больше нет. Может быть, она просто не умеет по-другому? Ненависть нужна ей, чтобы жить? И Марк ошибался, говоря, что она быстро учится? Есть вещи, которым научиться невозможно. Она родилась с ненавистью в душе, ее проклятие оттуда же. Она не умеет любить и прощать, потому что она и есть сама ненависть. Только об этом ей тоже никто не говорил.

Лера дошла до середины моста и остановилась. В это время суток тот был пуст. Редким такси, проезжающим по нему, не было никакого дела до стоящей у парапета девушки. Никому не было до нее дела. Никогда. И если она порой считала по-другому, то это был всего лишь сладкий самообман.

Она наклонилась вниз, глядя на темную воду. Нева была спокойна, как будто спала. Наверное, если что-то упадет вниз, она лишь немного всколыхнется и тут же снова сомкнет края, поглощая добровольную жертву. Лера почти как наяву представила себе это. И в то же время вдруг поняла, что не сможет. Как не смогла убить родителей, так не сможет убить и себя. Потому что она не убийца.

Она отошла на два шага от парапета, оглянулась на центр моста. Как жаль, что они с Марком никогда не были на нем и уже не будут. Единственное, что ей теперь оставалось, это раствориться в темноте, как очередному призраку Марка.

Глава 24

Сегодня на озеро они приехали поздно. Солнце уже на треть скрылось за горизонтом, нарисовав на гладком стекле воды красно-оранжевую дорожку и приглушив оттенки окружающего леса. Для работы оставалось еще минут тридцать-сорок, а затем нужные краски окончательно уйдут, поэтому Марк выскочил из машины едва ли не на ходу, получив от Риты соответствующий комментарий.

Прошло чуть больше месяца с тех пор, как он пообещал ей снова поработать над выставкой, и обещание свое неукоснительно сдерживал. Он приезжал на озеро каждый вечер, когда стояла хорошая погода. Пришлось перебороть себя и наконец-то сесть за руль машины. Рита иногда работала допоздна, иногда просто уделяла время бабушке, поэтому не могла ездить с ним каждый раз, как это делала Лера.

Та словно в Лету канула. Полиция нашла ее машину, но самой Леры и след простыл, хотя — в этом Марк был уверен — искали ее хорошо. Убийство психически неуравновешенной девушкой вызвало острый резонанс и прогремело на весь город. Хорошо хоть ее мать и сестра никому не рассказали о попытке убить и их. После того, как выяснилось, что Ксения сама была вором и убийцей (естественно, все следы привели к ней, о Никите никто так и не узнал), несколько изданий попыталось обелить Леру и выставить ее чуть ли не спасительницей, однако их слабые голоса остались незамеченными в общем оре и быстро стерлись из памяти. Радовало хотя бы то, что его имя, благодаря вмешательству отца, сильно не полоскали в желтой прессе. О Рите и вовсе не упоминали, чем сильно облегчили ей жизнь.

Марк каждый день ждал, что Лера придет к нему. Она должна была это сделать, ведь она совсем не умеет жить одна, не умеет решать проблемы, а уж больших проблем, чем сейчас, трудно было себе представить. И он обязательно помог бы ей. Не потому, что считал себя виноватым. Как раз вины перед ней он не чувствовал, но и осуждать ее не собирался. Просто в том, что случилось, она была виновата не одна. Пожалуй, Марк искренне считал, что Лера была виновата меньше всех. И он собирался помочь ей, если понадобится. Но она не пришла, и с каждым днем ему все больше казалось, что уже не придет.

Вчера вечером ему позвонил участковый из Соснянки. То есть уже не участковый и не из Соснянки, но Марк не запомнил ни его новое звание, ни

должность. Знал только, что все его заслуги в раскрытии убийства Павла и Светланы Поликарповны учли, повысили и перевели работать в районный центр. Максим выглядел чрезвычайно довольным этими фактами и, кажется, уже записал Марка и Риту в свои лучшие друзья. Поэтому, когда в ходе каких-то там мероприятий — Марк вообще плохо запоминал все эти официальные формулировки — был обнаружен гребень Светланы Поликарповны, Максим сделал все возможное, чтобы вернуть его им.

К нему они поехали вдвоем. Максим зазвал их на обед и торжественно вручил найденный гребень.

— Я всегда сдерживаю свои обещания, — заявил он. — Делайте с ним, что хотите.

— Скорее, что захочет эта ваша Поликарповна, — вздохнул Марк. Старуха не появлялась очень давно, и он не знал, нужен ли ей еще этот гребень или же ее удовлетворила смерть убийцы. В любом случае, с гребнем ему будет спокойнее.

Максим звал их остаться на все выходные, обещая какую-то невероятную рыбалку в, прости господи, четыре утра, поэтому Марк в ужасе поспешил откланяться.

— Ты не фанат рыбалки? — со смешком поинтересовалась Рита, когда они уже ехали обратно.

— Я похож на идиота, желающего сидеть в четыре утра с удочкой на берегу какой-нибудь лужи? — фыркнул он.

— То есть сидеть в четыре утра на берегу лужи с мольбертом лучше? — поддела она.

— Я в четыре утра еще никогда не сидел, хотя это отличная идея! На рассвете краски тоже имеют определенную прелесть. Так что мы можем попробовать.

— Все, все, я поняла, — Рита примирительно вскинула руки, на секунду отпуская руль. Когда они были вдвоем, Марк упрямо не желал садиться на водительское место. — Пиши закат.

Поскольку день выдался солнечным, и даже к вечеру не пошел дождь, они и свернули на озеро.

Пока Марк переносил на холст всю ту прелесть вечерних красок на лесном озере, которая открывалась их взорам, Рита сидела на краю открытого багажника машины и крутила в руках гребень Поликарповны.

— Что мы будем с ним делать, если хозяйка так и не изъявит своего желания? — поинтересовалась она.

Марк нетерпеливо пожал плечами, не отрываясь от своего занятия.

— Может быть, продать его и на эти деньги установить на ее могиле

дорогой и красивый памятник? Как думаешь, ей понравится?

Он только хмыкнул в ответ. Рита, видимо, поняла, что разговаривать сейчас он не расположен, и замолчала, больше ему не мешая. Марк не любил отвлекаться, ему и так постоянно не хватало времени. Как будто что-то внутри него стремилось догнать потерянные годы. Что-то, как сухая земля, много лет не видевшая дождя, впитывало живительную влагу огромными глотками, стремясь захватить еще и еще. Он никогда раньше не работал над несколькими картинами одновременно, но сейчас никак не мог насытиться. Рита не знала, но иногда, когда она не приезжала к нему на ночь, он и вовсе не ложился спать. Хотя, надо признать, без нее работа шла хуже. Она была словно своеобразным катализатором, запускавшим его работоспособность. Марк не считал ее своей музой, поскольку точно знал, что музы порой бывают изменчивы. Однако факт оставался фактом: она была ему нужна. И не только для работы. Возможно, именно это и предсказывали когда-то карты Ксении? И рано или поздно у него хватит смелости признаться и самому себе, и ей в том, что именно это называется любовью. Так далеко он пока не заглядывал.

Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, забрав с собой и яркие краски до следующего ясного вечера, он опустил руку с кистью и еще несколько минут молча смотрел на воду, думая о том, что невозможно что-то приобрести, ничего не отдав взамен. Он снова вернул вдохновение, зато потерял возможность гулять по мостам и городам, когда захочется. Вселенная любит равновесие.

Прошло еще слишком мало времени, чтобы он перестал по этому скучать.

— Мертвым плевать, что стоит на их могиле, — сказал он, отвечая на вопрос Риты, который она задала добрых десять минут назад. — Дорогой памятник, деревянный крест, а то и вовсе ничего — все едино. Они не посещают своих могил, для них есть гораздо более важные места.

— Зачем же тогда люди все это делают? — спросила Рита, соскакивая на землю, чтобы помочь ему собрать вещи и уложить их в машину.

На ночь на озере они никогда не оставались, не пили виски и не спали в палатке, согревая друг друга жаром тел. Этого Марку тоже все еще не хватало.

— Люди делают много лишнего, это еще не самое страшное, — усмехнулся он, медленно отходя от мольберта, чтобы оценить то, что успел сегодня написать.

От долгого стояния на одном месте без опоры левую ногу снова начало выкручивать чуть выше колена, и он поморщился, стараясь незаметно

потереть бедро, но Рита, конечно же, увидела.

— Когда ты в конце концов займешься физиотерапией?

— Не все сразу.

— У тебя куча свободного времени.

— Я лучше потрачу его на рыбалку с Максимом.

— Марк, я серьезно! — возмутилась Рита.

— Рита, я тоже! — передразнил он, состроив забавную рожицу.

Она вздохнула, понимая, что он в очередной раз ушел от разговора, как делал это всегда, когда она затрагивала подобную тему. Марк сам не понимал, почему упрямится. Время он найти смог бы проблема заключалась не в этом. Возможно, она заключалась в том, что его жизнь опять менялась слишком стремительно. Больше не было магического салона, клиентов, общения с духами, путешествий с Лерой, Ксении. Даже семейных ужинов больше не было. То есть они были, но теперь без Франца и Белль, зато с Ритой, а однажды даже с Верой Никифоровной. Хорошие ужины, с приятными разговорами, с впечатлениями за прошедшую неделю, обсуждением новостей и планов. Но все же не те ужины. Слишком много нового, слишком много изменений. Марк был консервативен и хватался за остатки прошлого, сам до конца не понимая, что пытается сберечь. Просто он помнил, что в прошлый раз, когда его жизнь изменилась стремительно и бесповоротно, это принесло слишком много боли, и отчасти снова этого боялся, хотя никаких предпосылок не было. Скорее наоборот.

Он поймал проходящую мимо Риту в объятия и притянул к себе, чтобы долго и со знанием дела целовать. Она всегда таяла от таких поцелуев и переставала изображать оскорбленную невинность, а он старался больше не обижать ее. В какой-то момент он вдруг понял, что это уже не приносит удовольствия. Только не с ней. Теперь он боялся ее потерять. Боялся потерять ее и все то, что приобрел вместе с ней. И это тоже было необычно, поскольку последние восемь лет он ничего не боялся: ни обидеть кого-то, ни разозлить, ни потерять. Он с трудом осознавал тот факт, что большинство людей живут с такими страхами постоянно, и он тоже когда-то так жил. Правда, ему это не помогло, и поэтому становилось еще страшнее теперь. Насколько легче было бы жить, если бы все зависело только от тебя самого.

— Хочешь, я пообещаю тебе, что подумаю над этим? — спросил он, отрываясь от ее губ и рассматривая черты лица.

После заката солнца все краски и очертания окружающего мира исчезали в темноте так быстро, что разглядеть можно было только ближайшие предметы. Особенно заметно это становилось после яркого,

солнечного дня.

— Хочу, — согласилась она.

— Обещаю, — он улыбнулся. — Иди заводи машину, я сейчас.

Рита сорвала еще один быстрый поцелуй и направилась к машине. Марк смотрел ей вслед, пока она не щелкнула брелоком и мгновение спустя темноту не разрезал свет фар, а затем быстро, насколько позволяла нога, отошел чуть в сторону, где под одной из сосен лежал большой камень. Лера всегда брала его, когда им нужно было что-то придавить, чтобы не унесло ветром, а затем неизменно возвращала назад.

Марк приподнял его, убеждаясь, что конверт, завернутый в несколько слоев клеенки, чтобы не промок в случае дождя, все еще лежал там. В этом конверте находилась приличная сумма денег, которой могло хватить на первое время, а также телефон человека, который когда-то уже делал Лере новые документы, и мог сделать их снова. Ради этого телефона пришлось нарушить данное себе обещание никогда не пробовать связаться с Ксенией.

Марк не знал, откуда у него уверенность, что Лера, даже если каким-то образом окажется на озере, заглянет под камень. Скорее, это была огромная надежда, которую он хотел принимать за уверенность. Каждый раз, приезжая сюда, он заглядывал под камень, надеясь не увидеть там конверта, но каждый раз он оказывался там.

Рита, конечно, ничего об этом не знала.

Эпилог

Год спустя

Рита не могла сказать, что не любила официальные мероприятия. Она вполне спокойно относилась к вечерним платьям и туфлям на шпильках, могла сделать симпатичную прическу и макияж, но только при одном условии: если она не будет находиться в центре внимания.

Художественная выставка, на ее взгляд, официальное мероприятие напоминала мало, хотя закуски и даже шампанское среди посетителей разносили, а большинство приглашенных гостей пришли если не в вечерних платьях и смокингах, то и далеко не в будничной одежде. Ей тоже пришлось нарядиться в нежно-зеленое узкое платье чуть выше колена и надеть знаменитые бабушкины сережки с изумрудами. Марк почему-то настаивал именно на них. Конечно, обычные посетители подобным не заморачивались, щеголяли в джинсах и футболках, поскольку среди них было очень много просто проходивших мимо туристов. Выставка, организованная практически в центре города в разгар лета, привлекала много внимания. Однако она не была обычным посетителем, поэтому старалась соответствовать.

Выставку организовали для двух художников: Марка Гронского и Виталия Степанова, художавого молодого человека невероятно высокого роста и потому немного сутулого, словно он всеми силами стремился не выделяться из толпы. Сначала Марк собирался организовывать все сам, но очень быстро выяснилось, что организатор из него весьма посредственный, если не сказать хуже. Тогда-то в процесс включилась какая-то знакомая его матери, сделавшая все быстро и на самом высоком уровне: и помещение нашла, и рекламу организовала. Да и сама выставка проходила под полным ее руководством. Поскольку Марк, даже при его внезапно проснувшейся работоспособности, не мог за год написать достаточное количество картин, а ждать с выставкой не желал, она решила объединить его творчество с еще одним художником, пишущим в схожем с ним жанре.

Выставка пафосно называлась «Возвращение к жизни». Особое внимание уделялось аварии Марка девять лет назад, последовавшему за ней перерыву в искусстве и его возвращению к живописи после этого. Рите это не слишком-то нравилось, она не любила выставлять напоказ личные трагедии и акцентировать на них внимание, но Марка, казалось, ничуть не смущало. Впрочем, она всегда знала, что он не против подобных ходов,

если они сулят выгоду. Если бы название появилось не месяц назад, а гораздо раньше, Рита уже предполагала бы, что Марк именно поэтому так и не соизволил за год заняться лечением своей ноги. Трость в его руках привлекала внимание, напоминая о произошедшей трагедии. Рита давно могла бы избавить его от нее, но он наотрез отказывался, говоря, что однажды сам с этим справится. Наверное, один из таких отказов помог ей наконец решить, что делать со своим даром. Она не стала бросаться в крайности, как отец и бабушка, и помогать всем или никому. На работе им не пользовалась, решив, что должна стать хорошим врачом без него, иначе зачем столько училась? Это было вызовом самой себе, и она приняла его, как это делал Марк. Но точно знала, что если помощь понадобится кому-то из близких, она не удержится.

От чего такого возвращался к жизни Виталий, Рита не могла даже предположить. Внешне он казался абсолютно здоровым, и ничего трагичного в его биографии не было, но он играл на этой выставке вторую скрипку.

Больше всего ее удивляло участие матери Марка. Когда речь только зашла о выставке около полугода назад, его родители, как в прошлый, по его словам, раз, не проявили особого интереса. В какой-то момент Рите даже захотелось поговорить с ними об этом. Без Марка, конечно. Объяснить, как для него важно их присутствие, их одобрение. Но она сдержала себя. Не потому что стеснялась. Просто ей показалось, что это будет унижением в первую очередь для самого Марка. По крайней мере, она не сомневалась, что он воспримет это именно так, если узнает. Однако что-то неуловимо изменилось за последнее время в их отношении и к нему самому, и к его творчеству. Словно они наконец-то приняли его таким, какой он есть. Или же отсутствие старшего сына, который всегда был их гордостью, заставило их обратить внимание и на младшего. Сегодня на выставку они пришли полным составом.

Самой Рите уделяли гораздо больше внимания, чем она хотела. Марк повсюду таскал ее за собой, а журналисты уже окрестили ее «музой Марка Гронского». Ей, как и самому Марку, не нравилось это звание. Было в нем что-то временное, ветренное, словно в любой момент она могла исчезнуть из его жизни. Ей же хотелось постоянства, и у нее были на то причины. Марк пока ничего не знал, она не хотела отвлекать его от выставки. В любом случае, что бы она ни думала о происходящем, это был не ее триумф. Главное, что это нравилось Марку. И она была искренне за него счастлива.

Среди приглашенных гостей была, конечно, и ее бабуля. Она щеголяла

в элегантном бледно-розовом платье и такого же цвета шляпке с вуалью. Возле нее Рита заметила несколько человек в простой одежде с фотоаппаратами. Судя по тому, что бабуля что-то увлеченно рассказывала им на немецком, это были немецкие туристы.

— Кажется, Вера Никифоровна сделает мне лучшую рекламу среди иностранных туристов, — услышала она рядом с собой тихий голос Марка. — Держу пари, эти тоже позарятся на «Исчезающих в темноте».

Рита улыбнулась, поворачиваясь к нему. Картина, которую Марк писал несколько месяцев на закате на лесном озере, пользовалась наибольшим успехом. И — вот ведь незадача для всех покупателей — ее одну Марк не желал продавать. Она действительно вышла удивительной: яркие краски заходящего солнца постепенно растворялись в надвигающейся темноте, заставляя рассматривать каждый штрих, каждое движение кисти. Оранжево-красная дорожка на воде контрастировала с темными деревьями, словно демонстрируя две стороны погружающегося в мрачный сон озера. Марк не успел закончить картину осенью, пока не наступили холода, и продолжил весной и летом, завершив буквально за неделю до выставки.

— Мы можем попросить бабулю рекламировать что-нибудь другое, — предложила Рита. — Уверена, у нее получится.

— О, я в этом не сомневаюсь. Держи, — он протянул ей бокал с шампанским, выглядя по-настоящему счастливым. — Как думаешь, мне уже пора предлагать ей процент с продаж?

Рита не успела ответить, поскольку к ним подошла девица в рваных джинсах и с большим фотоаппаратом. Она явно была журналисткой, но могло показаться, что выставку она перепутала и ожидала увидеть что-то из того, что называется современным искусством. Классические пейзажи ее не привлекали, а потому она искала какой-то более интересный повод для статьи.

— Это правда, что вы умеете общаться с призраками? — напрямую поинтересовалась она, задав несколько пространных вопросов, которые были неинтересны даже ей самой.

Марк удивленно приподнял бровь. Когда он перестал заниматься «магией», призраки стали посещать его гораздо реже. Словно раньше, вызывая их по своей воле, он забывал закрыть дверь на другую сторону, и они могли приходить сами, когда им вздумается. Но и теперь он продолжал иногда видеть и слышать их. Он не скрывал этого специально, но и не акцентировал внимания. Ушлые журналисты при желании в любом случае раскопали бы, чем он зарабатывал себе на жизнь год назад, однако пока никто не проявлял к этому интереса.

— Правда зависит от того, с какой стороны вы на нее смотрите, — спокойно ответил он.

Судя по выражению ее лица, девица не поняла ответа. На секунду она зависла, а затем продолжила:

— И что, сейчас здесь присутствуют какие-нибудь?

— Никого из тех, кто согласился бы ответить на парочку ваших вопросов, — хмыкнул Марк.

— А это правда, что вы лежали в психиатрической клинике?

— А это правда.

Рита отвернулась, закусив губу и делая вид, что рассматривает висящую ближе всего картину. Марк мог бросить «магию», снова заняться живописью, но заставить его перестать дразнить людей не могла никакая сила. Особенно если они ему не нравились. Иначе это был бы уже не Марк.

— Из-за того, что видите призраков?

— Тогда это называлось шизофренией.

Девица явно не ожидала, что Марк не станет отрицать этого факта в своей биографии, и снова растерялась.

— Так что же это было на самом деле?

— Почему вы говорите об этом в прошедшем времени?

Рита уткнулась лбом в его плечо и глубоко вдохнула, пытаясь сдержать смех.

— А как насчет той истории, что произошла с вами год назад? — журналистка не собиралась уходить с выставки без грязной сенсации.

— С какой именно? — уточнил Марк, и его голос неувовимо изменился.

— С той, где ваша сумасшедшая подружка убила гадалку, на которую вы работали. Ее ведь так и не нашли, да?

Марк ничего не ответил. Рита замерла, прислушиваясь к происходящему и выбирая момент, когда ей стоит вмешаться, чтобы он не наговорил того, о чем потом станет жалеть, а затем медленно подняла голову. На лице журналистки все еще отражалась жажда скандала, но она уже постепенно сменялась удивлением и неуверенностью. Рита перевела взгляд на Марка. Тот смотрел куда-то поверх головы девушки, словно увидел что-то в толпе людей, стоящих возле одной из картин. Рита проследила за его взглядом, но не смогла даже понять, кого именно он рассматривает. Людей было много, все они переходили с места на место, и она не могла заметить никого особенного.

— Марк? — тихо позвала она.

Он сжал ее ладонь, сунул ничего не понимающей журналистке в руки

свой бокал с шампанским и бросился вперед, потащив Риту за собой. Та в последний момент тоже успела отдать девушке бокал, из которого все равно не собиралась пить. Журналистка проводила их удивленным взглядом, держа в руках два бокала с шампанским и даже забыв закрыть рот.

— Марк, что случилось? — спрашивала Рита, торопясь за ним. Удивительная прыть для человека, не расстающегося с тростью.

— Там Лера, — не оборачиваясь, сказал Марк.

— Что? — Рита посмотрела вперед, на толпу людей, к которой они приближались. Она переводила взгляд с одного человека на другого, не зная, куда смотреть.

Лера тогда так и не объявилась. Марк рассказал Рите о деньгах, которые оставлял для нее и которые она так и не забрала, несколько раз пытался вызвать ее из мира мертвых, но она не отзывалась. И никто из них не понимал, жива она или мертва.

Марк протащил ее мимо людей, даже не взглянув на них, и лишь свернув в длинный коридор, остановился. Коридор хорошо просматривался и был пуст. Они проверили каждую дверь, но все оказались закрыты.

— Я же видел ее, точно видел! — не успокаивался Марк.

Рита не знала, что сказать. Она либо не видела, либо просто смотрела не туда.

— Марк, ты видел ее или... — она запнулась, не сумев закончить.

Марк перевел на нее взгляд и долго молчал, прежде чем ответить:

— Я не знаю.